

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

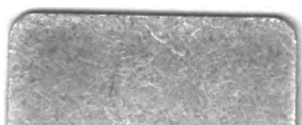
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 384.40

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVI, вып. 4—6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе
къ XVI тому «Извѣстій».
Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ, за-
писанныхъ въ губерніяхъ Казанской,
Симбирской и Уфимской. Н. И. Аш-
марина 1—91.
Протоколы Общихъ Собраній Обще-
ства Археологій, Исторіи и Этногра-
фіи за 1899 годъ 1—20.

Сказки казанскихъ татаръ и сопо-
ставленіе ихъ со сказками другихъ
народовъ. А. К. Насырова и П. А.
Ислюкова 65—112.
Указатель книгъ журнальныхъ и
рукописныхъ статей и записокъ о кир-
гизахъ. Дѣйств. члена А. Е. Алек-
горова 65—128.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1900.

Вышелъ 10 декабря.

2000
3311
#12-10

^Δ
PSlav 384.40 (16,20.4-6)

URHIA.

161 кс

Заказ № 0144/15 Дата 6/10/61

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Микросъемка / экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр. 1-10

Все 4-10

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

4-10-15

Наименование или ...

шифр издания ...

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

ОГЛАВЛЕНИЕ

XVI ТОМА «ИЗВѢСТІЙ».

СТАТЬИ И ИССЛѢДОВАНІЯ.

	<i>Стр.</i>
Народные способы леченія у башкиръ и крещеныхъ татаръ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. <i>И. О. Матанова</i>	1—14.
Къ вопросу о сходствѣ восточно-тюркскихъ сказокъ со славянскими. Двѣ сербскія сказки о женщинѣ. <i>И. П. Ягановича</i>	15—21.
Представители Казанскаго края на земскомъ соборѣ 1648—49 гг. <i>В. А. Борисова</i>	22—30.
Бакса. (Изъ міра киргизскихъ суевѣрій). <i>А. С. Алексеева</i>	31—37.
Хвалебная пѣснь Досъ-Ходжи въ честь султана Кенисары Касымова. <i>А. Д. Местерова</i>	38—57.
Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7154 (1646) года. <i>В. А. Борисова</i>	163—175.
Ардинскій приходъ Козьмодемьянскаго уѣзда. <i>И. С. Яблонскаго</i>	176—212.
Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ. <i>А. А. Дмитриева</i>	257—272.

Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска. *И. О. Натанова* 273—291.

МАТЕРІАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Изъ археологической экскурсіи въ 1898 году по Ядринскому уѣзду. *О. И. А. Архангельскаго* 72—78.

Нѣсколько словъ о Бахталинской древней перкви. *О. М. А. Иванцкаго* 78—80.

Археологическія достопримѣчательности Ядринскаго уѣзда Казанской губерніи. *О. И. А. Архангельскаго* 213—225.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Къ исторіи Пермскаго края. *Ф. С. Дягилева и с. Д. Шестакова* 80—83

Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ. *В. А. Борисова* 83—87.

Нѣкоторыя данныя для исторіи городовъ Казанскаго края въ XVII вѣкѣ. *Его же* . . . 226—235.

Писцовая книга города Лайшева 7076 (1568) года. Съ предисловіемъ *В. Б.* . . . 299—304.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Мусульманскія сказанія о жезлѣ Моисея. *И. О. Натанова* 87—93.

Пѣсни, записанныя въ с. Б. Борлѣ Сенгилевскаго у. въ 1875 г. и со словъ по-

III

Стр.

воляжскихъ бурлаковъ въ 1878 г. <i>И. И.</i>	
<i>Ильшикова</i>	93—106.
Прикамская народная этнографическо-сатирическая пѣсня. <i>В. И. Магницкаго</i> . . .	236—239.
Народные способы «лечения» и заговоры противъ болѣзней въ Казанской губерніи. <i>И. Чибрикова</i>	305—308.

ХРОНИКА.

О раскопкахъ вблизи д. Пьянковой Осинскаго у. Пермской губ. въ сентябрѣ 1898 г. <i>И. И. Ивошрещенныхъ</i>	58—61.
Тульское епархіальное историко-археологическое товарищество. <i>В. Б.</i>	61—62.
Библиотека и архивъ П. Г. Осокина. <i>В. И. Магницкаго</i>	62—63.
Находки въ Свияжскомъ уѣздѣ. <i>В. Б.</i>	63.
Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. <i>Д. В. Васильева</i> . . .	64—71.
Проколы общихъ Собраній Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи за 1898 годъ.	143—161.
Докладъ К. В. Харламповича въ Обществѣ Археологін, Исторіи и Этнографіи объ Юсифѣ Курцевичѣ, архіепископѣ Суздальскомъ	240—241.
Урочище «Марининъ кладъ» близъ селѣна Соловнова Казанскаго уѣзда. <i>И. А. Паласовой</i>	242.
Программа для составленія чувашскаго словаря. <i>И. И. Ашмарина</i>	243—248.

Древняя башня въ городѣ Арскѣ Казанской губерніи. *В. А. Борисова* 292—298.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Отзывы о новыхъ книгахъ, *И. Е. Катанова* и *В. Б.* 107—119, 124—126 и 252—254.

Замѣтка о сборникѣ гравюръ «Облѣмать духовный». *И. А. Петровскаго*. 119—124.

Отвѣтъ г-ну Богдановскому по поводу его статьи «Къ вопросу о расположеніи городской стѣны Казанскаго посада въ 1552 г.» *В. А. Борисова*. 127—136.

Разъясненіе на Отвѣтъ г-на Борисова. *Писемнича Богдановскаго*, съ предисловіемъ отъ имени Совѣта Общества и примѣчаніями *В. А. Борисова* 137—142.

О рѣдкомъ сборникѣ русскихъ пѣсень. *И. П.* 249—251.

По поводу изслѣдованія г. С. Л. Пташникаго о происхожденіи Перваго Самозванца. *И. П.* 255—256.

Прибавленіе къ этой замѣткѣ. *Э. Ж.* 321.

Литература археологіи, исторіи и этнографіи во второй половинѣ 1899 года (по газетамъ, вѣдомостямъ и нѣкоторымъ журналамъ, получаемымъ Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи. *И. Е. Катанова* 309—320.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1899 годъ и списки членовъ.

и должностныхъ лицъ Общества. <i>В. А. Бе- рисва</i>	1— 25.
Сказки казанскихъ татаръ и сопоста- вление ихъ со сказками другихъ народовъ. <i>С. Н. Назирова</i> и <i>П. А. Пляхова</i>	1—112.
Указатель книгъ, журнальныхъ и газет- ныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. <i>А. С. Алиштерова</i>	1—128.
Сборникъ чувашскихъ пѣсень, записан- ныхъ въ губерніяхъ Казанской, Симбирской и Уфимской. <i>И. И. Ашмарина</i>	1— 91.
Протоколы общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1899 годъ.	1— 20.

Н. И. Ашмаринъ.

СБОРНИКЪ
ЧУВАШСКИХЪ ПЪСЕНЪ,

ЗАПИСАННЫХЪ

въ губерніяхъ Казанской, Симбирской
и Уфимской.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Унверситета.

1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этно-
графіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *И. Катановъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XVI тома «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и
Этн.» за 1900 годъ).

Сборникъ чувашскихъ пѣсенъ.

Пѣсни, заключающіяся въ этомъ сборникѣ, записаны мною у чувашъ слѣдующихъ селеній:

1) Села Н. Карамалы (Хурамал) и д. Елбулака (Йӓлпӓлак), Белеб. у. Уфим. губ.; 2) дд. Шибачева (Шӓпаѳав), Янгильдиной (Мӓнал), Сятра-кассовъ (Ѵатра-Марка), Верхнихъ Олгашей (Ту-ѳи Олкаш), Березовыхъ Олгашей (Хорӓнлӓх Олкаш) и с. Малаго Карачкина (Пошкӓрт), Козм. у.; 3) с. Мусирмы (Мӓп-Ѵырма), Цив. у.; 4) с. Тюрлемы (Тӓрлемес), Чебоксар. у. и 5) д. Хошъ-Сирмы (Хош-Ѵырма), Карсун. у. Симб. губ.

Пять пѣсенъ, записанныхъ въ д. Кильдешъ (Килтӓш), Шуматов. прихода Ядр. у., доставлены мнѣ В. К. Магницкимъ.

Н. А.

Ъ А В А Ш Ы У Р Р И С Е М.

I. Сил савърнаѣ, таван, сил савърнаѣ,
Силпе пѣрле сѣмѣрт сыхланаѣ;
Шухайшлaman зухне сав суретѣп,
Шухайшласан зѣлхем сыхланаѣ.

(Хурамал).

«Вѣтеръ кружится, родной, вѣтеръ кружится, а отъ вѣтра путаются черемуховыя листы. Когда я не думаю, то хожу себѣ спокойно, а какъ стану думать, нѣмѣтегъ (путается) у меня языкъ».

II. Сѣлѣ тусем синзе тулѣ кѣшлѣ,
Ан уйѣрѣр хѣри йенѣшне;
Хализѣзенех пѣрле пурѣнтѣмѣр,
Ан уйѣрѣр кунтан малашне.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ ворохъ пшеницы, — не отдѣляйте отъ него ухвостья. До сихъ поръ мы все жили вмѣстѣ, такъ и впредь вы насъ не разлучайте».

III. Сѣлѣ тусем синзе савра вѣлѣ,
Савѣрнайса ишше пулас сук;
Мѣсвѣн пусѣнзе нуша пысѣк пулсан,
Йарѣнайса усме пулас сук.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ—круглое озеро,—да не придется по нему плавать вокругъ. Когда надъ головою бѣдняка нужда великая, то не придется ему вырасти на привольѣ».

IV. Сўло тусем сннзе тём-тём калван
Сил асталла зёрнѣ саванталла;
Пезек кѣна пусам, самракъ бунѣм,
Турѣ асталла сырнѣ саванталла.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ кустами ковыль; куда подулъ вѣтеръ, туда онъ и клонится. Моя маленькая голова и молодая душа клонятся туда, куда судилъ Богъ».

V. Шурѣ иккен куйанѣн урисем,
Хёрлѣ иккен тиллѣн урисем;
Шухашларѣм-пѣхрѣм пѣзбѣн пуспа
Ку терлѣ иккен Туррѣн сырнисем.

(Хурамал).

«Видно, у зайца бѣлая нога, видно, у лисицы красная нога. Подумалъ я, разсудилъ своею одинокою головою — видно таково Божье опредѣленіе».

VI. Куккуксем авѣтаѣ йарѣнса
Сулзѣна кѣзѣк хушшинѣ;
Шѣпѣк авѣтаѣ йарѣнса
Хѣйахпалан хѣмѣш хушшинѣ;
Пирѣк ку ѣмѣрсем пртсе пыраѣ
Хуѣхѣна шуѣм хушшинѣ.

(Хурамал).

«Привольно поетъ кукушка между листьевъ и почекъ деревьевъ; привольно поетъ соловей между осокою и тростникомъ, а вся эта наша жизнь только и проходитъ, что между однѣми заботами и горестями».

VII. Хура зѣкезъ вѣсет сўлелле,
Сувазѣсем канас сѣр пур-ши?
Пирѣн ку пуссем хурлѣхлѣ,
Бунѣмѣрсем канас сѣр пур-ши?

(Хурамал).

«Черная ласточка летитъ вверхъ,—есть ли гдѣ отдохнуть ея крыльямъ?
Несчастныя у насъ головы,—есть ли гдѣ отдохнуть нашей душѣ?»

VIII. Ёлѣк ъупе епир сѳрерѣмѣр
Сѳртран сѳрга йуртан пѳлан пек,
Хамѳр пуца йивѳрлѳхсем вилсен
Авѳнтѳмѳр хура сѳлен пек.

(Хурамап).

«Въ прежнес время мы ходили рѣзво, какъ олени, перебѣгающіе съ холма на холмъ, а какъ пришли на нашу голову тяжелыя бѣдствія, мы изогнулись, какъ черныя змѣи».

IX. И, кайатпѳр, тѳван, кайатпѳр,
Кайри ъуреѳерен пѳхса йулѳр.
Кайри ъуреѳерен курмасассѳн,
Малти ъуреѳерен пѳхса йулѳр;
Малти ъуреѳерен курмасан,
Пусма вѣсне тѳрса пѳхса йулѳр.
Пусма вѣсне тѳрсан та курѳнмасан,
Икѣ аллѳпа сул та пѳртне кѣр,
Алѳк патне пѳх та тѣпеле пѳх,
Хѳш тѳвану сѳукне савѳнтан пѣл.

(Хурамап).

«Уходимъ мы, родной, уходимъ,—гляди намъ вслѣдъ изъ задняго окошка. Если не увидишь изъ задняго окошка, то посмотри изъ передняго. Если не увидишь и изъ передняго окна, то сойди съ крыльца и погляди. Когда не будетъ видно и отъ крыльца, тогда махни обѣими руками и ступай къ себѣ въ избу; посмотри и къ двери и въ передъ избы и тогда узнай, котораго нѣтъ изъ твоихъ родныхъ». (Солдатская.)

X. И, кайатпѳр, тѳван, кайатпѳр,
Кѣленѳерен кѣпер хывтарса;
Кѣленѳерен хывнѳй кѣпер тѳвѳр пулѣ,
Пирѣв курни илтни сакѳй пулѣ.

(Хурамап).

«Эхъ, уходимъ мы, родной, уходимъ, заставивъ намостить стеклянный мостъ; стеклянный мостъ будетъ увокъ, а то, что мы увидимъ и услышимъ, будетъ для насъ печально».

XI. Укълѣ хапхинѣен тухнѣ зухне
Кўлнѣ лаша тула пусларѣ;
Сыв пул, пур пул, тесе алѣ паян зух
Пѣр тѣванѣм макѣра пусларѣ.

(Хурамал).

«При выѣздѣ изъ полейхъ ворота заартачилась (у меня) запряженная лошадь. Когда я жалъ руки, говорю: «Прощайте!», заплакалъ мой родимый братецъ».

XII. Авкарта пѣр хысне йѣгѣн акрѣм,
Кам пырѣ-ши ѣна сѣлмашѣн?
Епирех те кунтан кайас пулсан,
Кам пырѣ-ши пире ѣсатмашѣн?

(Хурамал).

«Я послѣялъ за гумномъ лень; кто пойдетъ его брать? Когда намъ придется отсюда уходить, кто пойдетъ насъ провожать?»

XIII. Авѣтаѣ-ѣсве куквук, йарѣнса,
Авѣтсан та пѣзѣен майакра;
Асѣнѣпѣр, тѣван, пѣр-пѣрпе, асѣнѣпѣр,
Асѣнсан та пѣзѣен вѣхѣтра.

(Хурамал).

«Привольно кукуетъ кукушка, хотя и кукуетъ, но одинока она на вѣхѣ. Помянемъ мы, родной, другъ друга, помянемъ, но только тогда, когда будемъ въ разлукѣ».

XIV. Сўлѣ тусем снѣѣе тилѣ йуртсан
Йалти йытѣсен кусне тѣрѣнаѣ;
Йалти сѣмрѣв вѣрѣм лайѣх ўссен,
Курайман тѣшман кусне тѣрѣнаѣ.

(Хурамал).

«Когда на высоких горах рысью бѣжить лисица, это раздражаетъ деревенскихъ собакъ; если хорошо вырастаетъ молодой парень, это раздражаетъ ненавистниковъ-враговъ».

Х V. Сорѣм пуѣ билет шоралса,
Шор автан сассисем илтѣнеѣсѣ,
Аттепеле анне калаѣсѣсѣ:
Хѣш аѣана парас? тейеѣсѣ.
Тѣи аслине парас тейеѣсѣ,—
Тѣи аслийѣн аѣи пит нумай,
Нумай куѣ соѣ полайатъ;
Вѣталѣхне парас тейеѣсѣ,—
Вѣталѣхин арѣм пит ѣслѣ,
Вѣл полмасан вил саланаѣтъ;
Кѣѣннинне парас тейеѣсѣ,
Кѣѣннин пуѣ хѣластой:
Хѣластойѣн пуѣне хѣр турѣ.
Хамѣр вилтен-ѣортран тохса кайнѣ зох
Виѣвен ѣѣѣ ѣорѣѣ зѣреме,
Тѣерем шорѣ ѣуне ирѣлтерѣѣ,
Нѣр пек хѣрлѣ сѣвѣма шоратрѣ,
Виѣ ѣол порѣнас вѣйѣма пѣтерѣѣ.
Хамѣр ѣѣртен-шывран тохнѣ зох
Шѣнвѣртатса йохаѣ солхѣн шыв.
Ѧшѣм ѣоннѣ йенне вѣртс ' ѣѣрѣм,
Ѧшѣм пѣр ваннинне пѣлмерѣм,
Пуѣѣм ѣохалнинне сисмерѣм.
Ѧохалин ѣохалтѣр манѣн айван пуѣѣѣм:
Кирек ста кайсан та пѣр хѣвел,
Хѣвел вон ѣути,
Уйѣхпала ѣѣлтѣр ѣѣр ѣути.

(Хош-Ѧырми).

«Занимается бѣлья заря, слышатся голоса бѣлыхъ пѣтуховъ. Мое мать и отецъ разговариваютъ: «Котораго парня отдать въ солдатмъ?» Они думаютъ отдать старшаго, но у старшаго очень много дѣтей: будетъ много слезъ; думаютъ они отдать средняго, но у средняго очень умная жена: безъ

ней весь домъ разорится; думаюгь огдаты младшаго: у младшаго голова холостая. Обидѣли холостого парня.

Когда я уходилъ изъ нашего дома, словно острый ножъ разрѣзалъ мнѣ сердце. Растопился бѣлый жиръ моего сердца, поблѣднѣло мое румяное лицо, на цѣлыхъ три года убавилось моей жизни. При выходѣ изъ нашего родного мѣста съ журчаніемъ течеть студеная вода. Томимый жаждою я прилегу и напилюсь, но не почувствую утолненія жажды,—не замѣтилъ я, какъ пропала моя головушка. Коли пропадать, такъ пусть пропадаетъ моя глупая головушка: куда ни пойдешь, вездѣ одно солнце: дневное свѣтило—солнце, ночное—мѣсяцъ и звѣзды».

XVI. Късалхи напор поласса пѣлнѣ полсан

Аса та кквен полас мѣн,
ҘсҘен хир варрине шѣтас мѣн,
Хорсѣ савапала касѣлас мѣн,
ҘѣрнуҘ сѣлли паккус ѣвес мѣн,
Кѣрхи вѣт сомѣрпа сѣрес мѣн,
Савра силпе вѣсҘе кайас мѣн,
Хора пѣлѣт сомне сѣшѣсас мѣн,
Касѣ-касѣ пѣлѣт полас мѣн,
Вѣттѣн-вѣттѣн вѣт сомѣр сѣвас мѣн,
НаҘар оҘамсене Ҙѣртес мѣн,
Хора халѣх торри еп полас мѣн.

(Хош-Ҙырма).

«Кабы я зналъ, что въ этомъ году будетъ наборъ, такъ лучше стать бы мнѣ чемерикой безъ сѣмянъ, вырости бы въ чистомъ полѣ, срѣзаться стальною косою, упасть пластомъ до колѣнъ вышиною, сгнить отъ мелкаго осенняго дождя, улетѣть бы мнѣ по вихрю, пристать къ черной тучѣ, стать кучками облаковъ, мелко-мелко падать мелкимъ дождичкомъ, оживлять плохія озими. сдѣлаться богомъ честнаго народа» *)

XVII. Кѣмѣлех сѣрѣ сырулѣ вуҘ Тѣхѣнѣрсем сыру пѣтиҘбен;

*) т. е. оказать ему благодѣяніе. Ср. выраженіе: „Турѣ Пул“—яви божескую милость, собствъ будь богомъ.

Џаќа епѣрех кунтап кай-ассѣн,
Асѣнѣрсам асран кайвѣзбен.

(Хурамал).

«Серебряное кольцо—писанный камешекъ, носите, пока не стерлась на немъ надпись; теперь, когда мы уйдемъ отсюда, вспомните о насъ, пока не утрачены воспоминанія».

XVIII. Исех те каймащѣ приѣом корма,
Исех те кайащѣ сѣс хырма.
Приѣомап алаѣвѣ—йѣс алаѣ,
Епѣр ситсе тѣрсан уѣалаѣ,
Епѣр вѣрсе кайсассѣн хопѣнаѣ.
И, тытрѣс те тѣратрѣс виѣсене,
Тохайрѣм, аннеѣсѣм, виѣсене,
Ай икѣ те аршѣн виѣс вершшок.
И посрѣс те лартрѣс стул сине,
И хырѣс те пѣрахрѣс мап сѣсме,
И шѣлѣс те пѣрахрѣс сѣп сине.
Пѣр савра сил тохтѣр, вѣсертѣр,
Аннеѣсѣм тѣрки сѣне ѣвертѣр,
Шор тоттѣрна сыхса хотѣр-и,
Ирлѣн -каслѣн тытса пѣхтѣр-и,
Кѣрилтси сине тохса тѣтѣр-и,
Аѣам вилет тесе кѣтгѣр-и.

(Хош-Сырми).

«Не ведутъ меня прѣемъ смотрѣть, а ведутъ меня лобъ забривать. Приемная дверь—мѣдная дверь, при нашемъ приходѣ она растворяется, а какъ вошли туда, затворяется. Ахъ, схватили меня и въ мѣру поставили. Вышелъ я тутъ въ мѣру, матушка, оказалось два аршина и три вершка. Поставили стулъ и посадили меня, сбрили они мнѣ волосы, вывели и выбросили ихъ на сорную кучу. Пусть поднимется вихрь и унесетъ ихъ, и уронитъ на колѣни матушкѣ; пусть завяжетъ она ихъ въ бѣлый платокъ, пусть беретъ и сморгитъ каждое утро и вечеръ и, выйдя на крыльцо, пусть стоитъ и дожидается, что вотъ придетъ къ ней сыночекъ».

XIX. Сѣлѣ тусем сипѣ тилѣ йуртаѣ,
Аслѣ сѣда тухасси ивѣ мар;

Халпъзепех пёрле пурънтъмър,
Пёр пёринъев уйърълма ивзе мар.

(Хурамал).

«На високихъ горахъ рмсю бѣжигъ лисица; недалско ей выбѣжигъ на большую дорогу До сихъ поръ мы жили вмѣстѣ, но уже недалеко наша разлука».

XX. Аттеѣм панъ-ъзе йѣтѣн сѣлѣк,
Саканса йултър вѣта пѣтара;
Апнеѣм панъ-ъзе йѣтѣн пир вѣпи,
Саканса йултър вѣта каштара.

(Хурамал).

«Шапка вязанка, которую подарилъ мнѣ батюшка, пусть виситъ на среднемъ гвоздѣ; рубашка изъ льняного пологна, подаренная мнѣ матушкой, пусть виситъ на среднемъ шестѣ».

XXI. Тѣхънтѣм вѣтат,
Сихрѣм пуса—
Йѣтѣ кайац, тѣванѣм,
Курса йул.

(Хурамал).

«Надѣлъ я бешметъ, туго подпоясаяся, — теперь прощай, родимый, погляди на меня въ послѣдній разъ».

XXII. Аслѣ сул хѣрринъе сар пушѣтлѣх,
Сул сыннисем пѣлѣс хисепне;
Куптанах та уйърълса и кайсассѣн,
Пёр Турѣсѣм пѣлѣ сывлѣхпа.

(Хурамал).

«На краю большой дороги—желтыя молодыя липы; дорожные люди будутъ знать имъ счетъ. Когда ты распростишься и уйдешь отсюда, лишь одинъ Богъ будетъ знать о твоёмъ здоровьи».

XXIII. Алѣхрѣмах сѣлѣ тусем сине,
Антѣм-ѣске аслѣ улѣха;

Аслă улăх сийё — сарă хăмăшăх,
Сарă хăмăшсем сийё — сарă кайăк.
Сарă кайăксем вёсёе кайсассăн,
Хумханёс-ши сарă хăмăшсем?
Епврех те бунтан капас пулсан,
Хуйхăрёс-ши пирёнпён тăвансем?

(Хурамал).

«Поднялся я на высокія горы, спустился на большой лугъ; на большомъ лугу желтый тростникъ, на желтомъ тростникѣ желтая птичка. Когда улетить желтая птичка, заколышутся-ли желтые тростники? Когда мы будемъ уходить отсюда, будутъ-ли горевать наши родные?»

XXIV. Орамърсем тўрё мар, ковкър-маккър,
Ѕёрле сўрессисем пит кансёр.
Орамърпа иртсе пывă зох
Хайу сўти ўкнё сола орлă.
Еп зопрăм та ситрём зўреть'омне,
Тăванăма аш'айхинзен вăратрăм,
Питёрнё хапхине устартăм,
Пёр патёйан сăрине астартăм,
Тăвансăм тав тумасър ёсмерём,
Тав тăва тав тăва ёстерзё,
Ман айван пусăма ўсёртрё.
Ўссёр кăна полтăм хăмларан,
Йăнăш кăна полтăм зёлхерен.

(Хош-Ѕырми).

«Вась улицы не примья, — кривья, очень неудобно ходить по нимъ ночью. Когда я проходилъ по вашей улицѣ, свѣтъ твоей лучины палъ черезъ дорогу. Побѣжалъ я тутъ скорѣи къ окошку, разбудилъ родного отъ сладкаго сна, заставилъ отпереть запертыя ворота, послалъ его нацѣдять яндову пива. Не сталъ я пить раньше, чѣмъ мой родной выпилъ за мое здоровье: все время онъ угощалъ меня и самъ пилъ, здравствуюсь со мною. Опьянилъ онъ мою глупую голову. Пьянёхонекъ сталъ я съ хмеля, и порядкомъ такъ сталъ ошибаться у меня языкъ».

XXV. Сўлё тусем сине еп айхрăм,
Ѕёр сёклейми хăвасем еп куртăм;

Саб тавансем патне еп вилсессён,
Пуç сёвлейми сыйсем еп куртйм.

(Хурамал).

«Поднялся я на высокую гору и увидалъ тамъ такіе тальники, которыхъ не сможетъ поднять земля; когда я пришелъ къ этимъ родственникамъ, я увидалъ у нихъ такое угощенье, какового не сможетъ вынести голова».

XXVI. Суртәрсемех сўлэ, урамърсем аслэ,
Тунсӑх мар пулэ шӑнкӑрав сассисем;
Иртейех те вилеп, каç та вилеп,
Тунсӑх мар пулэ, тавансем, еп сире.

(Хурамал).

«Дома у васъ высокіе, улицы широкія,—надоѣло, поди, вамъ звяканье (ямшицкихъ) колокольчиковъ. Прихожу я къ вамъ и утромъ, прихожу и вечеромъ,—надоѣлъ я вамъ, поди, родные».

XXVII. Сўлэ тусем сянџи пёр џийе
Хӑçанах та пулэ сёр џийе!
Таванёпе таванё уйӑрӑдсассӑн,
Хӑçанах та пулэ пёр сёре!

(Хурамал).

Изъ растущей на высокихъ горахъ одинокой вишни когда-то еще будетъ сто вишенъ! Если двое родныхъ разлучатся другъ съ другомъ, то когда-то еще будетъ ихъ свиданье!»

XXVIII. Сўлэ тусем сипџе тирек сук,
Пирён пуçра савра сёлёк сук;
Асӑнмап мар, тӑвап, асӑнатпӑр,
Вёсҫе пырса вурма сунат сук.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ нѣтъ осокорей, у насъ на головѣ нѣтъ круглой шапки. Не забыли мы тебя, родной,—вспоминаемъ; но нѣтъ у насъ крыльевъ, чтобы прилетѣть для свиданья».

XXIX. Ъупрѣм, тухрѣм ѣрама,
Їѣванѣса вилет сар улма;
Еспир сырѣ, есир сарѣ, тѣвансем:
Тыртѣр Турѣ пѣрле пурѣнна.

(Хурамаз).

«Выбѣжалъ я на улицу, гляжу—катится желтое яблочко. У насъ волосы темнорусые, у васъ, родные,—свѣтлорусые: пусть судятъ намъ Богъ жить вмѣстѣ».

XXX. Сеґен хире вирт ѣатѣм
Кѣлванѣсем сунса тѣпѣ йулма;
Сирѣн пата, тѣвансем, салам ѣатѣм,
Саламѣсем йулса хѣвѣр килме.

(Хурамаз).

«Пустилъ я палы по чистому полю, чтобы ковыль спорѣлъ, а корни его остались. Послалъ я къ вамъ, родные, поклонъ, чтобы поклонны остались тамъ, а вы сами прибыли сюда».

XXXI. Хура пусѣ такѣр пулсан
Кил хѣвалар тилѣ йур сусан.
Ес пѣрахмасан, тѣвансѣм, еп пѣрахмастѣп,
Тут тѣнѣре пусѣм сыв пулсан.

(Хурамаз).

«Когда будетъ гладко черное поле, пойдемъ преслѣдовать лисицу, какъ выпадетъ снѣгъ. Если ты, родной, не покинешь, то и я не покину, если буду живъ-здоровъ на бѣломъ свѣтѣ».

XXXII. Лѣйѣх лаша сѣне ларсассѣн
Анса угассѣм килмест;
Тав тѣвансем патне килсессѣн,
Уйѣрѣлса кайассѣм килмест.

(Хурамаз).

«Когда я еду на хорошую лошадь, то не хочется мнѣ сойти и идти пѣшкомъ; когда я приду къ этимъ роднымъ, то не хочется мнѣ съ ними разставаться».

XXXIII. Ирхипе тѣтѣм тулпалап,
Усѣрѣлнѣ пез пултѣм пылпалап.
Ѕак тѣвансем патне килсен
Савѣйнѣ пек пултѣм зунпалап.

(Хурамап).

«Утромъ я всталъ съ разсвѣтомъ и какъ будто ослѣнѣлъ отъ меда. Когда я пришелъ къ этимъ роднымъ, словно какая-то радость проникла въ мою душу».

XXXIV. Пилѣкѣме ҫыхнѣ ҫут пиҫкики
Вѣҫсене хѣстерме пѣлместѣп;
Ѕак тѣзансене куриҫҫен курас тетѣп,
Курсан сѣмах калаҫма пѣлместѣп.

(Хурамап).

«У свѣтлаго пояса, которымъ я опоясанъ, я никакъ не могу заткнуть концовъ; пока я не вижу этихъ родныхъ. мнѣ такъ хочется ихъ увидѣть, а какъ увижу, не умѣю сказать слова».

XXXV. Кўлнѣ лаша —сарѣ ҫарха:
Ҫул сулѣнкисенҫе мѣн хуйхѣ?
Тѣвансен пуҫе сывѣ зупе
Алѣра мул ҫувкипҫе мѣн хуйхѣ?

(Хурамап).

«Запряженная лошадь—саврасый иноходецъ: что за бѣда, что раскати-ста дорога? Когда наши родные живы и здоровы, что за бѣда, что въ рукахъ нѣтъ богатства?»

XXXVI. Ъѣмпѣртенех илтѣм зѣн йѣвен,
Самартапах илтѣм сарѣ лаша;
Кўлтѣм, тухрѣм хѣвана,
Ҫѣлѣкѣм йулҫе хѣвана.
Ҫѣлѣкѣмсем аса килмерѣ,
Ѕак тѣванѣмсем асран каймарѣ.

(Хурамап).

«Въ Симбирскѣ купилъ я ременную узду, въ Самарѣ купилъ я саврасую лошадь. Запрягъ я ее, выѣхалъ въ гости и оставилъ въ тальникѣ свою шапку. Не пришла мнѣ и на умъ моя шапка, но съ ума не шилъ у меня родиме».

XXXVII. Сүлѣ тусем сине еп йлѣхрѣм,
Сяѣ уйѣх вьртнѣ йур куртѣм;
Сяѣ уйѣх вьртнѣ йур сине
Сѣсарпа шашкѣ йѣр куртѣм.
Сѣсарпа шашкѣ йѣренѣ
Хура тиллѣн унта мѣн ѣс пур?
Тѣванѣпе тѣванѣ каласнѣ зух
Унта сяѣ йутсен мѣн ѣс пур?

(Хурамал).

«Поднялся я на высокія горы, увидалъ я снѣгъ, лежавшій семь мѣсяцевъ; на этомъ снѣгу, который пролежалъ семь мѣсяцевъ, я замѣтилъ слѣды кунницы и норки. Какое дѣло черной лисицѣ до слѣдовъ кунницы и норки? Какое дѣло чужимъ людямъ, когда бесѣдуютъ родной съ роднымъ?»

XXXVIII. Шѣнкѣр-шѣнкѣр шыв йухаѣ,
Шѣнкѣрѣ зѣппи шыв ѣсет.
Шѣнкѣрѣ зѣппи шыв ѣснѣ зух
Хура пуллѣн мѣн ѣс пур?
Тѣванѣпе тѣванѣ каласнѣ зух
Унта йутсен мѣн ѣс пур?

(Хурамал).

«Съ журчаніемъ течетъ ручей, молодой скворецъ изъ него воду пьетъ. Когда молодой скворецъ пьетъ воду, какое до этого дѣло лину-рыбѣ? Когда родной бесѣдуетъ съ роднымъ, какое дѣло чужимъ людямъ?»

XXXIX. Сүлѣ тусем сине савра күлѣ,
Савра күлѣ тавра сырлаѣх;
Ун сырлине тѣван пустарса хур

Сийессеусем килсен сйемешев,
Верепсе йул, таван, сак йуррама
Еше асна килсен йурлама.

(Хурама).

«На высокихъ горахъ круглое озеро, вокругъ озера ягодныя мѣста. Набери, родимыи, тамъ ягодъ, чтобы поѣсть, когда придетъ охота; научись отъ меня, родной, этой моею пѣснѣ, чтобы пѣть, когда меня вспомянешь».

XI. Алѣкарсен умѣ улма йывѣс,
Улмисемех сукран илемѣ сук;
Пуртёрсемех шурѣ, саккар сарѣ,
Савнѣ таванар сукран илемѣ сук.

(Хурама).

«У васъ на дворѣ растутъ яблони, но нѣтъ у нихъ красы, такъ какъ на нихъ нѣтъ яблокъ; изба у васъ бѣлая, лавки въ ней желтыя, но нѣтъ у нея красы, потому что у васъ нѣтъ милой родни».

XLI. Уйѣх суги сап-сутѣ,
Кун сугине ситес сук;
Йалга хурѣнташсем пит нумай,
Хамар тавансене ситес сук.

(Хурама).

«Очень яркъ свѣтъ мѣсяца, но не сравнится ему съ дневнымъ свѣтомъ; очень много родственниковъ въ деревнѣ, но не сравнится имъ съ нашею кровною роднею».

XLII. Ирѣ утсем йуртаѣ, пусне ухаѣ
Ипѣ сулсене сывѣх тавашшѣн;
Тавансем пѣхаѣ, кусне хѣсет,
Емерлѣхе перле пурѣнашшѣн.

(Хурама).

Добрыя коні бѣгутъ рысью и помахиваютъ головами, — хотѣть сдѣлать ближе дальнюю дорогу. Родной мой смотритъ и подмигиваетъ глазомъ, — хочеть вмѣстѣ прожить всю жизнь».

XLIII. Хусанта купис ай мѣн тават?
Сыру та сырат, хут шапат.
Пирѣн пѣзѣ-нике ай мѣн тават?
Кѣреке лартаѣ, сай парат.

(Хурамаѣ).

«Казанскій купецъ что дѣлаетъ?—Писма пишетъ, бумаги печатаетъ. Нашъ старшій братъ съ женой что дѣлаетъ?—Ставятъ столъ и предлагаютъ угощенье».

XLIV. Манай шуря кѣпе, пѣрресѣх суса
Саксан шуря йур пекех,
Пирѣн сав тавансем пит аяакра,
Курса калацасси зун пекех.

(Хурамаѣ).

«Если вынуть всего равъ мою бѣлую рубаху, и то бѣлѣетъ она, какъ бѣлый снѣгъ, когда ее повѣсишь. Очень далеко живутъ эти родные: свиданье съ ними дороже всего на свѣтѣ».

XLV. Сѣлѣ тусем сине алаханъ зух
Тѣн хамат пайавесем татазѣс.
Тѣн хамат пайавесене сына сына
Вуня пурне вѣсне тѣм илзѣ;
Вуня пурне вѣсне вѣре вѣре
Кус умѣнѣи таван сухалзѣ;
Кус умѣнѣи тавана шыра шыра
Нар пек хѣрлѣ зѣрем шуралзѣ.

(Хурамаѣ).

«При подъѣмѣ на высокія горы оборвались у меня ременные гужи. То и дѣло связывая ременные гужи, ознобилъ я себѣ концы десяти пальцевъ; когда я дулъ на концы десяти пальцевъ, пропалъ мой родной, былъ».

шій передо мною; когда я искалъ моего родного, истомилось отъ тоски мое сердце».

XLVI. Йамшăк пушисем вăрăм пушă,
Çавăрса çапассисем çас пулмаç;
Пёр курнă çух тăван калаçса йул,
Курса калаçасси çас пулмаç.

(Хурамал).

«Ямшицкіе кнуты—длинные кнуты: нельзя ими скоро ударить съ размаха. Когда мы свидѣлись, родной, веди бесѣду, потому что не скоро намъ придется увидаться вновь».

XLVII. Вуниккёле йавнă çён нухайка
Мёшён сүтёмелле йавнă-ши?
Ăраснайах тунă пёрле үснё,
Мёншён уйăрăлмалла тупă-ши?

(Хурамал).

«Зачѣмъ это нагайка, свитая изъ двѣнадцати рехней, свита такъ, что должна развиться? Мы родились порознь, а выросли вмѣстѣ,—зачѣмъ же мы родились для разлуки?»

XLVIII. Урхамахсем ула, çилхи хура,
Ха.ç уткăнё епир ларсассăн.
Сирён куç-харшийёрсем йёпкён хура,
Ха.ç шăлăнё епир вайсассăн.

(Хурамал).

«Пѣгіе кони съ черною гривой быст, о помчатся, лишь только мы сядемъ на нихъ. Отъ вашихъ черныхъ, какъ смоль, бровей скоро не останется и слѣда, лишь только мы отсюда уѣдемъ».

XLIX. Вёç, вёç, аккăш, вёç, аккăш,
Киттай хир варрине үк аккăш;
Киттай хир варринче шурă тулă,
Уйăрат-çке пире пёр Турă.

(Хурамал).

«Лети, лети, лебедь, лети, лебедь, спустись ты, лебедь, среди китайскаго поля. На китайскомъ полѣ бѣлая пшеница—разлучастъ, смотри, настъ одинъ Богъ».

Л. Алъкърсен умне шълса тытър
Пан-улмисем кустарса выѣма.
Вѣренсе йул, таван, сак йуррама
Епир асна килсен йурлама.

(Хурама).

«Почаще метите у себя на дворѣ, чтобы играть, катая садовыя яблоки. Научись отъ меня, родной, этой моею пѣснѣ, чтобы пѣть ее, когда настъ вспомнешь».

ЛІ. Сүлѣ тусем синѣе шурă курнитса;
Усса хупас терѣм силсѣр кун.
Ах, тавансем, зунăмсем!
Килсе курас терѣм ёссѣр кун.

(Хурама).

«На высокихъ горахъ—бѣлая горница; вздумалъ я отворить и затворить ее въ безвѣтрный день. Ахъ вы, милые мои, родные! повидать настъ вздумалъ я въ свободный день».

ЛІІ. Сүлѣ тусем синѣе сүлѣ кѣлет,
Сүлѣ кѣлет тавра вѣт зѣнтѣр,
Вѣт зѣнтѣрсем синѣе вѣтѣ кайăк,
Алтуйипе персе ан сивѣт.
Ир те килеп, таван, каç та килеп,
Сивѣ сăмахна каласа ан сивѣт.

(Хурама).

«На высокихъ горахъ высокая клѣтъ, вокругъ високой клѣтки мелкая рѣзьба, на мѣлкой рѣзбѣ маленькая птичка. Не отваживай ее, бросаю трость. Прихожу я, родной, и утромъ, прихожу и вечеромъ, не отваживай меня холоднымъ словомъ».

LIII. Хура вѣрман хыҗне путек йатѣм,
Хѣш хѣрвелле кайнине пѣлмерѣм;
Ғак тѣвансем патне салам йатѣм,
Хѣш хуларан кайнине пѣлмерѣм.

(Хурамал).

«Пустилъ я ягненка за черной лѣсъ, и не знаю, къ которому краю онъ пошелъ. Я послалъ вамъ, родные, поклонъ, и не знаю, черезъ какіе пошелъ онъ города».

LIV. Ғүлѣ түсем Ғинҗе тулѣ Ғѣрмѣ;
Шыва йарсан кѣмѣл ирѣлмѣ.
Пѣҗѣкҗѣ пѣр нуҒѣм, Ғамрѣк ҒунҒѣм,
Арҗскал пулсан пуҒѣм хур пулмѣ.

(Хурамал).

«На высокихъ горахъ не сгнѣтъ пшеница; серебро не растаетъ, если его пустить въ воду. Маленькая у меня головушка, молодая душенька, но если будетъ счастье, то не осрамится моя голова».

LV. Аслѣ шыва кѣтѣм ѣшѣк тесе,
Ѣнҗѣ куҒлѣ Ғѣрѣ пур тесе;
Ѣнҗѣ куҒлѣ Ғѣрѣ шыв Ғути,
Епир атте аннен вуҒ Ғути.

(Хурамал).

«Вошелъ я въ большую рѣку, думая, что мелко, думая, что есть тамъ перстень съ жемчужнымъ камешкомъ. Перстень съ жемчужнымъ камешкомъ— свѣтъ рѣки, а мы у отца и матери— свѣтъ очей».

LVI. Урхамахсем вилет утѣнса,
ПурҒѣн тилҗепине туртѣнса.
Пирѣн тѣван вилет аҒнса,
Сѣсар тир тѣлѣпне (кѣрѣкне) тѣхѣнса.
Сѣсар тир тѣлѣпѣ пасарта Ғук,
Пирѣн тѣван певки йалта Ғук.

(Хурамал).

«Быстро мчатся кони, натягивая шелковые вожжи. Ёдетъ къ намъ, вспомнивъ насъ, нашъ родимый, надѣвши свою кунью шубу. Куньей шубы нѣтъ на (всемъ) базарѣ; такой родни, какъ у насъ, нѣтъ во (всей) деревнѣ».

LVII. Хура вѣрман виттѣр тухвѣ зухне
Аваймарѣм вупѣс вужрине;
Пѣлнѣх те пѣлми зѣлхемпелен
Кѣреймерѣм тѣвапсен кѣмѣлне.

(Хурамал).

«Проходя по черному лѣсу, не смогъ я согнуть дощечекъ для середины скрипки; неумѣлымъ своимъ языкомъ не смогъ я угодить своимъ роднымъ».

LVIII. Хура вѣрман виттѣр тухвѣ зухне
Тимѣрлѣ-зѣѣ пирѣн сунасем.
Ашшѣпелен амѣшѣ сывѣ зухне
Хатѣрлѣ пулаѣ аѣнсен пуѣсем.

(Хурамал).

«Когда мы проѣзжали черезъ чернѣй лѣсъ, наши сани были окованы желѣзомъ. Когда живы и здоровы отецъ съ матерью, то и дѣти бывають въ почетѣ».

LIX. Тимѣрлѣ пѣр сунѣ—сивтѣрмеллѣ,
Сивтерер-и урам тѣршшѣне;
Тѣванѣпе тѣвапѣ тату тѣрса
Ирттерер-и ѣмѣр тѣршшѣне.

(Хурамал).

«Желѣзомъ обитыя сани—рессорныя, пустимъ-ка мы ихъ подпрыгивать вдоль по улицѣ. Проведемъ-ка мы такъ всю нашу жизнь, чтобъ наша родня жила мирно между собою».

LX. Лайѣх лапа лайѣх сол сѣреме,
Пирѣн тѣван лайѣх кон корма.

Ҙак лайӑх лаша җине ларсассӑн,
 Пёрте апса отассӑм килмерё;
 Ҙак хамӑр тӑвансе тӑл полсан
 Пёрте уйӑрӑлассӑм килмерё.
 Ей пирӑн тӑван кайаӑ уйӑрӑлса,
 Илтӑн кӑмӑл парса та җарӑнас җук.
 Кайӑк хорё кайаӑ картипе,
 Сарӑ сӑлӑ сапсан та җарӑнас җук.
 Ҙак җынсепӑн тӑванӑсем мӑлле-пи?
 Ҙак пирӑн тӑвансем ылтӑн пек,
 Раҗсейре җӑрен окҗа пек.
 Ёнтӑ сыв полӑрсам, җас корас җок,
 Ҙак кӑҗал вилмесен корӑпӑр.
 Ан ӑпкелӑр, тӑвансем, еп килнӑшӑн,
 Хӑвӑр та җапла пырӑр хӑвана.
 Топмӑпӑр-ши сирӑн сӑйӑра,
 Тӑмӑпӑр-ши сирӑн омӑрта.

(Хош-Ҙырми).

«На хорошемъ конѣ хорошо ѣздить въ дорогу, съ нашею роднею можно жить счастливо. Когда я сѣлъ на эту славную лошадь, никакъ не хотѣлось мнѣ слѣзть и идти пѣшкомъ. Когда я увидѣлся съ нашими родными, никакъ не хотѣлось съ ними разставаться. Уѣзжаетъ отъ насъ нашъ родной, уѣзжаетъ, не удержишь его ни серебромъ, ни золотомъ. Вереницею летятъ дикіе гуси,—не удержишь ихъ, посыпавъ желтаго овса. Какова-то родня у другихъ, а наша родня—словно золото, словно денежки, что хотѣть по Россіи.

Ну, прощайте, увидимся не скоро; если въ этомъ году не умремъ, то увидимся. Не сердитесь, родные, что я пріѣхалъ, пріѣжайте такъ же и вы къ намъ въ гости: не заслужимъ-ли мы ваше угощенье, не постояимъ ли мы передъ вами?»

LXI. Икӑ шорӑ җӑмарта пӑҗертӑм,
 Хӑшӑ сывӑлассине пӑлмерӑм.
 Хӑшӑ сывӑласса пӑлнӑ полсан,
 Ёмамттӑмӑр вӑри шыв җине,
 Лартмамттӑмӑр хамӑр тӑван омне,

Сѣвмѣттѣмѣр хамѣр тѣвансе,—
Лартѣттѣмѣр сѣтѣ йот омне,
Сѣпѣттѣмѣр сѣтѣ йотсене.
Сѣк пирѣн тѣван кайаѣ уйѣрѣлса,
Тѣлѣх хор тѣппи нек макѣрса.
Сѣк хамѣр тѣвана корас сѣк,
Пѣр корсан корѣпѣр тѣлѣкре.
Хорѣвѣн та хоппи хот полмѣ,
Сѣк пирѣн тѣвансем йот полмѣс.
Сѣк пѣр кѣр-конне авнѣ оѣмсене
Пѣр корсан корѣпѣр сѣр-конне;
Сѣк епѣр хамѣрѣн тѣвансене
Пѣр корсан корѣпѣр Торѣ сѣрсан.

(Хош-Сѣрми).

«Сварилъ я два бѣлыхъ яйца, но не зналъ которое изъ нихъ убудеть. Если бы знать, которое убудеть, не опустили бы мы ихъ въ горячую воду, не поставили бы передъ своими родными, не стали бы потчевать своихъ родныхъ; поставили бы мы ихъ передъ чужими, потчевали бы чужихъ людей. Уходить отъ насъ этотъ родимый, плача при разставаньи, какъ осиротѣлый гусенокъ. Не увидимъ мы этого родного, развѣ только когда во снѣ увидимъ. Берестѣ не быть бумагой, нашей роднѣ не быть чужими. Эти озими, посѣянные осенью, мы увидимъ, если придется, весной; этихъ нашихъ родныхъ мы, если придется, увидимъ, когда на то будетъ Божье опредѣленіе».

LXII. Икелпеле мѣйѣр пѣр тѣслѣ,
Тѣсѣ пѣр те тутн пѣр мар;
Тѣванпала тѣван пѣр тѣслѣ,
Тѣсѣ пѣр те ѣсѣ пѣр мар.

(Хош-Сѣрми).

«Жолудъ и орѣхъ одинаковы по виду, но хотя видъ у нихъ и одинъ, но не одинаковъ вкусъ; двое родныхъ по виду похожи другъ на друга, но хотя по виду и похожи, а характеръ у нихъ различенъ».

LXIII. Вун икѣ те тѣвекс—пѣр кашта,
Йорласа йоррисем пѣтмерѣс;

Таванпала таван тёл полсан,
Калаҗса сәмахсем пётмерёс;
Шохәшсәсем җәре сәманҗе,
Сәмахсәсем җәлхе вәсәнҗе.

(Хош-Ғырни).

«Двадцать восточекъ, сидѣвшихъ на одномъ шестѣ, пѣли нескончаемыя пѣсни; когда встрѣтились двое родимыхъ, у нихъ пошли нескончаемыя разговоры: ихъ думы лежать у сердца. А ихъ рѣчи — на концѣ языка».

LXIV. Ес таста-җәбә, таванҗәм,
Еп таста-җәбә,
Торри һағәстәрҗә пәр сәре,
Савнә сәмахсе калаҗма.
Калаҗа калаҗа каҗ турәм,
Спре ытараймасәр сәр ытрәм, —
Ап үкәпәр вәхәт ыртнәшән,
Укәпәр әмәр ыртнәшән.

(Хош-Ғырни).

«Не знаю, гдѣ былъ ты, родимый, и не знаю, гдѣ былъ я, но Богъ судилъ намъ сойтись вмѣстѣ, чтобы говорить милыя рѣчи. Въ разговорахъ съ вами я просидѣлъ весь вечеръ, а потомъ провелъ у васъ и ночь, такъ какъ не могъ отъ васъ оторваться. Не тужите вы, что проходитъ время, а о томъ тужите, что проходитъ жизнь».

LXV. Ғәлә тусем сине әләхәттәм,
Урам шавассинҗән хәратәп;
Аслисемпе еп калаҗәттәм,
Җәлхем йәнәшассинҗән хәратәп.

(Хурамал).

«Поднялся бы я на высокія горы, но боюсь, что поскользнутся у меня ноги; поговорилъ бы я со старшими, но боюсь, какъ бы не ошибся у меня языкъ».

LXVI. Укәлҗаран тухрәм, ут кустартәм,
Кивә кәлвансем тәпне хускәтрәм;

Ура сине тӓтӓм, пӓр йурларӓм,
Кураймап тӓшман җӓрине хускатрӓм.

(Хурамап).

«Выѣхалъ я изъ околицы и пустилъ лошадь, — погревожилъ корни стараго ковыля; всталъ я на ноги и спѣлъ пѣсню, — потревожилъ сердце ненавистниковъ-враговъ».

LXVII. Кӓлнӓ лашасемех сарӓ пулсан,
Саккӓр хутлӓгтӓм Самара;
Пирӓн тӓвансемех сывӓхра пулсан,
Саккӓр хутлӓгтӓм-җӓбӓ пӓр кунта.

(Хурамап).

«Если бы у меня были саврасыя лошади, то восемь разъ сѣздилъ бы я въ Самару; если бы наши родные были близко, то я навѣщалъ бы ихъ по восьми разъ въ день».

LXVIII. Аслӓ шыв куккӓрне йӓтӓн акрӓм;
Пӓрҗисерен кӓтат сӓптарма.
Пӓрҗисерен кӓтат еп сӓптартӓм,
Сияҗе пилӓь йилен сӓлетрӓм.
Сияҗе пилӓь йилене тӓхӓнсассӓн,
Кӓвентелесе шыва кайас сук;
Саманисем йывӓр, нуша пысӓв,
Самрӓв кӓрӓм аҗа (вариантъ: прӓкре) усес сук.

(Хурамап).

«Посѣялъ я ленъ при поворотѣ большой рѣки, чтобы изъ каждаго его стебля наткать черной материи. Изъ каждаго стебля вселѣлъ я наткать материя и заказалъ сшить бешметъ съ тонкою талией. Если надѣнешъ бешметъ съ тонкою талиєю, то не пойдешь съ коромысломъ за водой. Времена—тяжелыя, нужда—великая, — не вырости молодому парню!» (Вариантъ «на привольѣ»).

LXIX. Ах, ах! тевисемех мӓн сӓмах?
Пӓсехисем җӓпар мӓн кайӓк?

Пёсехисем җапар кук иккен,
Ах, ах! тенисемех хуйхә иккен!

(Хурамал).

«Что это за слова: «ахъ, ахъ?» Что это за птица, у которой пестрый зобъ?—Пестрый зобъ—это кукушка, а слова: «ахъ, ахъ!»—это горе!»

LXX. Әләхәтгәм сүлә ту сине,
Сыру сырайәтгәм шурә бу.1 сине;
Хамән аларан килсәссән
Сырайәтгәм нуҗамә ырләха.

(Хурамал).

«Вошелъ бы я на высокую гору и написалъ надпись на бѣломъ камнѣ; если бы это было въ моей волѣ, то написалъ бы я себѣ счастливую долю»

LXXI. Ирхине пёр тәрса вутна хут,
Кайтәр тётёмә йал сине.
Сётелпе туртса сәйна пар,
Кайтәр тану аврува.

(Хурамал).

«Встань ты утремъ и разведи огонь: пусть дымъ отъ него понесется надъ деревьями. Поставь столъ и выставь угощенье, чтобы слава о тебѣ пошла по всей округѣ».

LXXII. Ырә утсем йуртаҗ сүлсем йулаҗ;
Ырә сынсем виҗет—йат йулаҗ.
Ешир виҗсен мёнсем йулаҗ?
Җав выҗани-кулни—җав йулаҗ.

(Хурамал).

«Когда рмсью бѣгутъ добрые кони, остается дорога; когда умирають добрые люди, остается слава. А что останется, когда мы умремъ?—Эти игры и смѣхъ—вотъ что останется».

LXXIII. Аслă сүлсем хърри сырлалă,
Сийессѣ килсен татса си.
Манан пѣр йуррама вѣренетсѣн,
Пѣр йуррама нитсе йул,
Асна килсессѣн йурама.

(Хурама).

«По краямъ большой дороги много ягодъ, если захочешь поѣсть изъ-то сорви и ѣшь. Если хочешь научиться отъ меня одной пѣснѣ, то слушай эту пѣсню, чтобы пить потомъ се, когда (меня) вспомнишь».

LXXIV. Сарă курка тѣсѣсем
Кăвак кăвакарфин сѣтѣсем;
Епир ѣснисем, епир сѣнисем
Сак хуҫасен халак вайѣсем.

(Хурама).

«На дни желтыхъ ковшей—молоко синихъ голубей. То, что мы пьемъ, и то, что мы ѣдимъ,—все это честные труды нашихъ хозяевъ».

LXXV. Кăвак лашасене сѣме пар,
Сăварлăхѣсене исе пар.
Саватни, тăванăм, савмастăн-и?
Савсан аллăнти куркăна ѣҫсе пар.

(Хурама).

«Дай корму синимъ лошадямъ и возьми у нихъ удила. Любишь, родной. или нѣтъ? Если любишь, выпей ковшъ, который у тебя въ рукѣ».

LXXVI. Сўлѣ тусене мăнма (или: ймма) тунă?
—Пăлан пăрушѣ ыртса йăванма.
Пире атте-анне мă тунă?
—Йрă сынсемие курса палашма.

(Хурама).

«Зачѣмъ сотворены высокія горы? — Чтобы валялся на нихъ молодой олень.—Зачѣмъ родили насъ отецъ и мать?—Чтобы видѣться и знаться съ добрыми людьми».

LXXVII. Сиксе сиксе шыв йухсан,
Сырапёсем йепле тусет-ши?
Куёе курсан, тунё савсан,
Тёри йепле тусет-ши?

(Хурама.)

«Когда волнуясь течет вода, какъ это только выносятся ея берега! Когда глаза видятъ, а душа любитъ, какъ это только терпится сердце!»

LXXVIII. Сўлтейех те Турă, сёрте патша,
Арахматах тёнъе тыттишён;
Ах аттецём, тегец, ах апнецём!
Арахматах пире тунăшăн.
Аттепелен анне пире туман пулсан,
Астарак-тёе пире ку кунсем.

(Хурама.)

«Спасибо небесному Богу и земному царю за то, что они управляютъ миромъ. Ахъ, батюшка и матушка! спасибо вамъ за то, что насъ родили. Если бы не родили насъ отецъ и мать, гдѣ бы намъ (видѣть) эти (счастливые) дни!»

LXXIX. Куркърсемех сарă, сăрăр хура,
Ёсесемех килсе тăраť-ске;
Тёлхърсемех семсе, питер йшă,
Каласассам килсе тăраť-ске.

(Хурама.)

«Ковши у насъ желтые, пиво — черное, такъ и хочется мнѣ его попить; языкъ у васъ пёжрый и лицо привѣтливое, — такъ и хочется мнѣ съ вами поговорить».

LXXX. Авăтаť-ске кубкув, авăтаť
Сул хёрёнъи пёфъен майавра.
Асăнман мар, тăванăм, асăнатăп,
Асăнатăп пёр пёфъенси ларнă вăхăтра.

(Хурама.)

«Кукуеть кукушка, кукуеть на одинокой придорожной вѣшкѣ. Не забылъ я тебя, родной,—вспоминяю... вспоминаю, когда сижу одинокой».

LXXXI. Кѣвак сѣхмансенѣн хѣрѣх пѣрме,
Сирѣм пилѣк сумлѣх йѣс тѣмме.
Сан вуҫ-харшипелен ман вуҫ-харши—
Сирѣм пилѣк сумлѣх вуҫ-кѣски.

(Хурамал).

«У синяго кафтана сорокъ сборокъ, на немъ мѣдныхъ пуговицъ ма двадцать пять рублей. Мои брови и твои брови—словно двадцатипятирублевое зеркало».

LXXXII. Айлѣхрамах сѣлѣ тусем сине,
Антѣм-ѣске аслѣ улѣха.
Аслѣ улѣхсенѣе кѣвак сѣске,
Кѣрейес-ѣе сѣске хушшине;
Пѣзѣксѣ пѣр пуҫѣм, самрѣк тунҫѣм,
Хутшѣнас-ѣе ыр сѣн хушшине.

(Хурамал).

«Поднялся я на высокія горы и спустился на широкую луговину. На широкой луговинѣ синіе цвѣты; хорошо бы зайти въ эти цвѣты. Моей маленькой головѣ и молодой душѣ хорошо бы пристать къ добрымъ людямъ».

LXXXIII. Хура вѣрмансенѣн варринѣе
Хурѣйа йѣви лараѣ силенсе;
Хурѣйкисем хурѣйѣн тѣрринѣе,
Суназѣсем пѣлѣт хушшинѣе.
Пѣвѣмѣрсем ырѣ сѣн ай аллинѣе,
Тунѣмѣрсем Турѣ аллинѣе.

(Хурамал).

«Посреди темнаго лѣса качается ястребиное гнѣздо; ястреба — на верхушкахъ березъ, а ихъ крылья—въ облакахъ. Наше гнѣздо въ рукахъ добрыхъ людей, а наши души въ рукахъ Божіихъ».

LXXXIV. Алăхрăмах сїлĕ тусем сине,
Антăм-ĕске Самар шывĕ сине.
Самар шывĕ урлă и каштăвен
Йунах тыхăрсемех ут пулĕс.
Епирех те тепре вилсе куришĕвен
Аллăрти азăрсемех ар пулĕс.

(Хурамал).

«Поднялся я на высокія горы и спустился на рѣку Самару. Пока перейдешь черезъ рѣку Самару, ваши годовалые жеребята станутъ лошадьми. Пока мы придемъ опять и увидимся снова, ваши крошечныя дѣти выростутъ мужами».

LXXXV. Анварти пĕр хысне виртсем йатăм,
Хăнтăр зĕппи *) пурне пĕлмерĕм.
Хăнтăр зĕппи пурне пĕлнĕ пулсан,
Çеçен хире тухса йарас мĕн.
Устертĕмĕр пĕве сарă хăмăш пек,
Йалта тăшман пурне пĕлмесĕр.
Йалта тăшман пурне пĕлнĕ пулсан,
Шыва сарттан пулса зăмас мĕн,
Шыва сарттан пулса зăмас мĕн,
Ырă сын умне кашма пулас мĕн,
Ырă сын умне кашма пулас мĕн,
Кашмассерен вăл-вăл авăнас мĕн.

(Хурамал).

«Пустилъ я палы повадь гумна, а не зналъ, что тамъ былъ молодой боберь. Кабы знать, что тамъ молодой боберь, такъ пустить бы мнѣ палы по чистому полю».

Выростили мы свой (стройный) станъ, какъ желтый камышъ, не зная что есть враги въ деревнѣ. Кабы знать, что есть въ деревнѣ враги, ныр-

*) Хăнтăр—боберь, животное, о которомъ чуваша въ настоящее время уже не знаютъ и которое, какъ видно изъ пѣсни, смѣшиваютъ съ какою-то птицею. Слѣдовало бы сказать не хăнтăр зĕппи, а хăнтăр сурри?

нугъ бы лучше въ воду, обеднувшись шукой (2), стать бы лучше мостикомъ
передъ добрыми людьми (2) и выблаться изгибаться при каждомъ пере-
ходѣ».

LXXXVI. Ай-хай та пизъесѣм, Шакай пизъе!

Саван шамму-шакку стѣлте выртаѣ ши?

— Ъентѣрлѣ кѣпер леш вѣсѣнѣ,

Кайу ути капанѣ айѣнѣ,

Самай круттѣ сыран хѣрринѣ.

„Виç кон виç сѣр выртрѣм, ъон тохмарѣ.

Шив шѣхѣртѣм, аннесѣм, ес илтмерѣн,

Кѣѣк тортрѣм, аннесѣм, ес кормарѣн,—

Саван ъоне ман ъовѣм тохрѣ .

(Хош-Сырми).

«Ахъ ты, дядя, дядя Шагай! гдѣ-то лежатъ теперь твои кости? — На томъ концѣ рѣшетчатого моста, подъ стогомъ отавнаго сѣна, на краю самаго крутого обрыва. «Три дня и три ночи лежалъ я, не умирая. Я свистѣлъ, матушка, и ты не слышала, я манилъ, и ты не видала,—тутъ и вышла изъ меня душа».

LXXXVII. Ирхине те тѣтѣм, цитме сурѣм,

Тѣтѣм Торѣ омне кѣл-тума.

Хам вѣллѣме туса пѣтертѣм,

Илтѣм портѣсѣма алѣма,

Карѣм аслѣ олѣха суреме.

Шор хѣвине касса хѣвартѣм,

Ирхине те тѣтѣм кайс'илтѣм,

Пан олми пахѣвине сат батѣм,

Ирлѣн-каслѣн шѣварса ѣстертѣм.

Ирхине те тѣтѣм, касса вилтѣм,

Шорѣ хѣваран пѣкѣ автартѣм,

Шуç востарса йѣс онкѣ сѣштартѣм.

Еп тортрѣм та кѣлтѣм торѣ утма.

Тѣнес мар-ѣѣ шорѣ йор сѣне,

Варлас мар-ѣѣ сарѣ вѣрѣме,

Шайтас мар-тэе шорă алăма.
Вонă порне вѣсне тăм илэе.
Вонă порне вѣсне вѣре, вѣре
Нар пек хѣрлѣ сăпăм шоралэе,
Ѓѣре сомăнтэи сăвăм шăрантэе.

(Хош-Сырми).

«Всталъ я утромъ, умылся и сталъ передъ божницею молиться. Кончилъ я свою молитву, взялъ въ руки топорикъ и пошелъ гулять на широкую луговину. Нарубилъ я тамъ блага тальнику и вернулся, а на утро всталъ опять, принесъ и посадилъ его въ яблоневомъ саду, и выростилъ его, поливая утромъ и вечеромъ. Всталъ я утромъ, срубилъ бѣлую талину, отдалъ согнуть изъ нея дугу, велѣлъ выложить ее жестью и вбить въ нее жѣдное кольцо. Взялъ, запрягъ я свою гнѣдую лошадку. Хорошо бы не свалиться мнѣ на бѣлый снѣгъ, не замарать бы мнѣ дубленого полушубка, не ознобить бы мнѣ моихъ бѣлыхъ рукъ. Ознобилъ я себѣ всѣ десять пальцевъ. Когда я дулъ на концы десяти пальцевъ, поблѣднѣло мое румяное личико, истомилось мое сердечушко».

LXXXVIII. Сѣсѣн хир варрине сарăк акрăм,
Сарăкѣсем полтэс полмалла,
Су-ѣтисем сарăлтэс касмалла.
Пѣр сарăкне кăларса шоратрăм,
Хопписене ытрăм хирелле.
Шап-шарă та арăм еп илтѣм,
Йонашар алăхрăм анкартне,
Пѣрехсех те сарăм сенѣкпе,
Мѣлле Торă турѣ зон тѣлне,
Йепле зонѣ токса кайрѣ-ши?
Еп зонрăм та антăм вилелле,
И тортса та вѣлтѣм торă утма,
Костарса алăхрăм анкартне,
Сѣвлерѣм те хотăм сыпнăма,
Костарса та карăм хирелле,
Хѣрлѣ сыра кайса йăванартăм,
Сине сыран ышша антаргăм,
Икѣ орамшалан таптарăм.

Шап-шарă та сешке шăттăр-и,
Хёп-хёрлĕ те сырла писĕтĕр-и
Манăн çонăм райа тохтăр-и.

(Хош-Çырми).

«Посѣялъ я рѣпу въ чистое поле. Рѣпа уродилась хороша, а листья ея развернулись такъ, что ихъ стало можно срѣзывать. Выкопалъ я одну рѣпу, облудилъ ее, а кожурки отъ нея бросилъ въ поле. Бѣлую-разбѣлую взялъ я себѣ жену. Поѣхалъ я съ нею на гумно, всего только разъ ударилъ ее вилами, и какъ это угораздилъ меня Богъ попасть прямо противъ души! Какъ это только вышла изъ нея душа! Побѣжалъ я тутъ домой, вывелъ и запрягъ свою гнѣдую лошадку, быстро примчался на гумно, поднялъ и положилъ свою женушку и помчался съ нею въ поле. Свалилъ я тамъ ее подъ красный яръ, обрушилъ на нее крутой берегъ, притопталъ его обѣими ногами. Пусть выростутъ тамъ бѣлые-разбѣлые цвѣты, пусть поспѣютъ тамъ красныя ягоды; пусть душа моя попадетъ въ рай».

LXXXIX. Ах тăвансам, çонсам, тантăшшам!

Тăвăр орампа килтĕмĕр,
Тăвансам петне ситрĕмĕр,
Аслă орампа килтĕмĕр,
Асăннă сĕре ситрĕмĕр.
Шу сине хорсам пил нумай,
Тикак тевен пĕри те çок,
Пирĕн тăван пурт толли,
Ки.ĕрах тевен пĕри те çок.

(Çатра-Марка).

«Ахъ, родные, милые, сверстники! Шли мы по узкой улицѣ и пришли къ нашимъ роднымъ; шли мы по широкой улицѣ, пришли на то мѣсто, о которомъ мы вспоминали. Много гусей на рѣкѣ, но ни одинъ изъ нихъ не кричитъ: гага! Вся изба наполнена нашею роднею, но ни одинъ изъ нихъ не говоритъ мнѣ: «или сюда!»

XC. Сăтра ларан пĕрлехен
Çу.ĕзи витĕр корăнат;
Хёрлĕ зĕрелĕ авай пор,
Херĕх сын витĕр вăл корăнат.

Олпут ѓонлѧ Ысна пор,
Отгѧл сын виттѣр вѧл корѧнат.
Ысна кѧмаки—шѧрѣа кѧмака,
Шѧтѧкѧлѧ ѣкѧвѧр пѣсерет,
Итаримасѧр кплетѣп.

(Ѣатра-Марка).

«Ягоды костяники, растущей на пригоркѣ, видѣются через еѧ листьѧ;
Нашу румяную тетеньку видно изъ-за (толпы вѧ) сорокъ человекѣ.
Нашего вѧтя, съ душой господина, замѣтно изъ-за (толпы вѧ) шестьдесятъ
человекѣ. Печь у нашего зѧтя—бисерная; она печетъ пухлый хлѣбъ. Никакъ
не могу я утерпѣть, чтобы не прѧйти сюда».

ХСІ. Пирѣн воеки вуж хораѣ,
Пирѣн внки ѣу хораѣ.
Куж хоранѣн воеки пор,
Ѣу хоранѣн внки пор.

(Ѣатра-Марка).

«Нашѧ дѧдюшка--какѣ «кукушкинѧ котелокѣ»^{*}), ѧ наша тетѣа--какѣ
котелокѣ съ масломѣ. У насѣ есть дѧдя, похожѧй на «кукушкинѧ котелокѣ»,
и у насѣ есть тетѣа, похожая на котелокѣ съ масломѣ».

ХСІІ. Хѧта хѧпки пахѣбалѧк,
Вонивѣн тапса уѣрѧмѧр,
Ѣохрѧм ѣѣртен илтѣнѣѣ.
Хир, хир орлѧ вилтѣмѣр,
Хѣрлѣ пилтѣ полѣ-и-ха!
Йѧл, йѧл орлѧ вилтѣмѣр,
Йѧла-йѧша йорѣ-и-ха!

(Ѣатра-Марка).

«У свѧта ворота двухстворчатѧ. Насѣ пришло двѧнадцать человекѣ,
и мы отворили ихъ, пнувѣ ногою, такѣ что раздалосѣ на цѣлую версту. Мы

^{*}) Круглыѧ шарикѧ (изъ тѣста) величиною съ куриное яйцо, съ углубленіемъ на поверхности. См. Магнитскѧй, Матер. къ объяснен. стар. чув. вѣры, стр. 114—116.

пришли изъ-за нѣсколькихъ полей, — посмотримъ, будетъ-ли она румяна; мы пріѣхали изъ-за нѣсколькихъ деревень, — посмотримъ, угодить-ли она деревенскому народу».

XCIII. Ытѣм ѡлтѣр ѡал сине,
Кошѣм ѡлтѣр хѣр сине,
Кѣлетки пытѣр хампала.
Кош ѡратаѣ зипере.
Алѣ ѡратаѣ сѣмсене,
Ори посаѣ хыт сѣре.

(Сатра-Марка).

«Пусть слава обо мнѣ останется въ деревнѣ, пусть мои глаза останутся на дѣвушкѣ, а мое тѣло пусть идетъ со мною. Глаза любятъ, что красиво, руки любятъ то, что мягко, а ноги ступаютъ по жесткой землѣ».

XCIV. Тѣвайкки сѣнзи тонкати
Сарѣ кѣткѣсам сырѣннѣ;
Сарѣ вѣрѣм хѣрсене
Сарѣ аѣсем сырѣннѣ.

(Сатра-Марка).

«Пень, стоящій на склонѣ горы, облѣпили отовсюду желтые муравьи; высокихъ русыхъ дѣвушекъ облѣпили русые парни».

XCV. Ыалти ѡашѣ аѣийѣ
Сар хѣр тѣлне сѣтсен
Ик алинне шорт сапат,
Хѣрсен зонѣ хосканаѣ.

(Сатра-Марка).

«Когда молодой деревенскій парень поравняется съ русою дѣвушкою, онъ громко ударяетъ въ ладоши, такъ что у дѣвушки вздрагиваетъ душа».

XCVI. Ах, цѣре хѣр ѡатлаѣ!
Хѣр ѡатне пѣхассѣн,
Епѣр олаха та тохас сѣм!

Ах, пире ват йатлаї!
Ват сын йатне пӕхсассӕн,
Епӕр пасара та тохас ҫок!
Ах, пире йаш йатлаї!
Йаш сын йатне пӕхсассӕн,
Епӕр орама та тохас ҫок.

(Ҫатра-Марка).

«Ахъ, какъ бранягъ насъ дѣвушки! Если смотрѣтъ на дѣвичью брань, то намъ нельзя и на посидѣнки ходягы! Ахъ, какъ насъ бранягъ старики! Если смотрѣтъ на брань стариковъ, то намъ нельзя будетъ и на базаръ выйти! Ахъ, какъ бранить насъ молодежь! Если смотрѣтъ на брань молодыхъ людей, то намъ нельзя будетъ и на улицу показаться!».

ХСVII. Сарӕ, сарӕ хӕрсене
Савса Торӕ ҫоратнӕ,
Хора, хора хӕрсене
Хорӕнташшӕн ҫоратнӕ.
Йалта ҫипер аҫине
Хӕрсем хӕсӕр поласран
Торӕ она ҫоратнӕ;
ҫипер, ҫипер хӕрсене
ҫоп тӕвашшӕн ҫоратнӕ.

(Ҫатра-Марка).

«Русыхъ, русыхъ дѣвушекъ любя содалъ Тора, черныхъ, черныхъ дѣвушекъ онъ содалъ для родства. Красиваго деревенскаго юношу Тора содалъ, чтобы дѣвушки не оставались безплодными; красивыхъ, красивыхъ дѣвушекъ онъ содалъ для поцѣлуевъ».

ХСVIII. Тохрӕм аслӕ орама,
Йорларӕм йорӕ пӕр ҫавра,
Тӕшман ҫӕрине тапратрӕм.

(Ҫатра-Марка).

«Вышелъ я на широкую улицу, спѣлъ куплетъ пѣсни,—потревожилъ сердца враговъ».

XCIX. Вәрмана кётём—җатрашки,
Пала кётём—сын сәмах.
Мёскершён җапла полтәмәр-ши?
Җөлхе җавар җавәрәнмаҗ,
Җанпа җавәнашкал полтәмәр.

(Җатра-Марка).

«Взошелъ я въ лѣсъ—трушоба, вошелъ въ деревню—людскіе покорн.
Отчего это мнѣ сдѣлались такими?—Не умѣю мнѣ путемъ слова молвить,
оттого это съ нами и случилось!».

C. Симёс пёкё авәнмаҗ,
Җамрәк кәккәр җавәрәнмаҗ.
Җанпа җан пек полтәмәр.
Җамрәк Җөлхе җаварпала.

(Җатра-Марка).

«Зеленая дуга не гнется, молодая грудь неподатлива. Потому съ нами такъ и случилось черезъ наши молодыя рѣчи».

CI. Хор хыҗсән җәхә вёҗнө,
Җәххән җонатти вёскерех полнә.
Манән Җөлхе тәмсарах полнә,
Җанпа йоримарәм халәха.

(Җатра-Марка).

За гусемъ полетѣла курица, но крылья у нея оказались коротковаты.
Мои рѣчи были глуповаты, поэтому я не угодила людямъ».

CII. Олт ораллй хорт кәҗкәра,
Епёр пайан хәнара.
Топалха торта авәнмаҗ,
Пёкё җомне җыпәҗмаҗ;
Пирён Җөлхе җавәрәнмаҗ,
җынсам җомне җыпәҗмаҗ.

(Җатра-Марка).

«Шестиногія пчелы—на почкахъ деревьевъ, а мы сегодня сидимъ въ гостяхъ. Оглобли изъ таволги не гнутся и не прилаживаются къ дугѣ; у насъ языкъ путемъ не поворачивается и не можетъ приладиться къ людямъ».

СІІІ. Хянтър тѣслѣ йатгѣм пор;
Алѣвран алѣка ъопаѣ поѣѣ.
Кайас полѣ йорамѣ.
Хорѣка коѣлѣ арѣм пор,
Ъуреѣерем ѣуреѣене ъопаѣ поѣѣ;
Кайас полѣ, йорамѣ.

(Ѣатра-Марка).

«У меня есть дома собака бобровой масти; навѣрное, она бѣгаетъ изъ двѣри въ дверь. Нельзя, надо уходить! Есть у меня дома жена съ зоркими, какъ у ястреба, глазами; вѣроятно она бѣгаетъ отъ окошка къ окошку: нельзя, надо уходить!»

СІV. Авнѣ тырри холѣм полсан
Ѣолталѣѣѣен хойхѣм Ѣок.
Хоѣѣм хѣрѣ су полсан
Емѣрѣѣенех хойхѣм Ѣок.

(Ѣатра-Марка).

«Если у меня густъ посѣянный хлѣбъ, то цѣлѣй годъ я не знаю заботы. Если у меня будетъ здорова ховяйка, то до конца жизни я не буду знать горя».

СV. Кѣрен лаша, кѣтра Ѣилхе
Йортаѣ, йортаѣ вил майлѣ,
Ѣолѣ вѣскелет.
Пирѣѣ Ѣони Ѣонатлѣ,
Шта солѣннѣѣ, онта ъопаѣ;
Пирѣн лаше таканлѣ,
Шта сѣра, онта ъопаѣ.
Пирѣн Ѣони—хоплѣ Ѣона,
Хоплѣ Ѣонан йѣс топан.
Ѣути йолтѣр Ѣол Ѣине,
Ыр йат йолтѣр йал Ѣине.

(Ѣатра-Марка).

«Игреня лошадь съ кудрявою гривой рысью бѣжить, направляясь къ дому, и все меньше и меньше оставляетъ пути. У насъ сани съ отводами,—гдѣ раскаты, туда онѣ и катятся; лошадь у насъ подкована,—гдѣ есть пиво,

туда она и бѣжитъ. Сани у насъ общиты лубкомъ, у самей, общитыхъ лубкомъ—мѣдныя полозья. Пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ, пусть добрая о насъ слава останется въ деревнѣ».

CVI. Кѣтүре лаша нумаѣ та,
Тимѣр-кѣвака ситес сок.
Мѣншѣн питѣ лайѣх тет,
Катаран сүтѣ корѣнаѣ.
Шорта кайѣк йѣви нумаѣ та,
Тѣбеѣс йѣвине ситес сок.
Тѣбеѣс йѣвине ма мохтаѣ?
Вѣл тѣмпа шѣлса тѣваѣ тет,
Савѣншѣн пит мохтаѣп.
Сак йалта ырѣ сын пит нумаѣ,
Сак хоѣсана ситес сок.
Ку хоѣсана ма мохтаѣ?
Ку хоѣс хыт ѣстерет,
Савѣншѣн пит мохтаѣп.

(Сатра-Марка).

«Много коней въ табунѣ, но далеко имъ до сиваго коня. «Почему, говорятъ, онъ хорошъ?»—«Потому что издали свѣтлѣется». Много въ болотѣ птицыхъ гнѣздъ, но не сравнится имъ съ гнѣздомъ ласточки. «Почему ты такъ хвалишь ея гнѣздо?»—«Потому, что она гладко обиазываетъ его глиной, поэтому я ее такъ и хвалю». Много въ деревнѣ добрыхъ людей, но далеко имъ до нашего хозяина. «Почему ты такъ хвалишь этого хозяина?»—«Потому что онъ славно угощаетъ, за это я его и хвалю».

CVII. Отѣра ларакан кѣпѣн йѣвѣс
Сайхаха йориман,
Пирѣн пек тѣмса сын
Етеме йориман.

(Сатра-Марка).

«Растущая въ роцѣ глухая жимолость оказалась негодною на жерди для сарая. Такіе, какъ мы глупые, люди оказались негодными для людей».

CVIII. Пирѣн моѣнн сакѣр ампар,
Сакѣр ампар хошшиѣте

Сўлти ампар пор тет.
Сўлти ампарга
Тёрлэ пилге тўшек пор;
Тёрлэ пилгэ тўшек синџе
Хёрпе кёру вайъ-выр-џат;
Хёрпе кёру хошшинџе
Порџан тоттър вайъ выр-џат;
Порџан тоттър хошшинџе
Потеве суря џон хошаџ.
Аџиве шора ан калър:
Хёрпе выртаџ хёрелет;
Хёрне хора ан калър,
Арпа выртсан саралаџ.

(Ўатра-Марка).

«У нашего дяди восемь амбаров; между восемью амбарами есть, говорят, верхний амбаръ. Въ верхнемъ амбарѣ лежитъ перина съ пестрою наволочкою; на этой перинѣ съ пестрою наволочкою женихъ съ невѣстою игру играетъ; между женихомъ и дѣвушкою шелковый платокъ игру играетъ; въ этомъ шелковомъ платкѣ перепеленокъ душу прибавляетъ. Не говорите, что паренъ бѣлъ: если полежитъ съ дѣвушкой, то покраснѣетъ; не говорите, что дѣвушка черна: полежитъ съ мужемъ—пожелтѣетъ».

СІХ. Лаше кавак полтър-џџѣ,
Хўри снлхи кџтра полтър-џџѣ,
Тохна кёрме лайъх полтър-џџѣ.
Арџи сарџ полтър-џџѣ,
Ик сўс хёрри кџтра полтър-џџѣ,
Ўсѣ-хапџлѣ лайъх полтър-џџѣ.

(Ўатра-Марка).

«Была-бы (у меня) сивая лошадь, хвостъ и грива были-бы у нея кудрявя, чтобы хорошо было и въџзжать и выџзжать. Была-бы (у меня) русая жена, съ въџцимися на лбу и вискахъ волосами, и былъ-бы у нея хорошій умъ».

СХ. Шџши сџмен мырине
Пире коккџ, туса парасџѣ,

Шаләм-саварәм йолмарё.
Тёрне сймен пәрсине
Пире воккә, туса пардәс,
Шаләм-саварәм йолмарё.
Сарә хёр сйнас пёренёкне
Пире воккә, туса парассё,
Шаләм-саварәм йосанзё.

«Изъ орѣховъ, которые даже мыши не стануть ѣсть, они испекли пиро-
гогъ и дають намъ. Я испортилъ себѣ весь ротъ и зубы.—Изъ гороха, ко-
торый не стануть ѣсть журавли, они испекли для насъ пирога. Я испортилъ
себѣ весь ротъ и зубы.—Изъ тѣхъ прынковъ, которые стали-бы ѣсть и русия
дѣвушки, они состряпали намъ пирожокъ. Ротъ и зубы у меня поправились».

(Шәпафав).

СХІ. Хоҗи майри хорҗка пек,
Хәни вёрли тәмана пек.
Кайас полё, йорамё!
Тәмана пек полтәмәр.

(Ғатра-Марка).

«Хозяюшка какъ ястребъ¹⁾, а гости—какъ совы. Нужно, я думаю, ухо-
дить, а то мы совсѣмъ осовѣли».

СХІІ. Йорларәм, йорларәм, йорә топрам,
Синҗе пиҗкспе пыл топрам;
Ёсрём, сирём пёр таләк,
Кайас полё, йорамё.

(Ғатра-Марка).

«Пылъ я, пылъ и нашель пёсно, а потомъ нашель въ бочкѣ мелъ-
пылъ я и ёлъ цѣлмя сутки, пожалуй надо домой идти,—нельзя».

СХІІІ. Шәнмәрҗә зёппи шәлләмсам
Алран шарттан йамарёс;
Йәмра холли йәмәксам
Алран зәкәт йамарёс.

(Ғатра-Марка).

¹⁾ Т. е. совсѣмъ трезвая, бодрая.

«Молодые скворцы мои меньшие братья не выпускали изъ рукъ ширгана; иновья вѣтви мои младшія сестры изъ рукъ не выпускали сырцевъ».

СХІV. Ах тавансам, ъонсам, тинтѣшшам!

Тавансам петне килнѣ ъох

Тават ан кѣпи те тавѣр полѣѣ.

(Ѣатра-Марка).

«Ахъ, родные мои милые и пріятели! Когда я пришелъ къ своимъ роднымъ, моя рубашка, сшитая изъ четырехъ полотнищъ, стала узкою».

СХV. 1) Хамѣр вырнѣ орпине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Пиѣпеле инкиѣа
Сассинѣенех ойѣратпѣр.

2) Хамѣр вырнѣ толлине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Акипеле йынниѣа
Сассинѣенех ойѣратпѣр.

3) Хамѣр вырнѣ сѣллине
Кѣлтинѣенех паллатпѣр,
Йѣмѣкпала шѣллѣа
Сассинѣенех ойѣратпѣр.

(Шѣпаѣав).

1. «Жатый нами ячмень мы увнаемъ прямо по снопамъ, брата и его хозяйку мы увнаемъ по одному голосу. 2. Жатую нами пшеницу мы отлѣчимъ прямо по снопамъ, сестру и ея хозяйина мы увнаемъ прямо по голосу. 3. Жатый нами овесъ мы увнаемъ прямо по снопамъ, младшую сестру и брата мы увнаемъ по одному голосу».

СХVІ. Атти саѣѣ сырлалѣх;
Сырла нумай сирѣмѣр та
Ѣанпа хѣрлѣ полтѣмѣр.
Атти саѣѣ кѣпселѣх;
Кѣпсе нумай сирѣмѣр та
Ѣанпа синѣе полтѣмѣр.

Атти саѣ хорлӕханлӕх;
Хорлӕхан нумай ҫирӕмӕр та
Ҫанпа хорлӕхлӕ полтӕмӕр.
Атти саѣ сертелӕх;
Серте нумай ҫирӕмӕр та
Ҫанпа ҫамҫа полтӕмӕр.
Атти саѣ ҫемӕртлӕх;
ҫемӕрт нумай ҫирӕмӕр та
Ҫанпа хора полтӕмӕр.
Атти саѣ потранлӕх;
Потран нумай ҫирӕмӕр та.
Ҫанпа лотра полтӕмӕр.
Хора тесе ан хорлӕр,—
Ойра похра хоп-хора,
Похра варри шоп-шорӕ.
Сарӕ тесе ан мохтан,—
Ойра вӕскӕн сап-сарӕ,
Вӕскӕн варри хоп-хора.

(Шӕпаҫав).

«У отца въ саду ягодныя мѣста; много мы ѣли ягодъ, оттого и стали румяны. У отца въ саду коровки; много мы поѣли коровокъ, оттого и стали тонкими. У отца въ саду смородина; много мы ѣли смородины, оттого и стали печальны. У отца въ саду много снити; много мы поѣли снити, оттого и стали мягкими. У отца въ саду черемуха; много мы ѣли черемухи, оттого и стали черными. Не обзывайте насъ черными,—въ полѣ куколь черныи-пре-черныи, а серединка у него совѣтъ бѣлая. Не хвались, что ты русъ: въ полѣ метлика русая-прерусая, а серединка у нея совѣтъ черная».

СХVII. Шӕшкӕ лартрӕм сат турӕм,
Мыри полтӕ шоп-шорӕ,—
Хӕрсем колли вӕл полтӕ.
Омлоҫси лартрӕм сат турӕм,
Аҫасен колли вӕл полтӕ.
Атти пӕртӕ шорӕ пӕрт,
Шор порҫӕнпа мӕвланӕ:
Килес килет, кайас килмеҫ.

Апи кѣмаки шор кѣмака,
Шорѣ порпа шоратнѣ:
Килес килег, кайас килмеҫ.
Полтѣр сакки шорѣ сак,
Шор хѣйѣрпа шоратнѣ:
Ларас килет, тѣрас килмеҫ.

(Шѣпаҫав).

«Насадилъ я орѣшки и развелъ садъ. Орѣшки уродились бѣлые-пре-бѣлые, но всѣ ихъ оборвали дѣвушки. Насадилъ я яблонь и развелъ садъ, но всѣ яблоки оборвали ребята. У батюшки изба—бѣлая, пробита она бѣлыми шелкоу: ходитъ къ нему хочется, а ухилить отъ него не охота. У матушки печь—бѣлая, выбѣлена она бѣлыми мѣломъ: приходитъ къ ней охота, а назадъ уходить не хочется. У свояченицы лавки—бѣлыя, выбѣлены онѣ бѣлыми пескомъ: сидѣть на нихъ хочется, а вставать съ нихъ не хочется».

СХVIII. Ирхи л . ку ир атат,
Вѣрман орлѣ илтѣнет,
Хоҫама сасси тойѣнат.
Тохса пѣхрѣм—нихам та ҫок.
Ирхи ҫѣкеҫ ир йорлат,
Вѣрман орлѣ илтѣнет,
Хѣр-полтѣрѣн сасси тойѣнат.
Тохса пѣхрѣм—нихам та ҫок.
Ирхи шѣпҫѣк ир йорлат,
Сѣнтѣр орлѣ илтѣнет,
Орина сасси тойѣнат,
Илтсессѣн ҫѣре ҫомве вьртат.

(Ту-ҫи Олкаш).

«Рано кукуеть утренняя кукушка; ея кукованье слышится изъ-за лѣса; кажется, что это голосъ тещи. Вышелъ я, посмотрѣлъ—нѣтъ никого. Рано щебететь утренняя ласточка, ея щебетанье слышится изъ-за лѣса; кажется, что это голосъ свояченицы. Вышелъ я и посмотрѣлъ—никого нѣтъ. Рано поеть утренній соловей, его пѣнiе слышится черезъ Сундырь; кажется, что это голосъ Орины: какъ услышу, такъ и проникаеть въ сердце».

СХIX. Ой варринҫе вѣрѣм ҫѣршѣ,
Вѣрѣм ҫѣршѣра лѣш торат,

Лаш торатра сар вуку,
Сарйла-сарйла вѣл атат,
Ҷа та позат перѣн инки.

(Ту-Ҷи Олкаш).

«Посреди поля—высокая ель, на высокой ели все сплошь сучья, на сплошныхъ сучьяхъ желтая кукушка, поетъ она расправляя то и дѣло свои крылья: это наша сноха».

СХХ. Нарт, нарт! вуакалѣ,
Ларахан шуа йоратат;
Кие-как! хорѣ
Йохахан шуа йоратат.
Перѣн пиҶи Михали
Ҷипер хѣре йоратат:
Тытасшѣн та выҶасшѣн.

(Ту-Ҷи Олкаш).

«Утка-крякушка любитъ стоячую воду, крикливый гусь любитъ воду проточную. Нашъ братецъ Михайла любитъ красивыхъ дѣвушекъ: хочетъ поймать ихъ и съ ними поиграть».

СХХІ. Ула лаша—тамаша,
Ака туртмаҶ, тамаша;
Ҷўрен лаша—тамаша,
Сўре туртмаҶ, тамаша.
Ах, йыснаҶѣм, улпутҶѣм,
Аппана савмаҶ, тамаша!

(Хурама).

«Чудесная пѣгая лошадь не везетъ, диковина, плуга; чудесная рыжая лошадь, диковина, не везетъ бороны! Ахъ, зятекъ мой, сударикъ мой, не любитъ, диковина, мою сестрицу!»

СХХІІ. Ей мѣнтарѣн тѣмани
НаҶарланнѣ пек пулнѣ,
ҶерҶийбе тус пулсассѣн
Самайланнѣ пек пулнѣ.

Аѣа зипер Битѣри пур,
Паѣарланнѣ пек пулвѣ,
Сарѣ хѣрпелен тус пулсассѣн
Самайланнѣ пек пулвѣ.

(Хурама).

«Охъ, эта сова! она сначала какъ будто похудѣла, но когда подружилась съ воробьемъ, то словно поправилась».

Есть у насъ красивый паренъ Андрей. Сначала онъ какъ будто похудѣлъ, но когда подружился съ русою дѣвушкою, то, кажется, поправился».

СХХІІІ. Мѣн-Сырма урамѣ аслѣ урам,
Пире сѣреме тѣвѣр пулѣѣ;
Хула урам тѣвѣр урам,
Пире сѣреме прѣк пулѣѣ.
Хусантан тухаѣ хура сул,
Ик айѣккипеле сѣр йупа;
Хѣвелех хѣртсе пѣхнѣ зух
Ик айѣккипе сѣр йухаѣ.
Епѣрех тухса кайнѣ зух
Аттепе аннен ик хура кусран
Шѣпѣр-шѣпѣр шыв йухаѣ.
Шурѣм пуѣ килет шуралса,
Шурѣ пир карса ѣарас суѣ;
Хѣвелех пѣхаѣ хѣрелсе,
Хѣр: ѣ хѣмаѣ карса ѣарас суѣ;
Кайнѣ хур кайаѣ пулѣккипе,
Шулѣара тулѣ сапса ѣарас суѣ;
Епѣр кайатпѣр пулѣккипе,
Илтѣнпа кѣмѣл парса ѣарас суѣ.
Турпас сине тѣм ѣвнѣ,—
Нумаѣ тѣмаѣѣ, хаѣ, прѣлет;
Ах аттеѣѣм, аннеѣѣм!
Нумаѣ тѣмаѣстпѣр, хаѣ, кайатпѣр.
Алѣбран тухрѣм, тайѣлтѣм—
Аттепе анверен уѣѣрѣлтѣм;

Сенёкрен тухрәм тайһалтәм —
Пизъепе шкерең уйһарһалтәм;
Кётесрең пәрһантәм тайһалтәм —
Тантәшсенҗен уйһарһалтәм;
Пус хапхинҗен тухрәм, тайһалтәм —
Пал-Ишсенҗен уйһарһалтәм;
Пусса тухрәм тайһалтәм,
Сәрпе шывран уйһарһалтәм.
Улаһрәмах сүлә ту сине
Хөвеле писәе сырлашһан.
Сәлтәр витәр сүл курһанат;
Епәр кайас сүл мар-ши?
Хөвел витәр хәр курһанат;
Епәр плес хәр мар-ши?
Уйһах витәр уй курһанат;
Епәр вәрҗас уй мар-ши?

(Мән-Сырма).

«На Муспринскихъ широкихъ улицахъ стало тѣсно намъ ходить; на узкихъ улицахъ города стало вольно намъ гулять. Изъ Казани выходить черная дорога, по обѣимъ сторонамъ ея красные столбы; когда жарко печетъ солнце, то по обѣимъ сторонамъ ея течетъ краска. Во время нашего ухода у батюшки и матушки изъ черныхъ глазъ градомъ текутъ слезы. Занимается бѣлая заря, не удержишь ее, растянувъ бѣлый холстъ; свѣтитъ красное солнышко, не удержишь его, натянувъ красный кумачъ; вереницею летятъ дикіе гуси, не удержишь ихъ, разсыпавъ крупной пшеницы; мы уходимъ цѣлою толпою, не удержишь насъ, дря залотомъ и серебромъ.

На шепки выпалъ морозъ, — не долго онъ продержится, скоро растаетъ; ахъ, батюшка и матушка! не долго мы здѣсь пробудемъ, — скоро уйдемъ отсюда. Вышелъ я изъ дверей, поклонился — разстался съ отцомъ и матерью; вышелъ я изъ сѣней, поклонился — разстался съ старшимъ братомъ и его женою; завернулъ я за уголъ и поклонился — разстался я съ своими друзьями; вышелъ я за оклицу и поклонился — разстался со всею деревнею; вышелъ я въ поле и поклонился — разлучился съ землею и съ водою. Поднялся я на высокую гору за ягодами, созрѣвшими на солнцѣ. При звѣздахъ виднѣтся дорога, — не по этой ли дорогѣ намъ идти? При свѣтѣ солнца виднѣтся дѣвушка, — не та ли это дѣвушка, которая была бы нашею невестою? При лунѣ виднѣтся поле, — не то ли поле, гдѣ мы будемъ биться?»

СХХIV. Ћѣвѣл (2) Ћѣкѣсем,
Хуралтѣ хушшивѣ вѣсенѣн йѣвисем.
Хуралтѣ хушшисенѣн сѣл вѣрсен,
Хуйхѣрасѣѣ Ћѣкѣсѣн Ћѣпписем.
Патшаран сѣрусем кѣлсессѣн,
Хуйхѣрасѣѣ сѣмрѣк аѣасем.

«У ласточекъ-щобетуній гнѣзда свиты между постройками. Когда между построекъ подуетъ вѣтеръ, то молодыя ласточки горюють. Когда придуть царскія бумаги, начинаютъ горевать молодыя парни».

СХХV. Шлѣтѣн та пѣр ѣашѣк, кѣмѣл кашѣк
Ан выѣатѣр кѣрекѣр сѣйѣнѣ;
Кайас сѣлсем вѣрѣм, купсем вѣске:
Ан йѣпатѣр сѣмсе Ћѣлхѣрне.

(Хурамаг).

«Золотою чашкою и серебряною ложкою не играйте за вашимъ столомъ. Намъ предстоитъ длинный путь, а дни коротки,—не угѣшайте насъ своимъ нѣжнымъ явкомъ».

СХХVI. Аѣти сараѣ олѣ столпалѣ,
Ћѣн сѣрѣппи кайса ѣкрѣ.
Хорлѣхан йѣвѣс хорланат;
Ай аѣти те ай апи!
Пирѣн хорланас нумаи полѣ.
Вѣрене йѣвѣс вѣренет;
Ай пиѣн те ай инки!
Пирѣн вѣренес нумаи полѣ.
Сѣмерт йѣвѣс сѣмерлет;
Ай йисни те ай аки!
Пирѣн сѣмерлес нумаи полѣ.
Хѣва йѣвѣс авѣнат;
Ай шѣллѣм та ай йѣмѣк!
Пирѣн авѣнас нумаи полѣ.
Йѣри-тавра хѣр тавѣаш

Коѣм хыѣне тѣрса йолѣѣс;
Пѣри-тавра мвѣл тантѣш
Коѣм хыѣне тѣрса йолѣѣс.

(Шѣпаѣав).

«У батюшки сарай—на шести столбахъ; самыя крѣпкѣй изъ нихъ повалился. Смородиновое дерево печалится; ахъ, батюшка! ахъ, матушка! много придется намъ печалиться. Кленъ-дерево учится; ахъ, братецъ; ахъ, сношенька! многому придется намъ учиться. Дерево—черемуха ломается; ахъ зятекъ, ахъ, сестрица! много придется намъ ломаться. Таль-дерево гнется; ахъ, братецъ, ахъ, сестрица! много придется намъ изгибаться. Окружавшія меня сверстники дѣвушки всѣ пропали у меня изъ глазъ; окружавшіе меня сверстники всѣ скрылись у меня изъ очей».

СХХVII. 1) Аттѣн улѣ тѣватѣ ул:
Виѣѣшѣ те толѣ кѣлти,
Еп пѣѣѣнех сѣлѣ кѣлти.
Аттѣн улѣ тѣват ул:
Виѣѣш киле йолаѣѣ,
Ман пѣѣѣнех кайас полатѣ.
Апин улѣ полаѣѣѣн
Кошав сурѣ полас мѣн,
Кѣмака снѣѣѣх выртас мѣн.
Аттѣн улѣ полаѣѣѣн
Анѣѣѣ сурѣ полас мѣн,
Ир сын хирѣѣ толас мѣн.
2) Алѣѣѣран тохрѣм тайѣѣлтѣм—
Аттѣн апиран ойѣѣрѣлтѣм;
Сенѣѣѣрен тохрѣм, тайѣѣлтѣм—
Пиѣѣѣѣѣ инкиран ойѣѣрѣлтѣм;
Хапхаран тохрѣм, тайѣѣлтѣм—
Йиснѣѣѣѣѣ акиран ойѣѣрѣлтѣм.

(Шѣпаѣав).

1) «У нашего отца четверо сыновей: трое изъ нихъ—пшеничные снопы, только я одинъ—овсяный снопокъ. У отца четыре сына: трое остаются дома, а мнѣ одному приходится уходить. Чѣмъ бы быть мнѣ сыномъ у ма-

тушки, лучше бы стать котенкомъ и лежать на печкѣ. Чѣмъ бы быть мнѣ сыномъ у батюшки, лучше стать бы маленькимъ кутѣнкомъ и выбѣгать на встрѣчу добрымъ людямъ».

2) «Вышелъ я изъ дверей и поклонился,—разстался съ отцомъ и матерью; вышелъ я изъ сѣней и поклонился,—разстался съ старшимъ братомъ и снохою; вышелъ я изъ воротъ и поклонился,—разстался съ вятемъ и старшею сестрою».

СХХVIII. Хѣрлѣ холѣ пак хѣр тавтѣш,
Хуа холли пак ул тавтѣш,
.Тепле орѣдсах каѣас-ши!
Су полѣр та пор полѣр,
Тип те корѣп те кормѣч.

(Ту-си Олгаш).

«Сверстницы мои, похожая на вѣтви вербы, сверстники мои, подобные вѣтвямъ тальника, какъ мнѣ съ вами разстаться! Будьте живы и здоровы,—неизвѣстно, увижу ли я васъ еще, или нѣтъ».

СХХIX. Ой варринѣ мѣн йоман:
Атѣи терѣм—ѣѣнмерѣ;
Ой варринѣ мѣн ѣѣва;
Апи терѣм—ѣѣнмерѣ.
Барѣм ѣитрѣм, коѣрап ѣѣтрѣм,
Су пол терѣм—ѣѣнмерѣс;
Аллуна сол та коѣсна хоп.
Ой варринѣ мѣн хорѣв;
Аки терѣм—ѣѣнмерѣ:
Аллуна сол та коѣсна хоп.

(Тал-Олгаш).

«Посреди поля—огромный дубъ; я сказала: «батюшка!», но онъ не откликнулся. Среди поля большая липа; я позвала: «мама!», но она не откликнулась. Ушелъ я далеко и пропалъ у нихъ изъ глазъ; сказала: «пропалте!», но мнѣ не отвѣтили ничего... Махни рукою и закрой глаза! Среди поля высокая береза; я позвала: «сестрица!»—но мнѣ не отвѣтила она. Махни рукою и закрой глаза!»

СХХХ. 1) Ој ваџи^и ња мѣн јоман;
Апѣти аа пырѣм да,
Улѣм љаа мааа рѣ.
Ој ваџи^и ња мѣн сѣѣа:
Ази ааа пырѣм да,
љааа улѣм ааа рѣ.

2) Апѣти сѣѣи^и болу^и аа,
Куку сѣѣи^и болас ља,
Јѣрѣаа јѣѣа ѣѣа с ља,
Куку! ааа адас ља.
Ази сѣѣи^и болу^и аа,
Мырѣа гурланѣа болас ља;
Бр сѣн ѣрѣаа татѣр ља,
Хора дѣлѣн ѣѣаа ѣр ља.

(Пошкѣрт).

Бунинское переложение:

1) Хпр варринѣе мѣн ѣуман;
Атте тесе пытам та,
Килех, ѣвѣлам, темерѣ.
Хпр варринѣе мѣн ѣѣка;
Анне тесе пытам та,
Килех, ѣвѣлам, темерѣ.

2) Атте ѣвѣлѣ пулиѣѣен
Куккук ѣѣппи пулас мѣн,
дѣвѣсран ѣѣвѣса ѣѣсес мѣн,
Кукку! тесе авѣтас мѣн.
Анне ѣвѣлѣ пулиѣѣен
Мѣѣѣр курланѣи пулас мѣн,
Брѣ сѣн хѣрѣсем татѣѣр мѣн,
Хура тѣлѣн ѣѣлѣѣѣѣр мѣн.

1) «Посреди поля—огромный дубъ; я подумалъ, что это отецъ и подошелъ, но онъ не сказалъ мнѣ: «Подойди сыночекъ!» Посреди поля—большая липа; я подумалъ, что это мать, и подошелъ, но она не сказала мнѣ: «Подойди, сыночекъ!»

2) «Чѣмъ бы быть мнѣ дѣтищемъ у батюшки, лучше быть бы дѣтищемъ кукушки, перелегать съ дерева на дерево и куковать. Чѣмъ бы быть мнѣ дѣтищемъ у матушки, лучше стать бы гранками орѣховъ; дочери добрыхъ людей сорвали бы ихъ и нашили бы себѣ черничъ тулуповъ».

СXXXI. Мѣн одѣра мѣн *иѣи^кѣ*,
Мыри ларат шоп-шорѣ;
Чѣн дѣи^ии^и сарѣ мырѣ.
и^ир сарѣнза и^ии^и
И^ирѣи тѣмба тѣи^инат поиѣ.

(Пошкѣрт).

«Въ большой рощѣ растетъ большая орѣшина, на ней растутъ бѣлыя-пробѣлыя орѣхи; на самой верхушкѣ—желтые орѣхи. Пока мы вернемся назадъ, они, навѣрно, осыплются отъ утреннихъ морозовъ».

СXXXII. Шѣвиѣ те шѣвиѣ шаланѣ
Куллен те шывшѣн макѣратѣ.
Аѣа ѣипер (савѣ пур)
Куллен те хѣршѣн макѣратѣ.

(Хурамал).

«Швиѣ (2) авога (?) каждый день плачетъ о водѣ. Красивый парень (такой-то) ежедневно плачетъ о дѣвушкѣ».

СXXXIII. Иѣѣ куак лажѣ жонажар,
Ста *ѣѣ* ави^и, ондала.
Иѣѣ вадѣ кашкѣр жонажар.
Ста сорѣк пол^и, ондала.
Иѣѣ *ѣѣ* ача жонажар,
Ста *ѣѣ* ондала.
Иѣѣ *ѣѣ* ача жонажар,
Ста олак, ондала.

(Пошкѣрт).

«Двѣ сивыхъ лошади ходять вмѣстѣ; гдѣ овсяный загонъ, туда и онѣ. Два старыхъ волка бродять парой; гдѣ стадо овецъ, туда и они. Два молодыхъ парня гуляютъ вмѣстѣ; гдѣ дѣвушки, туда и они. Двѣ дѣвушки ходять парочкой; гдѣ посидѣнки, туда и онѣ».

CXXXIV. *Аѣтѣ сѣарѣиѣ кажа_и,
Хора ла_ииѣ ѡѣѣ_и,
Хора со_ииѣ ѡѣѣ_и,
Хора ѡ_иѣ лурда_и,
Хол хо_ииѣ ѡѣ_и тыда_и?*

(Пошкѣрт).

«Что, батюшка, не прѣхать ли мнѣ на масляничное гулянье, запрягши вороную лошадь въ черныя (крашенная) сани, посадивши дѣвушку-брюнетку и обнявши ее за талию?»

CXXXV. *Алѣкѣрсен умѣнѣе ѣшѣл курѣк,
Ѣшѣлне курса савѣнатпѣр;
Ах, хѣтаѣм, ах тѣхлатѣѣм!
Пуѣанѣра курса савѣнатпѣр.*

(Хурамаѣ).

«У васъ на дворѣ зеленая трава; какъ мы радуемся, видя ся зелень! Ахъ, сватушка, ахъ, свахонька! какъ мы радуемся, видя ваше богатство!»

CXXXVI. *Сарайѣнѣе сар ут кѣсенет,
Сарай та кашти кисренет;
Епир те килсе кѣнѣ ѣух
Хула пек суртѣр хумхаваѣ.*

(Хурамаѣ).

«Подъ сарасмъ ржетъ саврасая лошадь, такъ что жерди сарая дрожать. Когда мы прѣдемъ и взойдемъ къ вамъ, вашъ домъ, похожій на городъ, такъ и ходить ходуномъ».

CXXXII. *Пусса та кѣрес пусмѣра
Пуставран сарса кѣретпѣр;*

Тытса та кѣрес тытвѣра
И шуҕ нустарса кѣретпѣр.

(Хурамал).

«На ваше крыльцо, на которое намъ войти, мы входимъ, уставляя его сукномъ; скобку, держась за которую мы должны войти, мы сначала обили жостью».

СXXXVIII. Пуставрап сарнѣ пусмѣра
Нустарса кѣртер терѣр пулѣ,
И, шуҕ нустарнѣ тытвѣра
Тыттарса кѣртер терѣр пулѣ.

(Хурамал).

«Вѣроятно вы рѣшили привести насъ, заставивъ ступать по вашей лѣстницѣ, устланной сукномъ; вѣроятно вы рѣшили привести насъ, заставивъ держаться за вашу скобку, обложенную жостью».

СXXXIX. Мерѣентен саннѣ кѣмакѣра
Кѣртсе кѣтартар терѣр пулѣ;
Шур курнитса пек пѣртѣре
Кѣртсе выѣатар терѣр пулѣ.

(Хурамал).

«Вѣроятно вы захотѣли привести насъ къ себѣ, чтобы показать вашу печь, сбитую изъ коралловъ; вѣроятно вы вздумали привести насъ къ себѣ чтобы дать намъ поиграть въ вашей избѣ, похожей на бѣлую горницу».

СXL. Сирѣп йашвѣра сѣмесен
Ѣремѣр патве пымарѣ (Вариантъ:
пирѣн Ѣремѣр виртмарѣ);
Сирѣн сѣрѣра ѣсмесен
Пусѣмѣр патве пымарѣ.

(Хурамал).

«Когда мы не бѣли вашей похлебки, мы не могли набѣться влосталь; пока мы не пили вашего пива, мы никакъ не могли захмелѣть».

СXLI. Утмѣл туратлѣ тупѣлха
Утмѣл улѣха сарѣлнѣ

(Вариантъ: асла улаха сарлнѣ);
Пирѣн хѣта тѣхлаѣн ырѣ паѣѣ
Таврари пала сарлнѣ.

(Хурамал).

«Таволга, имѣющая шестьдесятъ вѣтвей, разрослась на шестьдесятъ луговищъ (Вариантъ: «на большой луговищѣ»). Добрая слава нашего свата и свахи прошла по всемъ окрестнымъ деревнямъ».

СХLII. Вунпкѣ шѣллѣ урапа
Пѣр пѣр те сивѣен куспнѣѣ,
Кивѣмѣр ырѣ сын пулинѣѣ,
Пѣр ѣс та сивѣе тѣринѣѣ.

(Хурамал).

«Ахъ, еслибы колеса о двѣнадцати спицахъ все бѣжали ровно по колеямъ. Ахъ, если бы наша сноха оказалась доброю женщиною и во всемъ поступала умно!»

СХLIII. Пахѣа та пахѣа купѣста
Пуслѣ та пулин, лапѣхъ ѣѣ.
Ѣнпер те кивѣм (савѣ пур)
Ашшѣ амѣшѣ пек ѣсла пулинѣѣ.

(Хурамал).

«Хорошо, кабы капуста, растущая въ огородахъ, уродилась съ крупными вилками. Хорошо, если бы хорошенькая сноха (имя) оказалась такою же умною, какъ ея отецъ и мать».

СХLIV. Ъанкѣр та Ѣанкѣр Ѣѣн ѣѣвен
Ырѣ ут та пусне йуринѣѣѣ.
Кивѣм те ырѣ (савѣ пур)
Пирѣн те аѣана йуринѣѣѣ.
Пирѣн аѣана йурама
Турѣ ѣс-хакал паринѣѣѣ.
Ѣѣсѣ те вѣрѣм тивѣсѣѣ.
Ѣсне те кѣске тивѣсѣѣ:

Сўсё те вёске пулинъзё,
Асё вѣрѣм пулинъзё.

(Хурамал).

«Хорошо, кабы зпонкая ременная узда оказалась годною для (головы) добраго коня. Хорошо, если бы наша добрая сношенька угодила нашему парню. Ахъ, если бы Бегъ далъ ей ума-разума для того, чтобы угодить ему. Говорятъ, что у нея волосъ дологъ, а умъ очень коротокъ: вотъ если бы у нея волосы оказались коротки, а умъ оказался долгимъ!»

СXLV. Пёрзё те лёрзё пёрлехен
Сўзъсёсем виттёр курѣнатъ.
Ах, пиъзёсёмех (женихъ) улшутсѣм
Хѣрпу та виттёр курѣнатъ.

(Хурамал).

«Костянику, на которой много ягодъ, видно сразу изъ-за листьевъ. Ахъ, братецъ мой. сударикъ мой!—даже сквозь околышъ онъ замѣтенъ»

СXLVI. Лапка (2) йур сѣватъ,
Шур пѣрт сине шуратаѣ.
Аѣа ѣипер (савѣ пур)
Пёр хёр пусне шуратаѣ.

(Хурамал).

«Густыми хлопьями падаетъ снѣгъ, покрывая бѣлизною крыши бѣлыхъ избъ. Хоршенькѣй парень (такой-то) покрываетъ бѣлымъ голову дѣвушки».

СXLVII. Тиллит-тилит тифассё,
Тѣкме виттёр пѣхассё.
Казъа матур тифайса
Еп те пырап тифассё.

(Хурамал).

«Онѣ говорятъ: «Тиллит-тилит!» и поглядываютъ сквозь частоколъ. Любуясь на красиваго парня, онѣ говорятъ другъ другу: «И я пойду (за него замужъ)».

CXLVIII. Петѣр илѣ Окашран,
Епѣр илес, илес полсан,
Хамѣр йалтан тохмастиѣр.
Пирѣн арѣм поласси
Ѕут муѣиххи муѣѣнѣ,
Ик хут ѣохп муѣѣнѣ.
Сарѣ вѣрѣм хѣрсене
Шѣрѣса витѣр коѣ корѣт.
Хора лотра хѣрсене
Кѣшвар витѣр коѣ кормѣѣ.
Ѕак той хѣрѣнѣ ѣѣр хѣр пор,
Пире йоралѣ пѣре ѣок.
Пѣре те ѣок лин, пѣре пор,
Он та варли виѣѣ тет.
(Вариантѣ: Он та хоѣн пор корѣнатѣ).
Епѣр она парас ѣок.

(Шѣпаѣав).

«Петрѣ взялъ жену изъ Олгаши, а мы, если придется жениться, то не возьмемъ ниоткуда, кромѣ своей деревни. У нашихъ будущихъ женъ на шеѣ блестящія мониста и въ два ряда серебряныя ожерелья. Высокихъ русыхъ дѣвушекъ видно даже сквозь бусинку, а низенькихъ черноватыхъ дѣвушекъ не замѣтишь и сквозь вьюшку. На эту свадьбу собралось сто дѣвушекъ, но ни одна изъ нихъ не годна для насъ. Хотя, положимъ, и совѣтъ нѣтъ годныхъ, но одна все же есть, только и у той, говорятъ, цѣлыхъ три дружка. (Вариантѣ: «да и у той, кажется, хозяйинъ есть»). Мы ее не дадимъ».

CXLIX. Ѕакѣ йалтан илмешѣн
Пирѣнтен ыр сын кирлѣ мар.
Илѣпѣр, илѣпѣр, илѣпѣрех,
Илмесен те астарар,
Ора вурѣнне постарар.
Атѣн окѣи ѣок тет,
Ѕок та полсан ѣѣр тенкѣ.
Ѕѣр тенкѣлѣх хѣрсене
Илѣпѣр, илѣпѣр, илѣпѣрех,
Илмесен те астарар,

Астарар, костарар,
Хамър майлă савърар.

(Шăпаѳав).

«Что бы жениться на здѣшнихъ деревенскихъ—лучше насъ и жениховъ не надо. Женимся мы, женимся, непременно женимся, — а если и не женимся, такъ даване (хоть) завлечемъ, а потомъ заставимъ бѣгать за собою. Отецъ говоритъ, что нѣтъ денегъ,—хоть и нѣтъ, а все сто рублей найдется. На сторублевыхъ дѣвушкахъ мы женимся, женимся, непременно женимся,— а если и не женимся, такъ даване завлечемъ; завлечемъ, свертимъ и привяжемъ ихъ къ себѣ».

СІ. Лаши пѣр йортаѳ,
Пошне пѣр утаѳ,
Въръм пѣр солне
Спешешѣн.
Ай аѳи те ай апи,
Ытла майсѣрах йоратап!

(Сатра-Марка).

«Лошадь все бѣжить рысцою и помахиваетъ головою, чтобы поскорѣе пробѣжать длинную дорогу. Ахъ, батюшка, ахъ, матушка! ужъ очень я васъ сильно люблю!»

СІІ. Аѳи, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѳрѣн-и?
Мѣшѣр кувку ялтѣн-и?
Кувку саси лайѣх-и,
Пирѣн сасѣ лайѣх-и?
Апи, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѳрѣн-и?
Мѣшѣр шѣпѣѣк ялтѣн-и?
Шѣпѣѣк саси лайѣх-и,
Пирѣн сасѣ лайѣх-и?
Пѣѣи, мана сотрѣн-и?
Сотрѣн-и те поѳрѣн-и?
Мѣшѣр шавѣѣра ялтѣн-и?

Шанкѣра сасси лайѣх-и,
Пирѣи сасах лайѣх-и?
Ипки, мапа согрѣи-и?
Согрѣи-и те поирѣи-и?
Мѣшѣр ѣѣкеѣ илтѣи-и?
ѣѣкеѣ сасси лайѣх-и,
Пирѣи сасах лайѣх-и?

(Шѣпаѣав).

«Ну что, батюшка, продалъ ты меня?—продалъ и богатымъ стать?—разбогатѣлъ и пару кукушекъ купилъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или голосъ кукушки?—Ну что, матушка, продала ты меня?—продала и богата стала?—разбогатѣла и купила пару соловьевъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или соловьиный?—Ну что, братецъ, продалъ ты меня?—продалъ и богатымъ стать?—разбогатѣлъ и пару колокольчиковъ купилъ?—Что же, по твою, лучше, звонъ колокольчиковъ или мой голосъ?—Ну что, невѣстушка, продала ты меня?—продала и стала богатая?—разбогатѣла и купила пару ласточекъ?—Что же, чей голосъ лучше, мой или голосъ ласточки?»

СЛII. Сѣм, сѣм, сѣм, вѣрман,
Сѣм вѣрманта осланкѣ,
Осланкѣра текерлѣ.
Текерлѣ ѣури хѣп-хѣрлѣ,
ѣак йал хѣрѣ сап-сарѣ.
(Иѣѣ) илтѣ саррине
Пире пурѣѣѣ хори те,
ѣак йал хѣрѣ полѣр-ѣѣѣ.

(Шѣпаѣав).

«Темный (з) лѣсъ. Въ темномъ лѣсу поляна, на полянѣ—пиголица. Дѣтеныши в пиголицы—яркоокрасные, а въ этой деревнѣ лѣвушки совершенно русыя. «Такой-то) взялъ за себя русую, а намъ бы ладно и черноватую, только бы лѣвушка была изъ этой (нашей) деревни». (Свадебная)

СЛIII. Вѣг, вѣг, вѣт вѣрман,
Вѣг вѣрманта вѣт кайѣв.

Кайскѣ вѣсѣ кайнѣ ҫох
Хѣви йолаҫ хомханса.
Хѣрѣ токса килнѣ ҫох
Амѣш йолаҫ макѣрса;
Кинѣ пурса кѣрнѣ ҫох
Пирѣн апи хѣпѣртет.

(Шӓпаҫав).

Мелкій (3) лѣсъ, Въ мелкомъ лѣсу мелкія птички. Когда птичка улетасть, то таловые кусты качаются. Когда дочь выходитъ замужъ, то мать ея плачетъ; когда къ намъ въ домъ приходитъ (новая) сноха, то наша мать радуется». (Свадебная).

CLVI. Апи каларѣ хѣр пӓхма,
Сарринѣ, вӓрӓмнѣ,
Тота хѣрри ҫӓхинѣ.
Ори ҫинѣ пос терѣ,
Хѣрнѣ намӓс ту терѣ.
Атӓн каларѣ хѣр пӓхма,
Хоринѣ, вӓрӓмнѣ,
Ҫӓҫ хѣрри кӓтринѣ.
Ори ҫинѣ пос терѣ,
Хѣрнѣ намӓс ту терѣ.

(Ту-ҫи Олҫаш).

«Мать велѣла мнѣ присматривать невѣсту,—русую и высокую, съ тонкими губами. «Ты, сказала она, наступи ей на ногу и этимъ пристыди ее».— Отецъ велѣлъ мнѣ присматривать невѣсту,—брюнетку и высокую, съ вьющимися на лбу и вискахъ волосами. «Ты наступи ей на ногу», сказалъ онъ: «и этимъ пристыди ее»:

CLV. Вон-нѣ йоман пѣр котра,—
Кассан каска полмѣ-ши?
Ҫорсан ҫоркам полмѣши?
Тусан катка полмѣ-ши?
Ох, сукка, Пӓлави!

Тусан аръм полмѣ-ши,
Пӕхма ӕипер полмѣ-ши?

(Ту-ҕи Олкаш).

Двѣнадцать дубовъ всѣ растутъ отъ одного корня. Если срубить эти дубья, то не выйдутъ ли изъ нихъ кряжя? Если расколоть ихъ пополамъ, то не выйдутъ ли изъ нихъ плахи? Если выдѣлать эти плахи, то не выйдутъ ли изъ нихъ ладки?—Ахъ, эта сука Целлегя! Нельзя-ли сдѣлать ее бабой? Хороша-ли тогда будетъ она на взглядъ?

CLVI. Ҙак пурт хыҕҕын отма ҕол,
Отма ҕол мар, йасар ҕол.
Йасар пуҕе—Орина.

(Ту-ҕи Олкаш).

«За эту избою проторена тропинка,—не тропинка, а распутная дорожка. Зачинищица распутства—Орина».

CLVII. Шип (з), кукку!
Шип куккуйын (*куккуйын*) вис ҕурӕ,
Перен апин (*абин*) олт ҕурӕ.
Тохсам, пӕхсам, ай апи,
Херлѣ пиллѣ хер килҕѣ.
Ним парса та ним ҕимес,
Толӕ перҕеҕек анҕах ҕнет (*с' и э_т*).

(Ту-ҕи Олкаш).

«Шипъ (з) кукушка! У кукушки три дѣтеныша, а у нашей матери—шестеро. Выходи, мама, посмотри,—къ намъ пришла румяная дѣвушка. Она не ѣсть ничего, чего ей ни дай, кромѣ однихъ только пшеничныхъ зернышекъ».

CLVIII. Ёлѣк Ваҕли калаҕѣ:
Хора лотра херсене
Хора пурт нивес туас теҕѣ.
Ох, ӕох, ӕох полҕе-и?
Хун алине керҕе-и-ха?

Туйё-и-ха (чит. *туји-ха*) та тумё-и-ха?—
Епёр ова кораппър.

(Ту-си Олкаш).

«Прежде Василий бывало говорилъ, что черноватыхъ низенькихъ дѣвущекъ стоитъ только ставить вмѣсто стульевъ подъ черную набу. Ну что, кажется пришлось подѣломъ? Кажется, теперь попалась и въ свои руки? Посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ теперь такъ (какъ говорилъ тогда).

CLIX. Лаша лайѣх-ташлат,
Аѣа лайѣх-йорлат,
Хёрсем лайѣх ларашшѣн,
Ларашшѣн та пырашшѣн;—
Епёр нсе каймастпър.
Питех пирас килет тѣк (*к^уа^эт^тѣк*),
Ой хахине токса тър,
Сорпан-масмак ѣиксе тох.

(Ту-си Олкаш).

«Хороша лошадь,—такъ и пляшетъ въ упряжкѣ; хорошъ парень,—такъ и заливается пѣснями; хороши дѣвицы,—такъ и готовы сѣсть и ѣхать съ нами,—только мы ихъ не беремъ съ собою. Если ужъ такъ хочется съ нами ѣхать, то выходите къ полевымъ воротамъ, захвативъ съ собою сорбанъ и масмакъ».

CLX. Сүл хёррипѣн пултѣран
Тевѣл пуспе сарѣхвѣ;
Тавра йалсен каѣѣпсем
Хёр сүйласа сарѣхвѣ

(Хурама).

«Боршовникъ, растушій по краямъ дороги, пожелтѣлъ отъ концовъ (телѣжныхъ) осей; парни окрестныхъ деревень пожелтѣли, выбирая себѣ невѣсты».

CLXI. Сүл хёррипѣн пултѣрава
Кѣткѣ сыра пуславѣ;

Тавра йалсен каѳѳисене
Майӳх сыра пусланӳ.

(Хурамал).

«Борщовникъ, растущій на краю дороги, стали обляпывать муравьи; у парней окрестныхъ деревень стали пробиваться усы».

СЛXII. Сул хёрринѳи кашлинѳѳѳ
Ан сийӳр—тутӳр пӳсӳлѳ;
Тавра йалсен каѳѳисене
Ан кайӳр—йатӳр пӳсӳлѳ.

(Хурамал)

«Не ѳыште козловикъ, растущій по кряжъ дороги, потому что у васъ заболятъ губы; не выходите зӳмужъ за парней изъ окрестныхъ деревень, потому что вы потеряете доброе имя».

СЛXIII. Ғавак (2) Ғаваклат,
Симѳс хӳрине пӳркалат;
Ғипер инке, сарӳ инке,
Сарӳ хӳрине пӳркалат.
Пирӳн пияѳзе, сѳѳѳѳѳ.
Аршӳнѳѳе Ғышкалат,
Пирӳн инке, кѳѳѳѳѳ,
Кѳѳѳѳѳѳе Ғышкалат.
Айтӳр, кайар вӳрмана
Хура сӳрла пустарма.
Хура сӳрла пыл пекех,
Пирӳн тӳван Ғун пекех.

(Хурамал).

«Сорока стрекочетъ и вертитъ своимъ сизымъ хвостомъ; красивая русая тетушка повертываетъ своимъ желтымъ хвостомъ. Нашъ дядя портной—поколачиваетъ аршиномъ, а наша тетка—пӳвунья—постукиваетъ коромысломъ. Пойдемте въ лѳсъ собирать ежевику. Ежевика сладка, какъ медъ, а наша родня мила, какъ своя душа».

CLXIV. Вуникé йáран йешéл сулан,—

Ан касáрсем, ыт сáмрáк.
Каѳѳи ватá хéрé сáмрáк,—
Ан илéрсем, ыт сáмрáк.
Тавра йалсен кўллинѳе
Сакáр мáшáр шапи пур,
Хамáр йалсен кўллинѳе
Тáхáр мáшáр сáрттап пур.
Тавра йалсен вáййинѳе
Сакáр мáшáр урса пур.
Хамáр йалсен вáййинѳе
Тáхáр мáшáр тавтáш пур.

(Хурамаг).

«Не сръывайте лука, растущаго на двѣнадцати грядкахъ: онъ очень молодъ. Женихъ старъ, а невѣста—молодая, не берите ее, ужъ очень она молода. Въ озеракъ сосѣднихъ деревень восемь паръ лягушекъ, а въ озерѣ нашей деревни—девять паръ шукъ. Въ хоровахъ окрестныхъ деревень восемь паръ вдовцовъ, а въ нашемъ деревенскомъ хоровадѣ—девять паръ (молдыхъ) сверстниковъ».

CLXV. Хирте куйан йёрри пур,

Йáлта ларма хéрé пур.
Кайри зўреѳёр хысёнѳе
Сарá каѳѳá йёрри пур.
Хура зёкес пулам-и,
Хуралтáр сине ларам-и?
Сарá кайáк пулам-и,
Сарайáр сине ларам-и?
ѳáпар куккук пулам-и,
Тыкáр сине ларам-и?
И, тытаймáр, тытаймáр,
Тытсан та пумаи усраймáр.
Кайас вáхáт си:сессён,
Пыл-сахáр парса зараймáр.

(Хурамаг).

«Въ полѣ есть заячьи слѣды, въ деревнѣ для послѣднѣюкъ есть дѣвушки. За вашимъ заднимъ окошкомъ есть слѣды русаго парня. Не стать ли мнѣ черною ласточкою и не сѣсть ли на ваше строснѣе? Не стать ли мнѣ желтою птичкою и не сѣсть ли на вашъ сарай? Не стать ли мнѣ пестрою кукушкою и не сѣсть ли къ вамъ на перила? Нѣтъ, не поймаете вы меня, не поймаете, а я поймаете, такъ не надолго удержите. Когда придетъ пора мнѣ уходить то не удержите вы меня ни сахаромъ, ни медомъ».

Хёр Йёрри.

CLXVI. Хурамал урам аслă урам,
Аслă та пулсан мамăклă;
Ун мамăвне снл сĕклĕ,
Манăн пуçа Турă сĕклĕ.
Хурамал хирĕ сарă сĕске,
Йепле ытарса тухăп-ши?
Кекен хирĕ кăвак сĕске,
Йепле ытара кĕрĕп-ши?
Епĕ ытара кĕреймĕç,
Турă ытара кўрттĕр-и!

(Хурамал).

Плачь невѣсты.

«Кармалинская улица—широкая, хоть и широкая, да пуховая. Пухъ съ нея подниметь вѣтеръ, а мою голову подниметь Богъ. Въ кармалинскомъ полѣ—желтые цвѣты,—какъ мнѣ съ ними будетъ разставаться? Въ кеке-нилагинскомъ полѣ синіе цвѣты,—какъ я рѣшусь на разлуку, чтобы пойти туда? Не смогу я разлучиться и пойти туда: пусть самъ Богъ ведетъ меня, если я здѣсь лишняя».

CLXVII. Урхамасем улттăн, утсăм пĕвзĕн:
Сăк туртаймĕ тесе хăратăп;
Ситĕ йутсем ситĕрĕн, еп пĕр пĕвзĕн,
Кун кураймăп тесе хăратăп.

(Хурамал).

«Аргамаковъ семь, а у меня лошадка—одна: боюсь, что не свезетъ она воза. Чужихъ людей семеро, а я одинока: боюсь, что не видать мнѣ (свѣтлыхъ) дней».

CLXVIII. Пухат шывсем, йухат шывсем
Йухат шывсем Шурă Атăл сийбѣнѣ.
Йухрѣ карѣ, йухрѣ карѣ
Шурă авкăш зѣпписем (2).
Астап сѣвленѣс (2)
Астап сѣвленѣс самрăк хуртăкисем (2),
Таирѣ карѣ (2),
Таирѣ карѣ шурă авкăш зѣппине (2).
Тѣкпе сăлтѣс (2)
Тѣкне сăлтѣс сўлѣ сыран хѣрринѣ (2),
Мамăкне пухрѣс (2),
Мамăкне пухрѣс сѣнѣ сывнăн арѣине (2).
Кайассѣ хѣрсем (2),
Кайассѣ хѣрсем сѣнѣ сѣре мул пухма (2),
Килессѣ хѣрсем (2),
Килессѣ хѣрсем сѣнѣ сѣртен мул пухса.
(Йăлпăлак).

«Течетъ вода по рѣкѣ Бѣлой, поплыли по ней бѣлые лебедята. Откуда ни возьмись молодые ластеба, убили они бѣлаго лебеденка. Его перья оши пали на высокомъ берегу, а пухъ собрали въ сундукъ молодой жены. Дѣвчушки идутъ на новыя земли, чтобы тамъ добро наживать; дѣвчушки приходятъ съ новыхъ земель съ нажитымъ тамъ добромъ».

CLXIX. Сўлѣ ту синѣ ват йуман (2),
Йуман та мар, мѣн те мар,
Пуссаѣи (2).
Тийак аѣи пулайѣ (2),
Сўсне вырăсла кастарѣ,
Пуссаѣи (2).
Парлак синѣ сырлапăк (2),
Сырла та мар, мѣн те мар,
Пуссаѣи (2).
Пиве хѣрѣ пулайѣ (2),
Сўсне супа турарѣ,
Пуссаѣи (2).

Урамни абаки кѣвак сѣске (2),
Тайѣла, таѣла таплар-и,
Пуссаѣи (2).
Ив вас хѣрѣ пѣр килсе)
Пухѣна пухѣна выѣар-и,
Пуссаѣи (2).
Пухѣна пухѣна выѣани (2)
Шыв йуххипе йухат пу-ѣ,
Пуссаѣи (2);
Саврѣна, саврѣпа выѣани (2)
Савра силпе кѣсет пу-ѣ,
Пуссаѣи (2);
Тытѣна, тытѣна выѣани (2)
Тыкѣр вѣсне йулат пу-ѣ,
Пуссаѣи (2).
Сѣѣѣ ту сине йлѣхсан (2)
Анас тесе ан калѣр,
Пуссаѣи (2);
Сакѣ вѣйна тухсассѣн (2)
Кѣрес тесе ан калѣр,
Пуссаѣи.
Тирки, тирки вѣр пѣтти (2),
Сусѣр сисе пулас сук, пуссаѣи.
Вырѣв сарса минтер хурсан
Пѣѣѣен ыртса пулас сук, пуссаѣи.

(Йѣлпѣлак)

На высокой горѣ старыи дубъ. Оказалось, что это и не дубъ, а пясарской сынъ, остригшійся по-русски. На заброшенной землѣ ягодники. Оказалось, что это и не ягоды и не что, а барынина дочка, причесавшая себѣ волосы, намазавъ ихъ масломъ. По сторонамъ улицы синіе цвѣты: давайте плясать, покачиваясь. При участіи дѣвушекъ съ обонхъ концовъ деревни давайте играть, собравшись вмѣстѣ. Наши обшія игры, вѣроятно, уплывутъ по теченію воды; наши круговыя игры, вѣроятно, улетятъ по вихрю; наши перемсжающіяся игры, вѣроятно, останутся въ углу закоулка (?) Если подниметесь на высокую гору, то не говорите, что надо спуститься внизъ; когда выйдете въ этотъ хороводъ, то не говорите, что надо идти домоі. Просяную

кашу, наложенную на блюда, нельзя будетъ ѣсть безъ масла; если постелешь постель и положишь подушку, то нельзя будетъ спать въ одиночку.

CLXX. Сўлѣ ту синѣе виѣ ѡвас;
Тѣрне касса тан тѣвас (2).
Хамѣрна ѡснѣ хѣрсене (2)
Кусрап пѣхса ѡуп тѣвас (2).
Пиѣси-пиѣси сырлашѣн (2)
Ѣѣрес ѡѣтса ан тухѣр (2),
ѡси-ѡси хѣрсемшѣн (2)
Пар ут кўлсе ан тухѣр (2).
Ѣѣрес ѡѣтса шыва ансан (2)
Сѣртан пулли лекинѣѣѣ (2);
Пар ут кўлсе тухсассѣн
Ырѣ сын хѣрѣ лекинѣѣѣ (2).
Пире ырѣ сын хѣр памѣ (2):
Тухѣс халѣ сырлана,
Епир сѣвѣнтан вѣрлѣпѣр (2).

(Йѣлпѣлак).

• На высокой горѣ три осины; нужно обрѣзать ихъ вершинки и сдѣлать ихъ равными. Дѣвушка, выросшихъ вмѣстѣ съ нами, надо поцѣловать, по-смотреть въ глаза. Не выходите съ черясомъ за ягодами, которыя еще не совѣтъ созрѣли; не выѣжайте на парѣ лошадей за дѣвушками, которыя еще не совѣтъ выросли. Когда пойдешь съ черясомъ за водой, хорошо, кабы попала рыба шука; когда выѣдешь на парѣ лошадей, хорошо, кабы попалась дочь добраго человѣка. Добрае люди не выдадутъ за насъ своихъ дочерей; погоди, вотъ онѣ пойдутъ по ягоды, мы ихъ тамъ и украдемъ.

CLXXI. Сўлѣ ту синѣе туйралѣх (2).
Вайу, скаши, вайу, скаши, вайуна,
И-и-и, сѣвратинки, е мила *).
Туйри лайѣх пѣренене (2).

*) Непереводимый приѣвъ. Слова «скаши» и «мила» — русскія — скажи, милая.

Ваѳу скаши етс.

Пѣрени лайѳх кѣдет тума (2),

Кѣлеѳѣ лайѳх мул тытма (2),

Мулѣ лайѳх хѣр шме (2),

Хѣрѣ лайѳх выѳама (2),

Тути сѳухе ѳуп тума (2).

(Пѣлпѣлак).

«На высокой горѣ дубнякъ. Дубнякъ хорошъ на бревна; бревна хороши на кѣты; въ кѣты хорошо класть добро; на добро хорошо купить дѣвшку; съ дѣвшкой хорошо играть, а въ ея тонкія губы хорошо цѣловать»

CLXXII. Вѣтлѣх айѣ пѣрлѣхен.

Вѣтѣ, вѣтѣ тийаттѣр,—

Пѣрлѣхен нумаѣ сине епир.

Савѣнна вѣтѣ пулнѣ епир.

Лутра, лутра тийаттѣр,—

Пиртен лутра кѣвакал;

Хура, хура тийаттѣр,—

Пиртен хура хурлѣхан,

Пѣкрѣс, пѣкрѣс тийаттѣр,

Пиртен пѣкрѣс сысна пур.

(Хурамал).

«Подъ кустами растутъ костяники. Вы называете насъ мелкими: много мы ѣли костяники, оттого мы и стали мелки. Вы зовете насъ низенькими,—утки еще ниже насъ; вы говорите, что мы черны,—смородина еще чернѣе чѣмъ мы; вы обзываете насъ горбатыми,—свиньи еще горбатѣе насъ».

CLXXIII. Тѣтгѣрип арман айѣнѣ

Виѣ пѣталкѣа тулѣ сурат (2).

Унѣн кѣрпине мѣн сийат?

Шур кѣвакал, сав сийат (2).

Шурѣ кѣвакал вѣстертѣм,

Шур йур сине ѳкертѣм (2).

Шурѣ пѣркепѣк вѣстертѣм,

Хёр пус сине ўкертём (?).
 Улём та тёрки вёстертём,
 Аслак сине ўкертём (?);
 Утә та тёрки вёстертём,
 Ыр ут умше ўкертём (?);
 Пурсап та тёрки вёстертём,
 Хёр җёр-сине ўкертём,
 Пушәт та тёрки вёстертём,
 Арсин умше ўкертём (?).
 Мамәкран минтер хәпартрам,
 Хёр кут айне ўкертём (?);
 Тимёртен пукав саптаргам,
 Каҗбә урайне ўкертём (?).

(Хурамал).

«Подъ маленькой быстро вертящейся мельницей обдирают три пудовки пшеницы. — Кто ёсть ея отруби? — Ихъ ёсть бѣлая утка. — Я пустиль летѣть бѣлую утку, — она полетѣла и сѣла на бѣлый снѣгъ; я пустиль летѣть бѣлую фату, — она пала на голову дѣвушки. Я пустиль летѣть пукъ соломы, и она упала на сѣноваль; я пустиль летѣть пукъ сѣна, и онъ упалъ передъ добрымъ конемъ. Я пустиль летѣть мотокъ шелку, и онъ упалъ на колѣни дѣвушки, я пустиль летѣть связку лыка, и она упала передъ мужчиною. Я набилъ пухомъ подушку и положилъ ее подъ сидѣнье дѣвушкѣ я велѣлъ сковать желѣнный стулъ, и поставилъ его подъ ноги парню».

CLXXIV. 1. Шур-шур аька, шур аька,
 Җүреҗе енттөр пәх, аька!
 Ыттаһ пөвү ситмесен,
 Арҗа лартса пәх, аька!
 Ыттаһ җуву савсассәп,
 Туттәр йарса пәх, аька!
 И, кирлә мар, кирлә мар,—
 Туттәру вәсә хөрлә мар.
 Сан хөрлүне мән тәвап?—
 Күр, тутәна җуп тәвап.
 2. Җәпар, җәпар сәмарта
 Йәп җәймешкән ырап сук (?);

Епир вайна тухсассан,
Каўба тѣма вырѣн сук (2).
Тѣма вырѣн сук тесе (2).
Ерленетрим, каўба сем (2)?
Сѣр сум укса пур тесе (2)
Мухтанатрим, каўба сем (2)?
Сѣр сум парса хѣр илсен (2),
Җарайр-и хѣрсене? (2).
3. Ан хуйхѣр, ватасем,
Куланай пѣрахас пулаї тет;
Ан хуйхѣр, самрѣксем,
Хѣр хѣрѣх сум пулаї тет.
Хѣр хѣрѣх сум пулаї җух
Пирѣн кине тин илес.
Хѣр виç сѣр сум пулаї җух
Пирѣн каўба тин кайас.

(Хурамал).

1. «Бѣлая сестрица, бѣлая сестрица! посмотри, сестрица, сквозь окошко. Если ты не достанешь до окошка, то подставь под ноги сундукъ и посмотри. Если ты действительно любишь, то попробуй послать платокъ. Нѣтъ, не надо не надо,—концы у твоего платка не красные. Ну, да что мнѣ дѣлать съ твоею красниною? дай-ка я поцѣлую тебя въ губы».

2. «Въ пестрое лѣико некуда воткнуть иголки; когда мы выйдемъ въ хороводъ, то парнямъ негдѣ бываетъ стоять. Что, парни? вы досадуете, что вамъ негдѣ стоять? Что, парни? вы хвалитесь, что у васъ есть сто рублей? Если вы возьмете дѣвушекъ, заплативши за нихъ по сту рублей, то сумѣете ли еще вы съ ними справиться?»

3. «Не горюйте, старики,—говорятъ, что податей не будетъ; не горюй, молодежь,—говорятъ, что дѣвушки будутъ и сорока рублей.—Только тогда намъ надо брать снохъ, когда невѣсты будутъ по сорока цѣлковыхъ *).—Только тогда намъ надо выходить замужъ, когда невѣсты будутъ по триста рублей **)».

CLXXV. Урам варѣнҗи җѣп курѣк Сысна кулли пулайҗѣ.

*) Говорятъ старики.

**) Говорятъ дѣвушки.

Тавра йалсен хёрёсем
Урса кулли пулайъё.
Урам варёнъи туплашка
Тапръм пӓхрӓм—курвашка.
Тавра йалсен хёрёсем
Пурте вӓсем курвашка.
Лекӓш пыраӓ хир тӓрӓх,
Сасси пыраӓ ту тӓрӓх.
Хёрё пыраӓ урам тӓрӓх,
Казъи пыраӓ шыв тӓрӓх.
Пӓрӓм (2) хурт-кусси
Сапрӓм йатӓм Самара.
Самар урамё хурт-кусси,
Епир уна пухас сук,
Пухсап пухё савра сил.
Сынсен кӓмӓъ пит пысӓк:
Епир уна кӓрес сук,
Кӓрсен кӓрё ырӓ сын.

(Хурама).

«Трава, растущая среди улицы, досталась въ добычу свиньямъ; дѣвушка окрестныхъ селеній слѣзались добычею вловцовъ. Среди улицы торчитъ кочка (?). Я подошелъ и пнулъ ее ногою, — хватъ, — не кочка, а потаскушка. Дѣвки окрестныхъ деревень всѣ до одной потаскушки. Лебедь летить вдоль поля, а его голосъ рвдается вдоль горн; дѣвушка идетъ по улицѣ, а парень идетъ по берегу рѣки. Цѣлыя низки ужовки рассыпалъ я по Самарѣ. Не намъ собрать ужовку съ самарскихъ улицъ, а собереть ее кружащійся вихрь. Очень ужъ горды люди: не намъ имъ угодить, а если кто и угодить, такъ добре люди.»

CLXXVI. Җашки (2) шур шӓрса
Тапса тӓкса пулмарё.
Вӓййӓ тухман хёрессе
Пёр йатласа пулмарё.
Епир вӓййӓ тухсассӓн,
Билет урам племё,

Епир вайъран кърсесей,
Каѣт урам илемѣ.

(Хурамаг).

«Бѣлый бисеръ, насыпанный въ чашки, не удалось пнуть и равсипать; дѣвушка, которая не выходитъ въ хороводъ, ни разу не удалось побранить. Когда мы выйдемъ въ хороводъ, то улица становится красивою, а когда мы разойдемся изъ хоровода по домамъ, то улица теряетъ всю привлекательность».

CLXXVII. Кукѣр кутлѣ шур хурѣн
Кукѣри майѣн саврѣнат.
Епир выѣссн, кулассн
Султалѣкра саврѣнат.
Касѣ-касѣ пѣлѣт тухат,
Салантѣр, кайтѣр тѣнѣне.
Епир выѣссн, кулассн
Кайивѣѣ ѣмер тѣршѣне.

(Хурамаг).

«Береза, кривая съ корня, поворачивается по своей кривизнѣ; наши игры и веселье повторяются изъ года въ годъ. Поднимаются кучки облаковъ,—пусть разойдутся они по всему міру. Ахъ, если бы наши игры и веселье продолжались всю нашу жизнь».

CLXXVIII. Кѣпер синѣи шурѣ йур
Нумай тѣмѣ, хаѣ пѣтѣ.
Ей мѣнтарѣн вѣйѣнсем,
Нумай тѣмѣ, хаѣ пѣтѣ.
Епир вѣйѣа тухвѣ-сѣе,
Есир ѣмма тухмастѣр?
Пирѣн тавтѣш тухвѣ-сѣе,
Сирѣн тавтѣш тухман-нм?
Ѧлѣхмѣттѣм ту сине,—
Вѣлтѣр вѣсен укѣа пур:
Тухмѣттѣм-ѣѣе сѣе вѣйѣа,
Ѣун илѣртен тавтѣш пур.

(Хурамаг).

«Бѣлый снѣгъ, выпавшій на мость, не долго пролежить, скоро растаетъ. Ахъ, не долго продолжатся эти милыя игры, скоро онѣ минуютъ. Мы уже вышли въ хороводъ, почему же вы не выходите? Наши сверстники уже вышли, а ваши—равнѣ нѣтъ? Не сталъ бы я подниматься на гору, да есть тамъ деньги, летяшя колеблясь; не сталъ бы я выходить въ этотъ хороводъ, но тамъ есть подруга, прельщающая сердце.»

CLXXIX. Шѣшкѣ тѣрѣх (3) шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Шѣшкѣ тѣрѣх шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Сивѣ те пулсап еп ѳсмѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Сѣреж сипѣеп (3) шыв йухаѣ а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Ашѣ та пулсап (3) еп еѣп а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Йал варрипѣеп (3) шыв йухаѣ, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Тавра йал аѣи (2) сарѣ аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи,
 Сарѣ та пулсап (3) еп савѣп а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Хамѣр йал аѣи (2) хура аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи,
 Хамѣр йал аѣи хура аѣа, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 Хура та пулсап еп савѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи,
 Хура та пулсап еп савѣп, а-ѣ-ѣу-ѣи.
 (Хурамал).

«По орѣшнику вода течетъ; хотъ и холодна она, но не буду ее пить. По лужайкѣ вода течетъ; хотъ и тепла она, но стану ее пить. Посреди деревни вода течетъ. Парни въ окрестныхъ деревняхъ русые, но хотя и русые, а не стану ихъ любить; наши деревенскіе ребята—черноватые, но хотя и черноватые, а буду ихъ любить.»

CLXXX. Пыратѣм, пыратѣм сулпалан, сулпалан,
 Пѣр лап сырла тѣл пултѣм, тѣл пултѣм.
 Татап (2)—пѣтмес-кам, пѣтмес-кам,
 Киле таврѣпас килет-кам, килет-кам.
 Вѣрман виттѣр тухна ѣух, тухнѣ ѣух
 Пѣр йывѣса куѣ хыврѣм, куѣ хыврѣм;
 Касса каймѣсин лайѣх-ѣѣ, лайѣх-ѣѣ.
 И, кайѣсин кайѣѣ ха-ѣ, кайѣѣ ха-ѣ,—
 Вѣрманта йывѣѣ пѣтмен ха-ѣ, пѣтмен ха-ѣ.
 Йал-йал виттѣр тухнѣ ѣух, тухнѣ ѣух
 Пѣр сар хѣе куѣ хыврѣм, куѣ хыврѣм;

Илсе каймёспн лайӕх-ѣ, лайӕх-ѣ.
И, кайёспн, кайёс ха.ѣ, кайёс ха.ѣ.
Иалта сар хёр пётмен ха.ѣ, пётмен ха.ѣ.
(Хурама).)

«Шель я по дорогѣ и набрелъ на кустъ ягодъ. Рву я ихъ, рву, и все не могу ихъ сорвать всё, а хочется идти домой. Когда я шель по лѣсу, то я намѣтилъ себѣ одно дерево; хорошо бы, если бы его не срубили другіе. Впрочемъ, срубить, такъ пусть срубятъ—въ лѣсу деревьяеъ и безъ того не мало. Когда я шель по деревнямъ, то намѣтилъ [себѣ одну русую дѣвушку; хорошо, какъ ее не возьмутъ другіе. Ну, да возьмутъ, такъ пусть возьмутъ—въ деревняхъ и безъ нея не мало русскихъ дѣвушекъ.»

CLXXXI. Турӕ лашаѣм турта хушшинѣ,
Пурѣн пёвенёсем пуѣнѣ.
Пёвёмёрсем сирён умӕрта,
Ѓунӕмӕрсем Турӕ аллинѣ.
(Хурама).

«Гнѣдая лошадка стоитъ въ оглобляхъ, а шелковая узда—на ея головѣ.
Наши тѣла стоятъ передъ вами, а наши души—въ рукахъ Божіихъ.»

CLXXXII. Кайӕк хурсем килет картинѣ,
Кикак тийаканни пѣри ѣук;
Ѣак тӕвансем патне еп килсесѣн
Ки.ѣах тийаканни пѣри ѣук.
(Хурама).

«Вереницею летятъ дикіе гуси, но ни одинъ изъ нихъ не кричитъ: «гага!» Когда я приѣду къ этимъ родственникамъ, то ни одинъ изъ нихъ не приглашаетъ меня войти.»

CLXXXIII. Хурама тӕвё ѣлѣ ту,
Уѣм ѣупса ѣлӕхаймаѣ.
Пире курайман тӕшмансен
Ѓѣлхи хытӕн, ѣенеймеѣ.
(Хурама).

«Бармалинская гора такая высокая, что моя лошадка не может на нее взбѣжать; у нашихъ исповѣдниковъ—недруговъ онѣмѣли языки, такъ что не могутъ слова молвить.»

CLXXXIV. Урамѣртан купнис иртсе пыраї:
Илсен, илмесен те тухса кур.
Савагѣн-и, тѣван, савмастѣн-и?
Савсан, савмасан та пырса кур.

«По вашей улицѣ проѣзжаетъ торговецъ: хоть ты купишь, не купишь, а видишь посмотреть. Любишь ли ты меня, родной, или не любишь? Хоть ты любишь, не любишь, а пряди повидаться.»

CLXXXV. Хурамал сырми тѣршшѣ йешѣл курѣк,
Утѣм сѣйас курѣксем ку мар;
Сирѣн сѣрѣр-шывѣрсем пит илемсѣр,
Епир тѣрас сѣр-шыв кунта мар.

(Хурамал).

«По кармалинскому оврагу—зеленая трава, но не такая это трава, чтобы ѣсть моей лошадакѣ; ваша вѣшняя сторона ужъ очень неприглядна: не здѣсь тотъ край, гдѣ мы будемъ жить»

CLXXXVI. Шурѣ кѣвакал зѣпписем
Кѣл, кѣл урлѣ, кѣл урлѣ;
Кѣл урлѣ та пулсан курас-зѣ.
Ширѣн тѣвансем пит айакра,
Айакра та пулсан курас-зѣ.

(Хурамал).

«Бѣлые утята за озеромъ, но все-таки хотѣлось бы на нихъ посмотреть; наши родные очень далеко, но все-таки хотѣлось бы мнѣ ихъ повидать».

CLXXXVII. Шорѣ тецсѣ, илемлѣ тецсѣ
Олма йѣвѣссин зѣзекне;
Сарл тецсѣ, лайѣх тецсѣ
Вон-сѣз солхи хѣрсене.

Ан шыр, аѣам, хўме сїмне
Хўми кўсё ху сїне;
Ан ил, аѣам, ваѣар хёре,
Хойхи йолё ху сїне.

(Тёрлемес).

«Говорятъ, бѣлы и красивы яблонныя цвѣты; говорятъ, русы и пригожи семнадцатилѣтнїя дѣвушки. Не подходи, парень, близко къ забору, а то упадешь онъ на тебя; не бери, парень, плохую невѣсту, а то будешь съ нею горе мкаться».

CLXXXVIII. Шорї пўрт тїрне хїма витнё
Сїмїр сўса витесрен.—
Хёр пур сїпсём хёрне сыхлассё
Хёрё токса кайасран.
Шорї пўртёв тїлапёнѣ
Сїмавар вёрет кїмрїксїр.
Епир иртсе кайнї тохие
Пирён тївансём кїмїлсїр.
Пёѣиксїс кўлё, саврака кўлё,
Кўлё варринѣ сїл полннѣѣ;
Пёѣиксїс пїтлё, тїкїр кўсїлї
Пирён Торї сырнї полннѣѣ.

(Тёрлемес).

«Бѣлая изба покрыта тесомъ, чтобы не проливало во время дождя; тѣ, у кого есть дочери, стерегутъ ихъ, чтобы дочки не вышли (тайкомъ) замужъ».

«Въ чуланѣ бѣлой горницы безъ углей кипитъ самоваръ; когда мы проходимъ мимо (я не заходимъ), то обижаются наши родные».

«Маленькое озеро—кругленькое озеро; хорошо, если бы посреди его былъ родникъ. Хорошо, кабы дѣвушка съ маленькимъ личикомъ и разноцвѣтными глазами была нашею суженою».

CLXXXIX. Муѣи пире хїватїтар йар,
Хїватїтар йар та хёрие пар.
Хёрё полтїр тўшеклё,
Тўшевки полтїр сїтгилїлї,
Сїтгї полтїр сўсслё,

Сўси полтър тенкеллѣ,
Тенки полтър патшаллă,
Патши полтър мараллă,
Мари полтър ажаллă,
Аѣи полтър карттуслă.
Каритус сивѣе вай-выѣатъ,
Пирѣн алăра хѣр выѣатъ.

(Килтѣш).

«Дѣдъ, пусти насъ къ себѣ въ постояльцы и отдай ты за насъ свою дочку. Чтобъ съ периной была твоя дочка, чтобъ перина была съ простынсю, простыня чтобъ была съ бахромою, бахрома чтобъ была все съ рублями, а рубли чтобъ были съ царями; у царей чтобъ были царицы, у царицъ чтобъ были ребята, чтобъ ребята все были въ фуражкахъ. Ихъ фуражки такъ вотъ и играютъ *), у насъ въ ручкахъ невѣста играетъ».

СХС. Пытăк (2) пытана,
Пытана уйра атмасан,
Уйăн кѣрнѣк килес сѣк.
Епир туйа каймасан,
Туйăн кѣрнѣк килес сѣк.

(Килтѣш).

«Пыть, пыть, перепелка! Если перепелка не будетъ кричать въ полѣ, то у поля не будетъ никакой привлекательности. Если мы не пойдемъ на свадьбу, то и свадьба будетъ неприглядной».

СХСІ. Вон-икъ ѣарăш пѣр котра,
Тораттисем пѣр майлă.
Пирѣн лашисем кил майлă,
Епир хамър хѣр майлă.

(Килтѣш).

«Двѣнадцать слей всѣ растутъ изъ одного корня, а ихъ вѣтви всѣ въ одномъ направленіи. Наши лошади норовятъ, какъ бы домой, а мы сами норовимъ, какъ бы за дѣтками».

*) Т. е. красивы, блестящи.

СХСII. Хёрсен таппи сарайанѣ,
Полштоф кѣленѣи сак айанѣ,
Ѕѣтѣк кулек кот айанѣ,
Хора кипки пуѣ айанѣ.
Йаш аѣсам йалт та йалт,
Сарай алѣк шолт-шолт-шолт!

(Килтѣш).

«Ловушка для дѣвченокъ—подъ сараемъ, полштофная посуда подъ лавкой; рванный кулекъ—подстилка, черная ветошка—изголовье. Молодые ребята такъ и смуютъ, а ворота сарая такъ и хлопаютъ».

СХСIII. Сарѣ, вѣрѣм арѣм-ѣѣ;
Айта туйа терѣм те,
Порѣян тогтѣр ѣок терѣ.
Ах, шѣѣма, шалкѣѣ-ѣке,
Йѣпѣшт шѣлаѣ куѣ шуне!
Хора, вѣрѣм арѣм-ѣѣ.
Айта туйа терѣм те,
Хора постав ѣок терѣ.
Ах, шѣѣма, шалкѣѣ-ѣке,
Йѣпѣшт шѣлаѣ куѣ шуне!

(Килтѣш).

«Была у меня высокая русая жена; я сказалъ ей: пойдѣмъ на свадьбу,— а она отвѣчаетъ: нѣтъ шелковаго платка. Ахъ, шельма, какая жалость: такъ и утираетъ втихомолку слезы!»

Была у меня высокая жена, брюнетка; я сказалъ ей: пойдѣмъ на свадьбу,— а она отвѣчаетъ: нѣтъ чернаго кафтана. Ахъ, шельма, какая жалость такъ и утираетъ втихомолку слезы!»

СХСIV. Йалти сѣра — йантѣ сѣра;
Йантине мѣнне пѣлмерѣмѣр,
Тытрѣмѣр та ѣсрѣмѣр.
Йалти инке — йантѣ инке;
Йантине мѣнне пѣлмерѣмѣр,
Тытрѣмѣр та выѣрѣмѣр.

(Ту-ѣи Олкеш).

«Деревенское пиво—готово; мы не справлялись о томъ, готово ли оно, или нѣтъ, а взяли да выпили. Деревенская тетка—готовая; мы не осведомились о томъ, готовая она, или нѣтъ, а взяли да доиграли».

СХСV. Сака́ йала́н хѣрѣсем
Пирѣн йала пырашшан
Торра така парнѣ тет,
Така шурпи пишѣтѣен
Йасар косма кайнѣ тет,
Йасар зопса килиѣтѣен
Шурпи типсе ларнѣ тет.

(Ту-си Олаш).

«Чтобы попасть (замужъ) въ нашу деревню, дѣвушки этой деревни принесли въ жертву барана. Пока поспѣвала баранья похлебка, онѣ побѣждали таскаться, а пока онѣ таскались, похлебка успѣла вся выкипѣть».

СХСVІ. Мѣвшѣн сѣра тутѣ сок?
Амѣшшем хѣмла татнѣ зох
Карта орлѣ йѣрт та йорт!
Савна сѣра тутѣ сок.

(Ту-си Олаш).

«Почему у пива нѣтъ никакого вкуса?—Когда мать ея (невѣсты) рвала хмѣль, то она то-и-дѣло таскалась черезъ заборъ,—поэтому пиво и невкусно».

СХСVІІ. Сорѣх-Орп ѣлѣб полпѣ мѣпарѣи-кон. Азасам
пѣр сѣре пустарѣнса ѣреттѣпе килѣрен йорласа суретѣѣ:
Йар, йар, вѣки, алѣкне,
Сут хѣйине суттине,
Кас коккѣѣне сулине,
Ас сѣрине ыррине.

Ола кошак, шор кошак
Шашан тѣрѣх зопвалат,
Котне шѣрпѣк тирнѣ тет.

Сорѣх-ори, Варвари,
Сорѣхсам пыѣв туѣѣр-и,
Арѣмсам аѣа туѣѣр-и.
Хѣрсем хѣсѣр полѣѣр-и.

(Ту-ѣи Олкаш).

«Раствори, тетенька, дверь, засвѣти свѣтлую лучину, нарѣжь маслянаго пирога, нацѣди хорошаго пива».

«Пѣгая и бѣлая кошкѣ бѣгають по полѣнницамъ и, говорятъ, зановили себѣ задницы».

«Овечья нога, Варвара, овцы пусть приносятъ ягнать, бабы пусть родятъ ребятъ, а дѣвки пускай будутъ бездѣтными».

СХСѢІІІ. Аѣа, арѣм, киле кас (=кайас),
Килте (хил, ѣ) аѣасам макѣраѣѣѣ полѣ (=полѣ),
Оккошваран оккошкайна пѣхаѣѣѣ полѣ.

(Ту-ѣи Олкаш)

«Поѣдемъ, жена, домой: дома, поди, ребятишки плачутъ, изъ окошка въ окошко посматриваютъ». (Застольная).

СХСІХ. Пиѣи мана ереке ѣѣстерет (ѣс' мѣр ѣ м):
Киле кайѣр, тет (м ѣ м) полѣ,
ѣѣр выртмасѣр каймастѣп.
Инки мана сѣра ѣѣстерет:
Киле кайѣр, тет полѣ.
ѣѣр выртмасѣр каймастѣп.

(Ту-ѣи Олкаш).

«Братъ почувстуетъ меня водкой,—навѣрно, чтобы я (поскорѣе) ѣхалъ домой,—но я не пойду, не переночевать. Сноха угощаетъ меня пивомъ,—навѣрно, чтобы я (поскорѣе) убирался домой,—но я не пойду, не переночевать здѣсь ночь». (Застольная).

СС. Йорлас марах тесе-ѣѣѣ,
Пиѣин ѣѣррки йорлатрѣ,

Йорлас марах тесе-бъе,
Инкии корки Йорлатре,

(Гу-си Олваш).

«Совсѣмъ не хотѣлъ было я пѣть, но заставилъ меня пѣть братиниъ
стақанчикъ. Совсѣмъ не хотѣлъ было я пѣть, но меня принудилъ снохинъ
ковшикъ».

Примѣчанія къ чувашскимъ пѣснямъ.

X. „Пирѣн курни илтни сакъ пулѣ“ *собств. значить: «это будетъ то, что мы увидимъ и услышимъ».*

XV. „Нър“ или „нар“ (последняя форма встрѣчается чаще)— старинное слово, значенія котораго чуваша въ точности не знаютъ. Форму „пър“ (*нър*) я приравниваю тат. *нөр*—*привлекательность*, откуда *нөрлю*—*красивый*, отъ араб. *نور*—*свѣтъ*. Форма „нар“ м. б. происходитъ отъ араб. *نار*—*огонь*, евр. *נר*—*свѣтильникъ*. У курмышскихъ чувашъ выраженіе „нар тѣкнѣт“ *) употребляется въ томъ случаѣ, если говорятъ о человѣкѣ съ здоровымъ цвѣтомъ лица.

XVI. „Аса кивен“ (соб. *чемерика мужескаго пола*): чемерика— однодомное растеніе, а потому выраженіе „аса кивен“ трудно объяснить. Можно предположить, что здѣсь имѣется въ виду другое растеніе.

XX. Йѣтѣн сѣлѣв (тат. *ѳитѣн бѳрѣ*), соб. «льняная шапка», — особый родъ шапки съ околышемъ изъ искусственнаго мѣха.

XXI. Кѣтат (тат. *кытат*) — черная матерія въ родѣ каинета.

XXIV. Патѣйан чит. *пад'жан*.

*) Букв. «сыплется свѣтъ?»

«Когда приходитъ гость, хозяинъ нацѣживаетъ пива, наливаетъ его въ ковшъ и сначала пробуетъ самъ, а потомъ опять наливаетъ въ тотъ же ковшъ пива и подаетъ его гостю. Гость беретъ въ руки ковшъ и говоритъ хозяину: „Тавъсѣ (тавъсѣя) слѣвхисене, хѣта“ (*Спасибо, святъ, за прежде употребле).* Хозяинъ ему отвѣчаетъ: „Тавахъ та, курнѣ пулсас-сѣн, курманни нумай пулат“ (*Спасибо и тебѣ, если ты еси отъ насъ видѣлъ; давай уже мы съ тобою не видались).* Гость выпиваетъ предложенный ковшъ и протягиваетъ его хозяину, говоря: „Тытахъ, хѣта“*) (*Ну, держи, святъ).* Тотъ не беретъ ковшъ и со словами: „Ес-ха, ѣс“ (*Пей, пей)* наливаетъ ему еще другой ковшъ. Выпивъ и второй ковшъ, гость опять протягиваетъ его хозяину; но тотъ не беретъ у него ковшъ и наливаетъ ему въ третій разъ, говоря, что „виѣсѣ куркасѣр пулмасѣ“ (*меньше трехъ ковшей неслѣзя).* Хозяинъ принимаетъ отъ гостя ковшикъ обратно только тогда, когда тотъ выпьетъ всѣ три ковша. Передъ тѣмъ, какъ выпить третій ковшъ, гость говоритъ: „Тавъ сана, хѣта“ (*Принять тебѣ, святъ).* Хозяинъ отвѣчаетъ ему: „Тавахъ“ (*Принять и тебѣ).* Послѣ этого выпитого съ прѣвѣтствіемъ ковшъ хозяинъ снова наливаетъ въ ковшъ пива и пьетъ самъ, прѣвѣтствуя гостя: „Тавъ сана“ (*Привѣтствую тебѣ).* Слѣдующій послѣ прѣвѣтствія ковшъ онъ опять вручаетъ гостю. Такимъ образомъ они пьютъ, прѣвѣтствуя другъ друга, до тѣхъ поръ, пока гость не распрощается съ хозяиномъ и не уйдетъ домой».

XXX. „Вирг“ (тат. ұрт, кирг. брт)—*палы*, степные пожары.

XLIV. „Курса калаѣсси ъунъ пекех“, соб. «свиданіе съ ними такъ же (дорого), какъ своя душа».

XLVIII. „Халъ шѣлѣнѣ“ соб. «скоро сотрется (брови)».

LVIII. Хатѣрлѣ—тат. кадърлѣ, отъ араб. قدر.

LX. „Тавансе“—сокращенная форма дат.-вин. подлежа.

*) Въмѣсто „хѣта“, разумѣется, могутъ быть и другія родственныя наименованія, смотря по отношеніямъ между гостемъ и хозяиномъ.

LXIV. Префиксъ невідѣнія „та, те“ иногда употребляется для выраженія усиленія, напр. *таста* (*таста, ташта*) *нелъсть идъ, очень далеко*; *такъм* — *нелъсть кто, такъсав* *нелъсть колда, очень далеко*.

LXXI. „Тав“ = тат. „дан“ — *слава, откуда „данныкы“ — славный*.

LXXIV. „Халад“ отъ араб. *حلال* — *законный* (противъ *حرام*).

LXXXI. Здѣсь блескъ чернымъ бровей сравнивается съ блескомъ драгоцѣннаго зеркала.

LXXXVII. „Ъёре сомънъи савъм шъранъё“ букв. значить: *«растопилась жиръ около моего сердца»*.

LXXXVIII. Слова: *«пусть душа моя попадетъ въ рай»* я отпону не къ самому рассказчику, а къ его убитой женѣ. *Ъунъм* здѣсь ласкательное выраженіе, подобное тат. *цавым*.

XC. „Хёрлѣ ѳёредлѣ“ — *румяный*, букв. *«имѣющій красное сердце»*.

XCIII. Если притяжательный сурфиксъ 3-го лица въ словѣ „*кѣлетки*“ понимать въ его собственномъ значеніи, тогда это мѣсто можно перевести такъ: *«пусть мои взоры останутся на дѣвушкѣ, а ея образъ пусть слѣдуетъ за мною»*. Слово „*кѣлетке*“ означаетъ въ чув. языкѣ не только *тѣло, но и видъ, образъ, изображеніе, картину*.

CIV. *Хоъъм хёрѣ*, букв. *«дочь моего тестя»*, встрѣчается въ пѣсняхъ въ смыслѣ: *«моя жена»*.

CVII. „Отъ“ у анатри — *островъ*, а у вир-йал кое-гдѣ употребляется для означенія рощи или небольшого лѣса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полемъ. Въ ядр. у. словомъ „Отъ“ обозначаютъ также лѣсную поляну. Срав. тат. „атау“ — *островъ и холмъ*.

CVIII. „Сўлти амнар“ — *амбаръ въ два этажа*. Порсѣн тот-тър — *передникъ*, а „потене сурн“ — *membrum virile*.

Конецъ правилыѣе перевести такъ: «Не говорите, что парень блѣденъ, потому что онъ, полежавъ съ дѣвушкою, станетъ румянымъ; не говорите, что дѣвушка черна: полежавъ съ парнемъ, она станетъ русою (бѣлою, т. е. поправится тѣломъ)».

СIX. Асѣ-хапѣлѣ, обыкн. асѣ-хакѣлѣ—уми-разумъ, изъ чув. ас—умъ и араб. *عقل*, тат. акыл—idem.

СXIV. Рубашка стала узкою отъ чрезчуръ обильнаго угощенія.

СXXII. Объясненіе выраженія „мѣнтарѣн“ см. въ моихъ «Матеріалахъ для изслѣд. чув. яз.», стр. 29; иногда это словъ употребляется для того, чтобъ выразить сожалѣніе, привязанность, любовь.

СXXIII. Сѣр йупа—крашеные верстовые стѣлбы, «версты полосаты», воспѣтыя поэтомъ.

СXXV. Первые двѣ строфы имѣютъ такой смыслъ: «не пируйте въ мое отсутствіе, а вспоминайте о моей горькой долѣ».

СXXVII. Пшеничный снопъ на видъ красивѣе, или, какъ говорить народъ, «аккуратнѣе», чѣмъ овсяный.

СXXVIII. Вѣтви вербы и ивы здѣсь являются образцомъ стройности и изящества.

СXXX. Последнія двѣ строфы надо понимать такъ: дочери добрыхъ людей пусть сорвутъ орѣхи, продадутъ ихъ, и на вырученныя деньги нашьютъ себѣ тулуповъ.

СXXXII. Ш а л а н к ѣ .

Цѣр вѣхѣгра Турѣ шаланкѣпа ула курака шыв кѣларма хушнѣ. Шаланкѣ Турѣ хушнине ялтсен: „Йѣпле кѣларас-ши?“ тесе шухѣшласа ѣсласа вѣссе сѣренѣ; ула курак Турѣ хушнине аса та ялмен, вѣл: „Йѣпле пырѣ тѣрантас-ши?“ тесе шухѣшласа хѣрѣк турат сѣнѣ ларнѣ.

Вѣссе сѣресен-сѣресен, шаланкѣ сѣре пѣр пиѣетнѣй (хѣ-
лас) пек ъавса (алтса) пѣхпѣ та сѣвѣнтах сѣртен шыв пал-
васа тухпѣ. Вара хавасланнинпе вѣл ъасрах сѣвѣнса тасалнѣ
та, илемлѣ прасник тумтирѣ тѣхпѣса Турѣ патне шыв кѣлар-
нине калама вѣссе кайнѣ. Ула курак сѣвна курсан Турѣ
умѣнѣе ырѣ йатлѣ пуласшѣн нылѣк сипѣе ыртса йѣвалан-
нѣ та ъасрах Турѣ патне шаланкѣ хысѣн кайнѣ.

Турѣ патне ситсен, шаланкѣ каланѣ: „Есѣ хушнѣ тѣ-
рѣх епѣ шыв кѣлартѣм“, тенѣ. Ула курак каланѣ: „сук, вѣл
кѣлармап, епѣ кѣлартам шыва. Вѣл епѣ сѣл патѣнѣе ѣслесе
тѣвине курѣе те, ырѣ йатлѣ пуласшѣн сѣкѣнта манран мал-
тан вѣсейсе вилѣе. Авѣ мавѣн тумтирѣм те сѣл патѣнѣе ѣс-
лесе саѣсим варланса пѣтрѣ“, тенѣ.

Вара Турѣ ула курака ѣвеннѣе те шаланкѣ сивне асап
хувѣ: „Мана улталама тытѣннѣшѣн сумѣр суса шыв кѣлен-
месѣр есѣ шыв кураймѣн ѣнтѣ“, тенѣ.

Шаланкѣ шыв кѣлараѣ, ула курак пырса ѣсет.

Переводъ:

Иволга (?)

Однажды Богъ вселѣлъ иволгѣ и воронѣ добыть (изъ земли) воду.
Иволга, услышавъ Божье повелѣнiе, летала и раздумывала, какъ бы это до-
быть воды, а ворона и не думала о Божьемъ повелѣнiи, сидѣла на сухомъ
сучкѣ и размышляла о томъ, какъ бы утолить свой голодъ.

Иволга полетала, полетала, потомъ попробовала рыть землю; когда она
вырла яму около печатной сажени глубиною, то изъ земли брызнула вода.
Тогда иволга образовалась, надѣла нарядную правдивичную одежду и полетѣла
къ Богу, сказать, что она добыла воды. Когда ворона увидала это, она, чтобы
заслужить у Бога похвалу, вывалялась въ грязь и полетѣла вслѣдъ за ивол-
гой къ Богу.

Прилетѣвши къ Богу, иволга сказала: «Я добыла по твоему повелѣ-
нiю воды. Тогда ворона сказала: «Нѣтъ, не она добыла воду, а я. Она уви-

дала, какъ я работала у колодца, и, чтобы заслужить одобреніе, прилетѣла сюда раньше меня—вогъ и все.

Вогъ у меня и одежда вся загрязнилась въ то время, какъ я трудилась у колодца».

Тогда Богъ повѣрилъ воронѣ, а на иволгу наложилъ наказаніе, сказавъ ей: «За то, что ты пустилась меня обманывать, ты не увидишь воды раньше, чѣмъ пойдетъ дождь и соберется (въ лужи) дождевая вода.

Иволга добываетъ воду, а ворона прилетаетъ и пьетъ (Пословица).

У крещенныхъ татаръ также существуетъ подобная пословица о птицѣ шайуліганъ: „Шайуліганъ сьу чыуарбан, карба виванганъ“, т. е. «иволга (?) добыла воды, а ворона сю воспользовалась».

CXLVI. Здѣсь разумѣется сорбанъ (сурпан), которымъ покрывается голова замужней женщины.

CXLVIII. Вьюшка—любочный цилиндръ для наматыванія пряжи.

CLII. Пурѣзъбѣ отъ гл. пур=пыр.

CLV. Пѣвецъ, прельщенный кокетствомъ и пикантною какой-то Палагеи, раздумываетъ о томъ, сохранить ли она свою привлекательность и въ замужествѣ.

CLIX. Парни насмѣшливо предлагаютъ дѣвушкамъ устроить свадьбу украдкой, *увозомъ*. Такъ какъ краденая невѣста обходится жениху дешево, потому что за нее не платится вѣна (хулъп-укси, холъм-овси), то увозъ считается какъ для родственниковъ невѣсты, такъ и для нея самой нещю предосудительною,—тѣмъ болѣе, если увозъ устроится съ согласія самой дѣвушки, потому что въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ сомнѣніе въ ея безупречной нравственности.

CLXI. Точнѣе: стали обростать усами, т. е. старѣть.

CLXIV. Числа *восемь* и *девять* имѣютъ у чувашъ таинственное значеніе, при чемъ первое изъ нихъ, какъ видно изъ пѣсни,—число несчастное, а послѣднее—счастливое.

CLXIX. Значеніе припѣва „Пуссази“ мнѣ непонятно.

„Парлак“—заброшенная земля, венг. *parlag*.

CLXXIV. „Тёттёрпи арман“, по объясненію чувашина, при-
славшаго мнѣ эту пѣсню, означаетъ маленькую быстро вертящуюся мельницу;
но точное значеніе слова „тёттёрпи“ мною не выяснено.

CLXXIV. Яйцо до того испещрено различными крапинками,
что на немъ нѣтъ ни одного свободного мѣстечка, въ которое можно было
бы воткнуть иголку.

CLXXV. Ужовка—родъ мелкихъ раковинъ, которыми убирають
женскіе наряды.

CLXXXVIII. Ъакър вуф— глава съ равноцвѣтною радуж-
ною оболочкою.

CXCVII. Слово «Варвара» здѣсь смысла не имѣетъ и поставлено
только для рифмы.

Пѣсни IX, X, XI, XII, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII,
XXIII, CXXXIII, CXXXIV, CXXXV, CXXXVI, CXXXVII, CXXXVIII, CXXXIX, CXXX,
CXXXI, CLXXXV—солдатскія; съ CXXXV до CXLIX включительно, а также
CLII, CLIII, CLVII, CLVIII, CLXVI, CXС, CXCV, CXCVI—свадебныя; XXIV,
XXV, XXVI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLI, XLII, XLIV;
LI, LII, LIII, LVI; LX, LXI, LXIII, LXIV, LXVII, LXXIV, LXXV, LXXVI,
LXXVIII, LXXIX, LXXXIX, XC, XCI, CIII, CIV, CVI, CIX, CX, CXI, CX.I,
CXIII CXIV, CXV, CXVII, CLXXXII, CXCVIII, CXСIX, CC—гостевыя;
CLXIV, CLXVIII, CLXIX, CLXX, CLXXI, CLXXII, CLXXIV, CLXXVI,
CLXXVII, CLXXVIII, CLXXIX—хороводныя пѣсни.

Остальныя пѣсни—равнаго содержанія.

Н. Аширинъ.

Протоколы

Общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Уни-
верситетѣ.

26 января 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. предсѣдателемъ Общества Н. О. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: предсѣдатель Общества Н. О. Катановъ, дѣйствительные члены: А. Н. Александровъ, Д. В. Васильевъ, О. Т. Васильевъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, О. Г. Мищенко, Э. Д. Пельнамъ, С. И. Порфирьевъ, А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. М. Петровскій, члены-сотрудники: А. П. Аришинъ, П. К. Вагинъ и А. В. Никитскій и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и:

1) Докладъ о пожертвованіяхъ въ бібліотеку и музей Общества: а) въ бібліотеку отъ д. чл. Н. О. Катанова «Списокъ должностныхъ лицъ Казанскаго Учебнаго Округа за 189^{1/2} г.» (Казань, 1897); б) въ музей—отъ д. чл. О. Т. Васильева—1 персидская серебряная монета шаха Надира Эфшарида; в) приобретено покупкою 12 шт. различныхъ восточныхъ монетъ, какъ серебряныхъ, такъ и мѣдныхъ, XIII—XIX вв.

2) Докладъ о приобретеніи въ музей Общества мѣдныхъ котла и ковши (за 4 рубля), найденныхъ въ 1898 г., въ Лавшевскомъ у. Казанской губ., на глубинѣ 7 аршинъ. Постановили: жертвователей благодарить, расходъ на покупку котла и ковши утвердить, предметы древности передать на храненіе въ музей, а книгу въ бібліотеку Общества.

3) Предложеніе г. предсѣдателя объ уплатѣ въ Университетскую Типографію 338 р. 50 к., въ счетъ долга, возросшаго до суммы 1082 р. Постановили: 338 р. 50 к. уплатить.

4) Предложеніе г. предсѣдателя почтить вставаніемъ память скончавшихся: члена-судебнователя Общества А. А. Кекиной († 30 декабря 1898 г.) и бывшаго дѣйствительнаго члена В. М. Флоринскаго († 3 января 1899 г.).
Исполнено немедленно.

5) Докладъ о выходѣ въ свѣтъ 6 го выпуска XIV-го и 1—2 выпусковъ XV-го тома «Извѣстій». Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6) Рефератъ д. чл. А. А. Штукенберга: «О нѣсколькихъ своеобразныхъ каменныхъ орудіяхъ Казанской и Вятской губерній».

Въ началѣ своего доклада г. референтъ указалъ на увеличеніе, за послѣднія года, объема нашихъ свѣдѣній о каменныхъ вѣкѣ и замѣтилъ, что наиболѣе обычной находкой являются молотки различной величины и изъ различнаго матеріала, напр. изъ валуновъ. Отверстіе для вставленія рукоятки бываетъ иногда посреднѣ, иногда сбоку; просверливалось оно съ обѣихъ сторонъ, при помощи палки, песку и воды. Такіе молотки могли служить и для домашняго, и для военнаго употребленія; у чувашъ и черемисъ они употребляются ирѣдко и въ настоящее время. Наряду съ просверленными молотками существовали и иные, привязывавшіеся веревками или ивовыми прутьями; такіе молотки, вѣроятно, служили для обиванія копытъ, рыболовныхъ снастей и т. п.; иныя молотки дѣлаются до характера колотушекъ; впрочемъ, иногда встрѣчаются и молотки болѣе затѣливой формы, напр. въ родѣ мотыки. Рядомъ съ просверленными молотками можно поставить круглыя просверленные валуны, могшіе служить булавами; иногда они встрѣчаются и въ неоконченномъ видѣ—недосверленными. Къ числу самыхъ рѣдкихъ находокъ принадлежатъ орудія рогагья, съ вырѣзаннымъ на нихъ узоромъ; они служили или знакомъ власти, или боевымъ оружіемъ. Въ Западной Европѣ подобныя вещи встрѣчаются въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Среди другихъ предметовъ каменнаго вѣка, встрѣчаемыхъ въ Казанской и Вятской губ., слѣдуетъ отмѣтить полированные топорики, служившіе для выдалбливанія челноковъ, стрѣлки и точильные камни съ вогнутой поверхностью (подобныя точила и теперь употребляютъ у инородцевъ). Рассмотрѣнныя вещи представляютъ много сходства съ такими же предметами изъ губерній Тверской, Олонецкой, Витебской, и также изъ Западной Европы и Сѣверной Америки (напр. колотушки); въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ естественно, что люди въ разныхъ мѣстахъ изъ одинаковаго матеріала и для одной и той же цѣли дѣлали сходные предметы. Сообщение А. А. Штукенберга сопровождалось демонстраціей предметовъ каменнаго вѣка, принадлежавшихъ музею Общества.

7) Сообщение д. чл. Н. Э. Катанова: «Мусульманскія сказанія о жезлѣ Муссея»¹⁾.

8) Сообщение д. чл. В. Л. Борисова «Тяжба г. Царевококшайска съ окольными кн. В. Г. Ромодановскимъ», прочитанное, за отсутствіемъ референта, Н. М. Петровскимъ²⁾.

9) Сообщение д. чл. Н. Э. Катанова: «Народные способы врачеванія у крещеныхъ татаръ и башкиръ Уфимской губ.»³⁾.

Въ 9 часовъ вечера г. предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

¹⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 87—93.

²⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 350—355.

³⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 1—14.

23 февраля 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹, часовъ вечера г. предѣдателемъ Общества Н. Ѳ. Катановимъ.

Въ засѣданіи присутствовали: предѣдатель Общества Н. Ѳ. Катановъ, дѣйствительные члены: А. Н. Александровъ, Д. В. Васильевъ, Ѳ. Т. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, о. Е. А. Маловъ, Э. Д. Пельцамъ, П. М. Покровский, С. И. Порфирьевъ, секретарь Н. М. Петровскій, члены-сотрудники П. К. Вагинъ и Т. С. Яковлевъ и сторонніе посѣтители.

1) Заявленіе г. предѣдателя о желательности уплаты части долга въ типографію Университета. Постановили: уплатить 159 рублей.

2) Предложеніе г. предѣдателя объ избраніи въ дѣйствительные члены Общества г. инспектора учительской семинаріи въ г. Гори (Тифлисской губ.), Ѳ. А. Смирнова. Постановили: считать Ѳ. А. Смирнова избраннымъ единогласно и выдать ему установленный дипломъ.

3) Отношеніе г. ректора Университета о подпискѣ въ пользу учреждений въ память А. С. Пушкина съ приложеніемъ подписного листа, который и былъ предложенъ вниманію присутствовавшихъ.

4) Отношеніе г. ректора Университета о препровожденіи въ Общество «Положеніи о съѣздахъ (конгрессахъ) на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ». Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5) Заявленіе секретаря о желаніи Этнографическаго Бюро кн. В. Н. Тенишева имѣть въ Казанской губерніи корреспондентовъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6) Заявленіе секретаря нижеслѣдующаго содержанія:

«Въ предстоящемъ 18 марта с. г. годичномъ собраніи Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ имѣть быть прочитанъ, согласно § 40 устава Общества, «общій годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и о состояніи Общества»; къ сожалѣнію, въ упомянутомъ § устава не опредѣлено, какъ считать годъ—гражданскій ли, академическій ли, или съ 18 марта по 18 марта (день основанія Общества). На практикѣ съ нѣкотораго времени (приблизительно съ начала 1890-хъ годовъ) установился слѣдующій узусъ: отчетъ о дѣйствіяхъ и о состояніи Общества составляется за періодъ съ 18 марта по 18 марта, денежный же отчетъ съ 1 января по 1 января. Кромѣ такого несоответствія между частями одного и того же отчета, указанный узусъ представляетъ и другое практическое неудобство: согласно §§ 41 и 42 устава, Общество должно представлять отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ «за истекшій гражданскій годъ» въ Императорскій Казанскій Университетъ и въ Казанскій Губернскій Статистическій Комитетъ, причемъ въ Университетъ не позже 15 марта, а въ Статистическій Комитетъ къ 1 февраля, «съ приложеніемъ по возможности печатнаго экземпляра отчета». Последнее требованіе при существующей системѣ физически невыполнимо, а потому я позволяю себѣ ходатайствовать предъ Обществомъ о разрѣшеніи изъинить принятый узусъ и обратиться къ прежнему порядку, т. е. къ составленію на будущее время не только денежнаго

отчета, но и отчета о дѣйствіяхъ Общества за гражданскій годъ, т. е. съ 1 января по 1 января. Для достиженія такого порядка придется на первый разъ составить и прочесть 18 марта с. г. отчетъ о дѣятельности Общества за періодъ времени съ 18 марта 1898 по 1 Января 1899 года и о движеніи суммъ—съ 1 января 1898 по 1 января 1899 года, а въ годичномъ собраніи 1900 года можно будетъ уже представить Обществу отчетъ и о дѣйствіяхъ, и о движеніи суммъ за текущій гражданскій годъ, т. е. съ 1 января 1899 по 1 января 1900 г. Въ видахъ же возможности представленія въ Статистическій Комитетъ печатнаго экземпляра отчета къ 1 февраля, слѣдовало бы установить такой порядокъ: 2 января ревизіонная коммиссія составляетъ актъ о рассмотрѣніи документоѣ и суммъ, находящихся въ вѣдѣніи казначея Общества, а 3 января назначается январское засѣданіе Совѣта, въ которомъ читаются:

- а) отчетъ секретаря о состояніи и дѣятельности Общества за истекшій гражданскій годъ;
- б) отчетъ библіотекаря о состояніи библіотеки;
- в) отчетъ г. завѣдующаго музеемъ о состояніи послѣдняго;
- г) отчетъ казначея о движеніи суммъ Общества, въ который входятъ и подробныя указанія секретаря, библіотекаря и г. завѣдующаго музеемъ объ ассигнованныхъ въ ихъ распоряженіе, издержанныхъ и оставшихся къ новому году суммахъ;
- д) докладъ ревизіонной коммисіи.

Все это, вмѣстѣ со спискомъ членовъ Общества и должностныхъ лицъ его къ 1 января, составитъ содержаніе годичнаго отчета, который, будучи подписанъ всѣми членами Совѣта и 4 января сданъ въ типографію, можетъ быть оттиснутъ къ 1 февраля, а въ мартовскомъ (годичномъ) собраніи (§ 40 устава) предложенъ вниманію публики. Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ техническихъ неудобствъ, въ нынѣшнемъ году, можетъ быть, придется напечатать списокъ членовъ Общества къ 18 марта 1899 г., а съ будущаго года можно будетъ устранишь и это несоотвѣтствіе.

Постановили: впредь, начиная съ нынѣшняго года, составлять отчетъ за гражданскій годъ.

- 7) Докладъ о пожертвованіяхъ въ библіотеку Общества: а) д. т. с. А. Н. Куломзинимъ 16 выпусковъ изданія «Матеріалы коммисіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области» (С.-Пб. 1898); б) Туркестанскою Публичною Библіотскою книгъ: а) В. И. Межова «Туркестанскій сборникъ», т. 1—3, С.-Пб. 1878—1888, б) Кала, Е. «Персидскія, арабскія и тюркскія рукописи Туркестанской Публичной Библіотеки», Ташкентъ 1889, в) Дмитровскаго, Н. В. «Каталогъ книгъ русскаго отдѣла Туркестанской Публичной Библіотеки»; д) «Каталогъ книгъ иностраннаго отдѣленія Туркестанской Публичной Библіотеки», Ташкентъ 1891; в) д. чл. Н. Э. Катановимъ—его брошюры 1) «Погребальные обряды тобольскихъ татаръ», 2) «Преданіе тобольскихъ татаръ о гровномъ царѣ Тамерланѣ», Тобольскъ 1898, и «Пламя научно-промышленной выставки 1890 г.»; г) Э. В. Благовидовимъ—его книги: «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія», Казань 1899; д) д. чл. А. А. Дивае-

вѣтъ—его брошюръ: (въ 2 экз) «Киргизскій разсказъ о Чингизъ-ханѣ»; е) д. чл. Е. В. Кузнецовъ—его брошюръ: а) «Сибирскій лѣтописецъ» (Тобольскъ 1892), б) «Святые ворота въ старомъ Тобольскѣ», в) «Тобольскій кремль и одна изъ тайнъ его», г) «Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака» (Тобольскъ, 1881), д) «Библиографія Ермака» (Тобольскъ, 1891), е) «Лѣтопись Щегининныхъ», ж) «Старое сказаніе о вѣрѣ и обрядахъ киргизовъ», з) «Воздушные страхи Тобольска въ старину» (Тобольскъ, 1892) и другихъ авторовъ: 1) «Указатель литературныхъ трудовъ Е. В. Кузнецова за тридцатилѣтіе 1866—1896» (Тобольскъ, 1896) и 2) «Еврейскій вопросъ и евреи въ Сибири», Ив. Словцова.

Постановили: жертвователей благодарить.

8) Докладъ о приобретеніяхъ въ библіотеку Общества: а) «Лѣтъ—Шуль, Стэнли. Мусульманскія династїи. Переводъ В. Бартольда» С.-Пб. 1899 (2 рубля) и б) неполный сборникъ гравюръ; по сообщеннымъ секретаремъ справкамъ, этотъ сборникъ оказывается вгорьмъ изданіемъ «Эмблемата духовнаго» (1743 г.), которое до сихъ поръ было извѣстно только въ одномъ экземплярѣ—библіотеки А. И. Кастерина. За этотъ сборникъ заплачено 2 рубля. Постановили: расходъ утвердить, а замѣтку секретаря напечатать въ «Извѣстіяхъ».

9) Докладъ о статьяхъ, поступившихъ въ Общество для печатанія: 1) чл.—сотр. о. Н. А. Архангельскаго: а) консисторскій указъ на имя козьмодемьянскаго о. благодѣянаго о ремонтѣ въ 1797 г. старой церкви въ с. Большая Шатма, б) храмовданная грамота на имя новой церкви въ томъ же селѣ и в) контрактъ о ремонтѣ въ 1832 г. церкви с. Большая Шатма; 2) д. чл. Н. Н. Паитусова «Народныя примѣты таранчей» и 3) А. Нестерова: «Хвалебная пѣснь Досъ-Ходжи въ честь султана Кенисары Касымова». Постановили: означенныя статьи передать на разсмотрѣніе редакціи «Извѣстій».

10) Извлеченіе изъ протокола Общаго Собранія, состоявшагося 5 февраля с. г., касавшееся примѣненія § 30 устава Общества, на основаніи котораго было рѣшено считать выбывшими изъ состава Общества иногороднихъ а) дѣйствительныхъ членовъ: И. А. Валленіуса, А. М. Зайцева, Н. Я. Кириллова, Н. А. Кремлева, Н. М. Мазуняна, Ал. Ф. Можаровскаго, Ал. Ф. Можаровскаго, В. В. Молоцова, Н. Д. Сверчкова, о. Т. С. Семенова, Н. А. Спасскаго, В. Н. Тиле, Ю. В. Трубинова, Ф. Р. Шишкина, П. И. Якоби и И. А. Ярыгина; б) членовъ—сотрудниковъ: Г. А. Аптіева, М. Н. Аристова, И. В. Архангельскаго, И. П. Балабанова, Н. И. Дмитріевскаго, И. Я. Зайцева, Д. В. Ильченко, г. Логачева, В. К. Мальмберга, В. П. Наливкина, В. М. Нохратскаго, А. П. Павлова, П. П. Пасникова, В. В. Сабурова, А. Ф. Семенова, Я. А. Стефановича, Н. В. Троицкую, В. П. Троицкаго и г. Хоросева. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

11) Предложеніе д. чл. И. М. Покровскаго издать, съ его предисловіемъ, въ приложеніяхъ къ «Извѣстіямъ», приходо-расходную книгу Казанскаго Архіерейскаго дома 1706 г. Постановили: просить И. М. Покровскаго предварительно ознакомить Общество съ этимъ документомъ въ апрѣльскомъ Общественномъ Собраніи 1899 г.

12) Докладъ д. ч. Н. Н. Пантусова «Народныя примѣты и повѣрія та рачен Ілійскаго округа», прочитанный, за отсутствіемъ референта, Н. М. Петровскимъ.

13) Докладъ д. чл. Н. О. Катанова «Историческія пѣсни казанскихъ татаръ»¹⁾.

14) Докладъ д. чл. С. И. Кедрова: «Объ «Историко-географическомъ словарѣ Саратовской губерніи, А. Н. Минда», прочитанный, за отсутствіемъ референта, Д. В. Васильевымъ²⁾.

Въ 9 часовъ вечера г. предсѣдатель Общества объявилъ засѣданіе закрытымъ.

18 марта 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ Общества П. В. Знаменскій, предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Д. В. Васильевъ, о. Е. А. Маловъ, Н. М. Покровскій, с. А. В. Смирновъ, секретарь Н. М. Петровскій, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, В. А. Геркенъ, сторонніе посѣтители Э. В. Благовидовъ, А. А. Сухаревъ и другіе.

Слушали:

1) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ просьбою о доставленіи къ 20 марта с. г. свѣдѣній объ архивѣ Общества по приложенному вопросному листу. Постановили: сообщить Московскому Археологическому Обществу, что описаніе архива Общества составляетъ д. чл. В. Л. Борисовымъ и по окончаніи будетъ обнародовано въ «Извѣстіяхъ», что же касается до представленія свѣдѣній, Общество въ такой короткій срокъ не можетъ доставить ихъ.

2) Расписку г. начальника Университетской Типографіи въ полученіи отъ Общества въ счетъ долга 159 р. и счетъ на остальные долги Общества 593 р. 50 к. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Письмо д. чл. Н. А. Толмачева съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ по болѣзни не можетъ исполнить порученія Общества—обрешизовать деньги и документы у г. казначея Общества. По этому поводу г. Предсѣдатель Общества заявилъ, что ревизія была произведена д. чл. Э. Э. Энгельсомъ, причѣмъ всѣ деньги и документы оказались въ надлежащемъ порядкѣ.

4) Предложеніе г. ректора университета о сборѣ пожертвованій на устройство учрежденій имени А. С. Пушкина. Постановили: продикуляровать приложенный при предложеніи подписной листъ между присутствующими

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 273—306.

²⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XV, вып. 3, стр. 357—360.

еще раз (впервые онъ былъ циркулированъ 23 февраля), доставить его г. ректору вмѣстѣ съ собранною суммой.

5) Докладъ о пожертвованіи въ музей Общества д. чл. Н. Н. Пятусовымъ четырнадцати фотографическихъ снимковъ съ древностей Средней Азіи.

6) Докладъ о пожертвованіи въ архивъ Общества д. чл. Э. Т. Васильевымъ документа 1707 г. Постановили: Н. Н. Пантусова и Э. Т. Васильева благодарить за пожертвованія.

7) Докладъ о пожертвованіи д. чл. П. В. Владимировымъ въ библиотеку Общества его брошюры: «Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888)». Постановили: жертвователя благодарить.

8) Докладъ о статьяхъ, поступившихъ въ Общество для печатанія въ «Издвстіяхъ»: 1) д. чл. В. Л. Борисова «Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ», 2) д. чл. Е. А. Малова: «О монетѣ съ изображеніемъ Христа» и 3) Пв. Чибрикова: «Народные способы «лѣченія» и заговоры противъ болѣзней въ Каванской губерніи»¹⁾. Постановили: передать означенныя статьи на благоусмотрѣніе редакціи «Издвстій».

9) Предложеніе къ избранію въ дѣйствительные члены Общества доцента Каванской Духовной Академіи Э. В. Благовидова и земскаго врача Каванскаго уѣзда А. А. Сухарева. По единогласному желанію всѣхъ присутствовавшихъ дѣйствительныхъ членовъ, постановлено: признать названныхъ лицъ дѣйствительными членами Общества и выдать имъ установленные дипломы.

10) Отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества за время съ 18 марта 1898 по 1 января 1899 г. Постановили: отчетъ утвердить и отпечатать, а гг. П. А. Пономарева и И. Н. Смирнова просить доставить отчетъ о произведенныхъ ими на счетъ Общества экскурсіяхъ (лѣтомъ 1898 г.).

11) Рефератъ д. чл. Н. Э. Катанова: «Отзывъ о новыхъ иностранныхъ изданіяхъ по изученію востока».

12) Докладъ д. чл. В. Л. Борисова: «Нѣсколько словъ о такъ называемомъ губномъ правѣ»²⁾, прочтенный, за отсутствіемъ автора, Н. М. Петровскимъ.

13) Рефератъ А. Д. Нестерова: «Хвалебная пѣснь Досъ-Ходжи въ честь султана Кенисаръ Касымова»³⁾, прочтенный, за отсутствіемъ автора, Н. Э. Катановымъ, добавившимъ къ этому докладу кое какія свои замѣчанія о личности Кенисаръ Касымова.

Въ 9 часовъ г. председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

¹⁾ Напечатано въ «Издвстіяхъ», т. XVI, вып. 3, стр. 305—308.

²⁾ Напечатанъ въ «Издвстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 83—87.

³⁾ Напечатанъ въ «Издвстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 38—57.

27 апрѣля 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7^{1/2} часовъ вечера г. предсѣдателемъ Общества Н. О. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: предсѣдатель Общества Н. О. Катановъ, почетный членъ Общества П. В. Знаменскій, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, О. В. Блгговидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. К. Горталовъ, И. А. Износковъ, И. М. Покровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ и А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. М. Петровскій и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и:

1) Некрологъ почтеннаго члена Общества А. О. Бычкова, прочитанный Предсѣдателемъ Общества (приводится ниже цѣликомъ). По предложенію предсѣдателя, память А. О. Бычкова была почтена вставаніемъ.

2) Заявленіе секретаря о выходѣ въ свѣтъ (въ 100 экземплярахъ) «Отчета» Общества за 1898 годъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Докладъ секретаря о поступившихъ въ музей и библіотеку Общества пожертвованіяхъ: а) въ музей: а) отъ д. ч. Н. Н. Пантусова 5 фотограммъ съ древностей Средней Азіи и б) отъ д. чл. И. А. Износкова манифестъ о Св. Коронаваніи Его Императорскаго Величества Николая Александровича, брошюра «Народный праздникъ по случаю Св. Коронаванія Ихъ Величествъ» и носовой платокъ съ видомъ Московскаго Кремля; б) въ библіотеку: а) отъ полковника М. Богдановскаго его брошюра «Къ вопросу о расположеніи городской стѣны Казанскаго посада въ 1582 г.» (С.-Пб. 1899), б) отъ г. E. Piette брошюра E. Piette et J. de la Porterie «Etudes d'ethnographie préhistorique. V. Paris» и в) отъ В. И. Лохельсона его брошюра «Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора» (С.-Пб. 1898). Постановили: жертвователей благодарить.

4) Докладъ секретаря о статьяхъ, присланныхъ для печатанія въ «Извѣстіяхъ»: д. чл. В. К. Магницкаго «Къ біографіи В. А. Сбоева» и «Приказы бывшаго Ядринскаго земскаго исправника Головкинскаго», Н. Н. Новокрещенныхъ: «О раскопкахъ вблизи дер. Пьянковой, Осинскаго у. Пермской губ., въ сентябрѣ 1898 г.»; д. чл. А. А. Дивлеза «Случка животныхъ въ киргизскомъ хозяйствѣ» и «Киргизскія примѣты». Постановили: перездать эти статьи на разсмотрѣніе въ редакціонный комитетъ.

5) Заявленіе секретаря о невозможности для него, по обилію дѣла, нести долѣе секретарскія обязанности. Постановили: благодарить Н. М. Петровскаго за веденіе имъ въ теченіе нѣкотораго времени дѣлъ Общества и избрать ему преемника, что и было исполнено немедленно. Избраннымъ (единогласно) оказался В. Л. Борисовъ.

6) Докладъ д. чл. И. М. Покровскаго «Казанскій архіерейскій домъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, его средства и штаты». Постановили: о печатаніи доклада И. М. Покровскаго имѣть сужденіе въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта.

7) Докладъ д. чл. П. А. Пономарева «Результаты раскопокъ Большаго Мақдшесевскаго могильника въ Спасскомъ у. Казанской губ., сопровождавшіяся демонстраціей найденныхъ предметовъ». По окончаніи доклада П. А.

Пономарева всѣ присутствовавшіе, согласно предложенію г. Предсѣдателя, благодарили референта за его интересное сообщеніе и за успѣшное и старательное исполненіе порученія, даннаго ему Обществомъ. П. А. Пономаревъ отвѣтилъ на это предложеніемъ поблагодарить также лицъ, оказавшихъ ему содѣйствіе при раскопкахъ: И. И. Ворченко, М. М. Хомякова и старосту Макашесевки, Н. П. Вьюговскаго, и ассигновать А. А. Шугеибергу сумму, необходимую для приведенія въ порядокъ собранныхъ въ Макашесевкѣ коллекцій. Постановила: исполнить.

8) Докладъ д. чл. Н. Э. Катанова «Объ особенностяхъ мусульманскаго лѣтосчисленія и о переводѣ мусульманскихъ датъ на христіанскія».

Докладъ Н. Н. Новокрещенныхъ: «О поѣздкѣ съ археологическою цѣлью въ дер. Пьянкову вблизи г. Осы, пермской губерніи» за послѣднимъ временемъ сдѣланъ не былъ ¹⁾.

Въ 10^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Приложеніе къ протоколу общаго Собранія 27 апрѣля 1899 года.

Некрологъ А. Э. Бычкова, прочитанный Предсѣдателемъ Общества, Н. Э. Катановымъ.

Прежде чѣмъ приступить къ нашимъ обычнымъ занятіямъ, я считаю долгомъ сообщить Общему Собранію печальную новость:

2-го апрѣля сего 1899 года на 81-мъ году отъ рожденія скончался почетный членъ нашего Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи и нашего Казанскаго Университета, ординарный академикъ Императорской Спб. Академіи Наукъ, директоръ Императорской Спб. Публич. Библіотеки, дѣйств. тайный совѣтникъ Аванасій Едодоровичъ Бычковъ.

А. Э. Бычковъ родился 15 декабря 1818 года въ старинной дворянской семьѣ Ярославской губ., учился въ ярославск. гимназіи и московск. университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1840 году, тогда же поступилъ на службу въ Археологическую Коммиссію, въ 1854 году состоялъ редакторомъ лѣтописей въ Археографической Коммиссіи, въ 1844 году назначенъ библіотекаремъ рукописнаго отдѣла Императорской Публич. Библіотеки, въ 1863 г. помощникомъ директора, въ 1869 году избранъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1882 году директоромъ Императорской Публич. Библіотеки, въ 1892 году членомъ Государственнаго Совѣта; наконецъ, 14 февр. 1888 года наше Общество Арх., Ист. и Этн., а 22 нояб. 1890 г. Казанскій Университетъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

Изъ многочисленныхъ трудовъ А. Э. Бычкова, общее число которыхъ доходитъ до 90, особенно заслуживаютъ вниманія сочиненія и изданія по русской исторіи и словесности; были у него, хотя и немного, также труды по археологій и этнографіи.

Археологія: 1) Забѣчнїя о книгѣ П. С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика», 2) О монетахъ, пожертвованныхъ Императорскому Рус. Ар-

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 58—61.

холод. Обществу Х Я Лазаревымъ, 3) Разборъ книги Д. И. Прозоровскаго: «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII в.», 4) Опись стѣнописныхъ изображеній 1672 года въ Золотой Палатѣ Государева Дворца и Грановитой Палатѣ, и др.

Исторія: Путешествіе казач. атамановъ Ивана Петрова и Бурияша Елычева въ Китай въ 1567 году, 2) Дворцовые разряды, 3) Журналы и походные журналы Петра Великаго съ 1695 по 1725 годъ и походный журналъ 1726 года, 4) Камеръ-фурьерскіе журналы за 1726—1772 годы, 5) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томы 7—10, 15 и 16, 6) Письма Императрицы Екатерины Великой къ разнымъ государственнымъ сановникамъ, 7) Краткій лѣтописецъ Св. Троицкія Сергіемъ Лавры, 8) Письма Петра Великаго, 9) Письма Сперанскаго изъ Сибири, 10) Письма и записки князя Италійскаго, графа А. В. Суворова-Рымницкаго, 1787—1800, 11) Новгородскія лѣтописи, такъ называемая 2-я и 3-я, 12) Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 года и мн. др., въ томъ числѣ и рецензій.

Этнографія: 1) Отзывъ о книгѣ Е. В. Барсова «Иллы похоронные, надгробные и надмогильные», 2) Отзывъ о книгѣ П. Н. Батюшкова «Бѣло-руссія и Литва» и др.

Этимъ и заканчивая свой краткій обзоръ жизни и трудовъ покойнаго нашего сочлена, академика А. Э. Бычкова, коснуться же дѣятельности его и оцѣнить по достоинству заслуги его какъ въ области изученія и изданія памятниковъ русской исторіи и словесности, такъ и въ области библиографіи и книжнаго дѣла гораздо подробнѣе и основательнѣе могутъ многоуважаемые наши сочлены, специалисты по вышеупомянутымъ наукамъ.

Въ заключеніе и въ уваженіе къ научнымъ заслугамъ покойнаго нашего почетнаго члена А. Э. Бычкова, прошу Собраніе почтить память его оставаніемъ.

11 мая 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 8^{1/4} часовъ вечера г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ.

Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ общества В. А. Поповъ, ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ, предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Э. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. К. Горгаловъ, Д. А. Корсаковъ, П. И. Кротовъ, И. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, А. И. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, Н. Н. Ойрсовъ, Э. Т. Васильевъ, и. д. секретаря Н. М. Петровскій, члены-сотрудники А. П. Аришинъ, П. К. Вагинъ и сторонніе посѣтители.

Слушали: 1) Заявленіе г. Предсѣдателя о кончинѣ почетнаго члена Общества А. Э. Бычкова († 2 апрѣля 1899 г.), которой настоящей день является сороковымъ, въ виду чего д. чл. Д. А. Корсаковъ произнесетъ въ настоящемъ засѣданіи рѣчь, посвященную памяти покойнаго.

2) Рѣчь д. чл. Д. А. Корсакова «Изъ личныхъ воспоминаній объ А. Э. Бычковѣ».

3) Заявленіе г. Предсѣдателя, что д. чл. Е. Э. Будде по болѣзни не можетъ прочесть приготовленную имъ для настоящаго засѣданія рѣчь: «О трудахъ А. Э. Бычкова по изданію лѣтописей и по описанію древнихъ памятниковъ письменности», которая поэтому откладывается до слѣдующаго Общаго Собранія.

Въ 9¼ часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

23 сентября 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7½ час. вечера г. Предсѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ въ VII-й аудиторіи Университета.

На засѣданіи, которое почтилъ своимъ присутствіемъ г. Попечитель Учебнаго Округа, М. М. Алексѣенко, присутствовали: Предсѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, товарищъ предсѣдателя И. Н. Смирновъ, дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Э. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, И. А. Изаносковъ, В. Н. Витевскій, Е. А. Млаовъ, Н. М. Петровскій, Э. Д. Пельцамъ, С. И. Порфирьевъ, П. А. Пономаревъ, А. А. Сухаревъ, о. А. В. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, А. А. Штукенбергъ, члены-сотрудники: А. П. Аришинъ, П. К. Влгинъ, А. В. Никигскій, К. С. Рябинскій, Т. С. Яковлевъ, секретарь В. Л. Борисовъ и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и :

I. Извѣщеніе Ярославской ученой архивной комисси отъ 2 сентября с. г. за № 424 о предстоящемъ торжественномъ ея засѣданіи 19 сентября с. г., въ день 600-лѣтія кончины князя Феодора Ростиславича, и отношеніе г. Ректора Университета о томъ же отъ 10 сентября с. г. за № 3000; по поводу этого извѣщенія г. Предсѣдатель Общества объявилъ, что имъ послана отъ имени Общества въ Ярославскую архивную комиссію привѣтственная телеграмма съ выраженіемъ сочувствія плодотворной научной дѣятельности комисси.

II. Предложеніе отъ Congrès international des traditions populaires принять участіе въ работахъ конгресса, имѣющаго происходить въ Парижѣ въ 1900 году; п о с т а н о в л е н о : принять къ свѣдѣнію.

III. Заявленіе секретаря Общества о выходѣ въ свѣтъ и разсылкѣ 4-го выпуска тома XV «Извѣстій»; п о с т а н о в л е н о : принять къ свѣдѣнію.

IV. Протоколъ болгарской ревизіонной комисси, посѣтившей развалины 5 и 6 мая с. г.; п о с т а н о в л е н о : принять къ свѣдѣнію, а самый протоколъ присоединить къ протоколу настоящаго Собранія.

V. Заявленіе г. Предсѣдателя Общества о пожертвованіи Л. В. Кекинымъ тысячей рублей въ неприкосновенный капиталъ Общества имени А. А. Кекиной; п о с т а н о в л е н о : принять къ свѣдѣнію.

VI. Заявленіе г. Предсѣдателя Общества о кончинѣ члена-соревнователя Общества В. А. Унженина и членовъ сотрудниковъ Общества А. В. Варушкина и И. Ф. Толшина; память покойныхъ, по предложенію г. Предсѣдателя, была почтена встананіемъ.

VII. Послѣ этого дѣйствительный членъ Общества П. А. Пономаревъ въ пространной рѣчи охарактеризовалъ симпатичную личность покойныхъ членовъ-соревнователей Общества А. А. Кекиной и В. А. Унженина, всегда симпатизировавшихъ Обществу и пришедшихъ къ нему на помощь въ критическую минуту отсутствія у него матеріальныхъ средствъ; благодаря этой поддержкѣ оказалось возможнымъ произвести изысканія въ Ананьинскомъ могильникѣ, давшія матеріалъ, признанный важнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Въ заключеніе своего слова П. А. Пономаревъ выразилъ мысль, что наилучшимъ увѣковѣченіемъ памяти усопшихъ было бы, по его мнѣнію, постановленіе Общества, чтобы % съ неприкосновеннаго капитала имени А. А. Кекиной шли на археологическія изысканія, имѣющія цѣлью пополненіе коллекцій музея Общества. Собраніе, выслушавъ рѣчь П. А. Пономарева, сдѣлало постановленіе въ указанномъ имъ смыслѣ.

VIII. Дѣйств. чл. П. А. Пономаревъ посвятилъ, затѣмъ, нѣсколько словъ памяти скончавшагося члена-сотрудника Общества А. В. Варушкина, даровитаго ученаго, прибывшаго незадолго передъ этимъ изъ-за границы, гдѣ онъ готовилъ себя къ научной дѣятельности, но нашедшаго себѣ преждевременную смерть въ Казани, когда онъ только что готовился вступить въ среду мѣстныхъ изслѣдователей и принять участіе въ работахъ нашего Общества.

IX. Предсѣдатель Общества заявилъ о желаніи вступить въ Общество, въ качествѣ дѣйствительнаго члена,—Леонида Ардалионовича Зубова, члена Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края и инспектора астраханскаго 4-класснаго училища; г. Зубова предлагаютъ въ члены: В. Л. Борисовъ, Н. Ф. Катановъ и Д. В. Васильевъ; постановлено: выборы г. Зубова произвести въ слѣдующемъ собраніи Общества.

X. Дѣйств. членъ Д. В. Васильевъ, бывший депутатомъ общества на XI Археологическомъ Сѣздѣ, представилъ вниманію собранія «Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическаго сѣзда въ Кіевѣ»¹⁾, вызвавшій замѣчаніе дѣйств. чл. П. А. Пономарева въ томъ смыслѣ, что референтъ слишкомъ строго отнесся къ минувшей дѣятельности сѣзда; по выслушаніи доклада Собраніе постановило, по предложенію г. Предсѣдателя, выразить докладчику благодарность Общества за успѣшно выполненное порученіе его, что и было немедленно исполнено присутствовавшими въ засѣданіи членами Общества.

XI. Дѣйств. чл. С. И. Порфирьевъ сообщилъ «Объ одной изъ подгорныхъ палатъ села Болгарь», открытой недавно мѣстными крестьянами и уничтоженной ими, къ сожалѣнію, на нужды строительнаго дѣла; дѣйствит.

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 1, стр. 64—71.

чл. П. А. Пономаревъ, дѣла замѣчаніе по поводу доклада г. Порфирьева, провелъ параллель между Болгарскими постройками и постройками на Укекѣ, вблизи г. Саратова, и на основаніи этой параллели пришелъ къ заключенію, что вновь открытая Болгарская палата была ничѣмъ инымъ, какъ баней; съ цѣлью оградить на будущее время памятника древности въ с. Болгарахъ отъ расхищенія, какъ было въ данномъ случаѣ, именно, когда эти памятники находятся в нѣ территории, Высочайше вѣрственной для охраны Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Собраніе, по предложенію дѣйств. члена В. Л. Борисова, постановило возбудить предъ Императорской Археологической Коммиссіей ходатайство о предоставленіи Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ исключительнаго права производства раскопокъ и различныхъ изысканій въ районѣ, занятомъ остатками столицы прежняго Болгарскаго царства.

XII. Дѣйств. членъ Н. Э. Клановъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о своемъ путешествіи, совершенномъ по Енисейской губерніи лѣтомъ настоящаго года; при сообщеніи имъ были демонстрированы различные предметы древности, собранные имъ во время этого путешествія частью путемъ покупки, частью же путемъ пожертвованій ихъ разными лицами. Собраніе постановило: выразить благодарность Общества лицамъ, сдѣлавшимъ указанныя приношенія, а именно: Р. Г. Лянгвальду, И. Э. Полежаеву, И. С. Орѣшкову, А. А. Иптышевой, В. Ф. Курчакову, Г. А. Майнзгашеву, К. Г. Терскому, о. В. Суховскому.

XIII. Дѣйств. членъ В. Л. Борисовъ представилъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Предметы древности въ селѣ Алатахъ и его окрестностяхъ», въ которомъ главнымъ образомъ обратилъ вниманіе Общества на небольшую каменную икону, хранящуюся въ церкви села Алатахъ, а затѣмъ на присутствіе въ окрестностяхъ этого же села двухъ кургановъ и, затѣмъ, городища, вѣроятно булгарскаго. По выслушаніи реферата, вызвавшаго замѣчанія дѣйствительныхъ членовъ П. А. Пономарева, И. Н. Смирнова и И. А. Износкова, Собраніе постановило—просить референта проавести будущимъ лѣтомъ раскопки въ описанной имъ мѣстности, для чего испросить надлежащее разрѣшеніе отъ Императорской Археологической Коммиссіи.

XIV. Въ 9³/₄ час. вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Приложеніе къ протоколу Общаго Собранія 23 сентября 1899 года.

Протоколъ 2 членовъ ревизіонной коммиссіи, посѣтившей 5 и 6 мая 1899 года села Болгары-Успенское Спасскаго уѣзда Казанской губерніи и обобравшей развалины сего села, находящіяся подъ смотрѣніемъ Ф. Э. Мордвишина.

5 и 6 мая 1899 года нижеподписавшіеся 2 члена болгарской ревизіонной коммиссіи въ присутствіи члена-сотрудн. Общества А. В. Варушкина и смотрителя развалинъ Ф. Э. Мордвишина тщательно осмотрѣли развалины и нашли слѣдующіе извѣны, произведенные временемъ:

1) Конша минарета начала портиться отъ дождя, и потому велѣно записать ее смѣсью смолы и масла;

2) Загороди вокругъ развалинъ и угольные столбы загородей начали также подгнивать, и потому велѣно: загороди закрасить смѣсью смолы и масла, а угольные столбы подпереть помочами и самыя помочи также закрасить;

3) Въ крышкѣ зданія, именуемаго «монастырскій погребъ», цементъ, покрывающій солому, смытъ дождемъ и потому въ ней обнаружился въ 2 или 3 мѣстахъ отверстія, которыя велѣно хорошимъ (Юшковскимъ) цементъ замазать;

4) За послѣдній годъ Мордвашинъ приобрѣлъ большой намогиальный съ надписями памятникъ, сосудъ, монеты и др. древности; первые 2 предмета велѣно доставить осенью въ музей Общества, а остальные куплены за 2 р. 50 к. и представляются при семъ въ Общество;

5) У крестьянъ оказались равные предметы древности, какъ то: мѣдныя и серебр. болг. и золотоордын. монеты, обломки металлич. зеркалъ, бусы, четки, 1 косточка домино-лото, образокъ (метал.) Св. Николая и др. вещи, которыя куплены за 90 коп. и также при семъ препровождаются;

6) Книга для записи посѣтителей осмотрѣна, и по осмотрѣ оказалось, что мусульмане въ ней не расписываются, что въ числѣ посѣтителей были какъ русскіе подданные, такъ и иностранные (графъ Зичи, проф. Шишмановъ, баронъ де-Бай и др.), что въ книгѣ расписываются иногда пьяныя компании, что посѣтители бываютъ и вимомъ (около праздниковъ Р. Хр. и Нового Года) и что нѣкоторые изъ посѣтителей актъ своего посѣщенія села Болгаръ описываютъ стихами (напр. Гиларовскій); жалобъ на Мордвашина въ книгѣ не записано. О посѣщеніи ревизіонной комиссіей г. Болгаръ сдѣлана отмѣтка въ посѣтительской книгѣ.

7) Книги болгарской бібліотеки Общества, предназначенной спеціально для посѣтителей, ревизіонной комиссіей не осмотрѣны, такъ какъ бібліотекаръ Общества въ составъ комиссіи не входилъ.

20 октября 1899 года.

Засѣданіе Общества было открыто г. Предсѣдателемъ въ 7^{1/2} часовъ вечера въ Совѣтскомъ залѣ Университета.

Въ засѣданіи присутствовали: г. Предсѣдатель Общества Н. Θ. Катановъ, г.г. дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, Θ. В. Благовидовъ, Д. В. Васильевъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, Э. Д. Пельцакъ, И. М. Покровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ, А. А. Сузаревъ, А. А. Штукенбергъ, членъ-сотрудникъ П. К. Вагинъ, секретарь В. Л. Борисовъ и сторонніе посѣтители.

С л у ш а л и :

1) Заявленіе редактора «Извѣстій» о выходѣ въ свѣтъ и раскладѣ выпуска 5—6 тома XV «Извѣстій».

2) Отношеніе Строительнаго Отдѣленія Каванскаго Губернскаго Правленія отъ 6 октября с. г. за № 1479 о томъ, что находящаяся въ Николаевскомъ скверѣ г. Арска древняя деревянная башня, по преданію, — времямъ Іоанна Грознаго, пришла въ такое ветхое состояніе, что одна изъ стѣнъ этой башни въ іюлѣ с. г. обрушилась, а остальные три угрожаютъ паденіемъ; Строительное Отдѣленіе проситъ Общество увѣдомить, подлежитъ ли башня, какъ памятникъ старины, сохраненію, а также, какія мѣры слѣдуетъ принять къ этому сохраненію при настоящемъ состояніи башни. — Вопросъ объ Арской башнѣ уже обсуждался въ Обществѣ раньше, именно въ засѣданіи 15 февраля 1897 года, когда Общество, заслушавъ мнѣніе дѣйствительнаго члена Д. А. Корсакова, постановило увѣдомить Строительное Отдѣленіе, что сохраненіе башни желательно, а также проситъ Отдѣленіе прислать въ Общество фотографическіе снимки башни съ нѣсколькихъ сторонъ, принять временно мѣры для охраненія башни и сообщить о размѣрѣ расходовъ, потребующихся на ремонтъ башни. **Постановлено:** сообщить Строительному Отдѣленію прежде состоявшееся постановленіе Общества по этому предмету.

3) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 4 октября с. г. за № 1691 съ сообщеніемъ Обществу благодарности за назначеніе депутатовъ на XI Археологическій Съѣздъ и съ препровожденіемъ для библіотеки Общества экземпляра «Извѣстій» этого Съѣзда; **постановлено:** принять къ свѣдѣнію.

4) Счетъ хранителя Болгарскихъ развалинъ Ф. Мордавишина отъ 12 октября с. г. на сто три рубля за ремонтъ развалинъ, произведенный весной сего года; **постановлено:** раскодъ по этому счету утвердить.

5) Заявленіе г. Предсѣдателя объ изданіяхъ, поступившихъ въ Общество отъ авторовъ: отъ почетнаго члена Общества профессора Штгала — «Referate aus der Russischen Literatur», отъ дѣйствительныхъ членовъ Общества прѣф. Покровскаго — «Историко-археологическая, статистическая и бытовая записка о приходѣ въ с. Раевѣ, Тамбовъ, 1899 г.» — и В. Л. Борисова — «Къ вопросу объ изданіи Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Спб. 1899 г.»; **постановлено:** благодарить жертвователей за ихъ приношенія.

6) Сообщение г. Предсѣдателя о предложеніи Совѣта Общества къ избранію въ почетные члены И. А. Износкова, состоящаго членомъ-учредителемъ Общества, бывшаго въ періодъ 1880—1884 гг. членомъ Совѣта, а въ періодъ 1884—1898 гг. — Товарищемъ предсѣдателя, сдѣлавшаго и дѣлающаго много пожертвованій въ Общество предметами древности и книгами, изъ которыхъ особенно выдается его послѣднее пожертвованіе нѣсколькихъ сотъ брошюръ и книгъ провинціального изданія историческаго и археологическаго содержанія. По выслушаніи слова г. Предсѣдателя Общество единогласно постановило: избрать И. А. Износкова почетнымъ членомъ Общества и изготovitъ дипломъ на это званіе.

Предложеніе г. Предсѣдателя къ избранію въ дѣйствительные члены Общества — Л. А. Зубова и М. М. Хомякова; единогласно постановлено: признать указанныхъ лицъ дѣйствительными членами Общества и изготovitъ дипломъ на это званіе.

8) Докладъ П. А. Пономарева о Маклашевскомъ городищѣ, сопровождавшійся демонстраціей предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ его; въ виду того, что при экскурсіи нынѣшняго года референтъ не могъ раскопать всего городища, а имъ исследована всего $\frac{1}{10}$ часть его, — докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы работа эта была доведена до конца, въ виду несомнѣннаго интереса городища въ археологическомъ отношеніи. Общество, исполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ П. А. Пономарева, постановило: выразить благодарность за труды докладчику и его спутнику поэкскурсіи М. М. Хомякову, просить сдѣланное сообщеніе выразить въ письменной формѣ для напечатанія его въ органѣ Общества, а также поручить референту окончаніе раскопки городища въ будущемъ году, на что ассигновать въ его распоряженіе сумму въ сто рублей. По поводу нѣкоторыхъ частныхъ докладъ П. А. Пономарева были высказаны замѣчанія В. Л. Борисовымъ, Н. Э. Катановымъ и Э. Д. Пельцамъ.

9) Сообщение В. Л. Борисова на тему: «Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7154 (1646) года», вызвавшее замѣчаніе проф. И. М. Покровскаго, указавшаго на существованіе въ одномъ селѣ Каванскаго уѣзда (Тарлаши) копии съ выписи изъ переписныхъ книгъ Казани и ся уѣзда различныхъ годовъ XVII вѣка; постановлено: рефератъ г. Борисова помѣстить въ «Извѣстіяхъ» Общества ¹⁾.

10) Докладъ М. С. Сыздыкова—«Нечистые духи по вѣрованіямъ киргизъ», прочтенный Н. Э. Катановымъ; постановлено: напечатать докладъ г. Сыздыкова въ «Извѣстіяхъ».

11) Докладъ П. А. Пономарева—«Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Каванскаго уѣзда, близъ с. Соловцова» и Н. Э. Катанова—«Описаніе зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею» за повднимъ временемъ отложены сообщеніемъ до слѣдующаго Собранія Общества.

Въ 9³⁰ часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

9 ноября 1899 года.

Засѣданіе было открыто въ 7 ч. 40 м. вечера въ актовомъ залѣ Университета за отсутствіемъ г. Предсѣдателя и Товарища Предсѣдателя Общества членомъ Совѣта А. И. Александровымъ.

Въ засѣданіи, которое почтили своимъ присутствіемъ г. Попечитель Учебнаго Округа М. М. Алексѣенко, г. Ректоръ Университета Д. И. Дубяго, г. Инспекторъ студентовъ П. И. Кочкинъ, проф. К. В. Ворошиловъ и другіе почетные посѣтители, присутствовали: предсѣдательствующій, членъ Совѣта Общества А. И. Александровъ, дѣйствительные члены: Д. В. Васильевъ, К. И. Воронцовъ, Н. К. Горгаловъ, Н. Н. Галкинъ-Враской, Э. Г. Мищенко, Д. И. Нагуевскій, И. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, о. А. В. Смирновъ,

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 163—175.

А. И. Смирновъ, Н. А. Толмачевъ, М. М. Хомяковъ, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, К. С. Рябинскій, секретарь Общества В. Л. Борисовъ, сторонній посѣтитель К. В. Харламповичъ и гости.

С л у ш а л и:

1) Сообщение дѣйствительнаго члена Общества Д. И. Нагуевского— «Казанская гимназія наканунѣ основанія Казанскаго Университета», по окончаніи котораго г. предѣдательствующій выразилъ референту отъ лица Общества признательность за интересно составленный докладъ.

2) Сообщение К. В. Харламповича— «Иосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, погребенный въ Казанскомъ Зилантовскомъ монастырѣ († 1642 г.)»¹⁾.

Остальныя два сообщенія, назначенныя въ повѣсткѣ заведенія, — дѣйствительнаго члена Н. Э. Катанова «Описаніе зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею», и дѣйствительнаго члена П. А. Пономарева— «Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Казанскаго уѣзда, близъ села Соловцова (по даннымъ, сообщеннымъ Н. А. Мамаевой)» — не состоялись, за неприбытіемъ въ Собраніе референтовъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни.

Въ 10 часовъ вечера г. предѣдательствующій объявилъ заведеніе закрытымъ.

9 декабря 1899 года.

Общее Собраніе Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи было открыто въ 7¼ часовъ вечера въ совѣтскомъ залѣ Университета г. Предѣдателемъ Общества Н. Э. Катановымъ.

Въ заведеніи присутствовали: г. Предѣдатель Общества Н. Э. Катановъ, гг. дѣйствительные члены: А. И. Александровъ, С. М. Антовъ, Э. Т. Васильевъ, Н. К. Горталовъ, Д. А. Корсаковъ, Н. М. Покровскій, С. И. Порфирьевъ, П. А. Пономаревъ, гг. члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, Н. И. Ашмаринъ, Э. Д. Пельцамъ, Т. С. Яковлевъ, сторонній посѣтитель Д. А. Кочневъ, секретарь Общества В. Л. Борисовъ и гости.

С л у ш а л и:

I. Докладъ секретаря Общества о телеграммѣ, посланной отъ имени Общества г. Предѣдателемъ почетному члену Общества академику В. П. Васильеву съ привѣтствіемъ его по случаю бо-лѣтія его ученой дѣятельности; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

II. Докладъ секретаря Общества о пожертвованныхъ въ Общество дѣйствительнымъ членомъ Д. А. Корсаковымъ его трудахъ: «Сборникъ актовъ, относящихся до рода дворянъ Люткиныхъ. Спб. 1899 г. и «Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Барсукова—«Жизнь и труды М. П. Погодина» т. г. VIII—XI. Спб. 1894—1897 г. Спб. 1899 г.»; постановлено: благодарить Д. А. Корсакова за это приношеніе.

¹⁾ Краткое изложеніе реферата напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 240—241.

III. Докладъ секретаря Общества о пожертвованныхъ въ Общество членомъ-сотрудникомъ А. П. Аришинымъ трехъ снимкахъ (фотографическихъ) съ металлическаго зеркала, принадлежащихъ Минусинскому музею; постановлено: благодарить А. П. Аришина за это приношеніе.

IV. Докладъ Предсѣдателя Общества о благодарности, которую ему поручилъ выразить Обществу И. А. Износковъ за оказанную ему честь избраніемъ его въ почетные члены Общества; постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Докладъ Предсѣдателя о глиняномъ сосудѣ, присланномъ въ Общество изъ с. Болгаръ хранителемъ Болгарскихъ развалинъ—Мордвшинимъ; постановлено: перелать означенный сосудъ для храненія въ музей Общества.

VI. Сообщение дѣйствительнаго члена П. А. Пономарева—«Объ урочищѣ «Марининъ кладъ» Казанскаго уѣзда, близъ села Соловцова (по даннымъ, сообщеннымъ П. А. Мамасовой)»¹⁾. Названіе урочища происходитъ отъ имени дѣвушки Марини, для которой, по мѣстному преданію, Пугачевъ зарылъ въ землю кладъ, засыпавъ его сверху высокимъ курганомъ; кладъ охраняется собакой, которая препятствуетъ его разрытію. Докладчикъ склоняется къ тому мнѣнію, что указанный г. Мамасовой курганъ есть валъ, ограждавшій стоянку первобытнаго человѣка, каковому заключенію способствуетъ какъ самый характеръ земляной насыпи, такъ и мѣстоположеніе ея—по срединѣ стрѣлки или мыса, образуемаго двумя оврагами. Приступая къ своему сообщенію, П. А. Пономаревъ остановился нѣсколько на исторіи изученія долины р. Казанки въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ и отмѣтилъ здѣсь фактъ, что это изученіе нисколько не подвинулось впередъ за послѣднія три десятилѣтія; фактъ этотъ не можетъ быть не отмѣченъ,—говорилъ П. А. Пономаревъ: наше Общество занимается изслѣдованіемъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири и Средней Азии и ничего не знаетъ относительно такихъ пунктовъ, какъ долина р. Казанки; между тѣмъ случайныя находки, напр. В. И. Заусайлова, обнаруживаютъ въ г. Казани очень древнюю культуру. Въ заключеніе докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы Общество обратило вниманіе на мѣстности, близкія къ г. Казани, и занялось ихъ обслѣдованіемъ, для чего предварительно было бы желательно ознакомиться съ коллекціями В. И. Заусайлова, собранными въ окрестностяхъ Казани и, въ частности, въ долинѣ р. Казанки; съ этою цѣлью П. А. Пономаревъ предложилъ Общему Собранію просить В. И. Заусайлова демонстрировать въ Обществѣ принадлежащія ему коллекціи изъ указаннаго района.

Присоединяясь вполне къ мнѣнію П. А. Пономарева о направленіи дѣятельности Общества на изученіе территоріи собственно Казанскаго края, дѣйств. членъ Д. А. Корсаковъ присоединилъ сюда еще одно пожеланіе—этнографическаго изученія Казанскаго края, ближе—изученія вопроса о казанскихъ татарахъ, изученія, также остановившагося за послѣднее время и не-

¹⁾ См. «Извѣстія» т. XVI, вып. 3, стр. 242.

двигающагося вовсе впередъ; между тѣмъ какъ здѣсь, напр., было бы весьма интереснымъ опредѣленіе и изслѣдованіе татарскихъ терминовъ, относящихся до занятія земледѣліемъ, опредѣленіе момента времени, съ котораго татары стали заниматься земледѣліемъ.

Въ дополненіе къ замѣчаніямъ П. А. Пономарева и Д. А. Корсакова, дѣйств. членъ Общества В. Л. Борисовъ указалъ на желательность историческаго изученія края, въ частности—на желательность собиранія историческихъ документовъ во время экскурсій членовъ или, по крайней мѣрѣ, указанія, гдѣ такіе документы находятся; ему, напр., извѣстно, что въ д. Казань-Башъ на чердакѣ помѣщичьяго дома лежатъ въ полномъ пренебреженіи старинныя бумага.

Въ дополненіе къ сообщенію П. А. Пономарева объ урочищѣ «Марининъ кладъ» В. Л. Борисовъ обратилъ вниманіе референта на существованіе въ 9 верстахъ отъ с. Алатъ (Казанскаго уѣзда) кургана, происхожденіе котораго также связывается съ именемъ Пугачева. Необходимость этнографическаго изслѣдованія Казанскаго края поддерживалъ также дѣйств. членъ И. М. Покровскій, указавшій на постановленіе минувшаго Кіевскаго Археологическаго Съѣзда, ходатайствующаго о ввеленіи въ Университетахъ каедры археологій, въ составъ которой должно входить сообщеніе и этнографическихъ свѣдѣній о всѣхъ народахъ Россіи.

VII. Сообщеніе дѣйствительнаго члена Н. Ѡ. Катанова—«Описаніе зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Минусинскому музею», въ которомъ докладчикъ опредѣлялъ всѣ доселѣ извѣстные типы зеркалъ съ арабскими надписями; въ виду того, что описанное имъ въ сообщеніи зеркало составляетъ отдѣльный, самостоятельный типъ,—собраніе выразило пожеланіе, чтобы это зеркало было издано Н. Ѡ. Катановымъ въ «Извѣстіяхъ» Общества ¹⁾.

VIII. Сообщеніе Д. А. Кочнева—«Русская община въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области». Рефератъ г. Кочнева вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны дѣйств. члена В. Л. Борисова, отмѣтившаго значеніе доклада г. Кочнева въ ряду другихъ изслѣдованій положенія общинъ въ Сибири. Въ виду интереса вопроса, Собраніе просило г. Кочнева продолжить его сообщеніе въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Общества, на что г. Кочневъ изъявилъ согласіе.

IX. Сообщеніе члена-сотрудника Н. И. Ашмарина—«Программа для составленія чувашскаго словаря». Собраніе, признавая всю важность затронутаго г. Ашмаринимъ предмета, постановило: напечатать выработанную г. Ашмаринимъ программу въ «Извѣстіяхъ» Общества ²⁾, выдать автору 300 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ, и, въ цѣляхъ широкаго ея распространенія, обратиться, чрезъ посредство дѣйств. члена И. М. Покровскаго, съ просьбой къ редакціи «Извѣстій по Казанской епархіи»—пожѣстить программу г. Ашмарина въ этихъ «Извѣстіяхъ»

¹⁾ Сообщеніе напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 3, стр. 273—291; изображеніе зеркала на стр. 280.

²⁾ Напечатано въ «Извѣстіяхъ», т. XVI, вып. 2, стр. 243—248.

Сообщеніе о. В. Е. Суховаго—«О шаманствѣ у минусинскихъ татаръ», за позднимъ временемъ, было отложено до слѣдующаго Общаго Собранія Общества.

Въ 9^{1/2} часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

16 декабря 1899 года.

Общее Собраніе Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи было открыто г. Предсѣдателемъ Общества Н. О. Катановымъ въ 7^{3/4} часовъ вечера въ VII-й аудиторіи Университета.

Въ засѣданіи присутствовали: г. Предсѣдатель Общества Н. О. Катановъ, дѣйствительные члены: О. В. Благодидовъ, Д. В. Засяльевъ, О. Т. Васильевъ, П. Н. Галкинъ-Враской, П. Н. Кроговъ, П. М. Покровский, С. И. Порфирьевъ, А. П. Смирновъ, И. Н. Смирновъ, А. А. Сухаревъ, П. В. Траубенбергъ, А. А. Штукенбергъ, М. М. Хомяковъ, члены-сотрудники: П. К. Вагинъ, Э. Д. Пельцамъ, Т. С. Яковлевъ, секретарь Общества В. Л. Борисовъ и посторонніе посѣтители въ количествѣ около 30 человекъ.

С л у ш а л и :

I. Отношеніе Строительнаго Отдѣленія Казанскаго Губернскаго Правленія отъ 13 декабря с. г. за № 1910 съ увѣдомленіемъ Общества о печальномъ состояніи древней деревянной башни въ г. Арскѣ, грозящемъ совершеннымъ исчезновеніемъ этого памятника старины, и просьбою сообщить Отдѣленію, какія, по мнѣнію Общества, должны быть приняты мѣры къ отвращенію этого событія; постановлено: поручить секретарю Общества В. Л. Борисову путемъ личнаго осмотра ознакомиться съ состояніемъ башни, выдать ему на расходы по поѣздкѣ въ г. Арскъ потребную для этого сумму, и увѣдомить съ командировкѣ г. Борисова какъ Строительное Отдѣленіе, такъ и г. Губернатора, прося послѣдняго слѣдовать распоряженію объ оказаніи содѣйствія.

II. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 14 декабря с. г. за № 2027 съ просьбой назначить представителей Общества въ Предварительный Комитетъ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, имѣющій собраться въ Москвѣ съ 4 по 6 января 1900 года; въ виду отказа гг. присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ Общества взять на себя представительство Общества въ Предварительномъ Комитетѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, постановлено: циркулировать отношеніе Московскаго Археологическаго Общества между гг. членами Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, не пожелаетъ ли кто либо изъ нихъ взять на себя означенное представительство.

III. Сообщеніе дѣйствительнаго члена И. Н. Смирнова—«Пережитки до-историческаго прошлаго въ бытѣ современнаго инородческаго населенія въ Поволжѣ».

Въ 9 часовъ вечера г. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

көйрөгө шытырдап каткан. Ул катын ажыны көзүндө-бүлөн кыйыны башлады. Ажыны көйрөгө шарт итүп өзөлдө-дө качып-киттү. Бажагы өшү тагы өжөнү кайтып үтүгү-бүлөн катынына кычкырды, күшүлүн карамастан: „Катын, төлкө төгөм! иски төлкө ат утка!“ диди. Цана-торгун ич бар-ыжы. Иски төлкөнө алды да катыны утка атты. Аннан-сун „күшүл-бүлөн балыкны, төлкөнө өйгү алып-күрүжү!“ деп карасалар, үллөр иса, ния төлкө үк, ния балык үк. Ул арада иски төлкө-дө үанып-киттү.

Шуны-өчөн айтканыр:

„Булур булмаска ышанып, кулыңдагышпан ажырылма!“ деп, бу сүз калык арасында бир масал булып калды. „Өр!“ дигач айталар, „катын иски төлкөнө, утка ат!“

بىنە بىر كىشى بار ايدى بالق توتارغه باردى بالق توتوب قايتقان چاقده بولمە بىر تولىكى اوچرادى اول تولىكى نى نىچوك بولسەدە توتوب كوشىلمە صالحى بالق لار قاتنە تولىكى كىلە كىلە كوشىلنى تيشىدى بالق لارنى بارنە كوشىلدىن بىرام بىرام يول بويىچە توشروب بتوردى اوزى دە كوشىل تيشوكتىدان توشوب قالدى تولىكى بولداغى بالق لارنى ھەسەن ھىوب آلدى بىر بىچان كىيانى باشنە منوب بالقنى آساي باشلادى بىر آيو كىلدى دە تولىكى قاتنە منە باشلادى تولىكى آيونى بانكاغنە چابوب توشوردى آيو ايندى تولىكى دوست ايچماصا بىرگنە قانچىن بىر ديدى آيوغە تولىكى بىرمادى آيو ايندى تولىكى دوست بوبالقنى قاين توندنك ديدى تولىكى ايندى آنا شول بىكى دن توندم ديدى نىچوك توندنك تولىكى ايندى قوبىروغە قزاو بىلاب بىكى كا طغوب توردم دە بالق لار اوزلرى قزاوغە كىروب تولىدى لار ديدى آلاى دىكاج آيو دە قوبىروغنە قزاو بىلاب شول بىكى كا كىندى تولىكى قىغردى آيو دوست قزاونكىنى بىكى كا بىبار دە شطر شطر اينكوچە كونوب توردى شطر شطر اينسە بالق كىركان بولور ديدى آيو شطر شطر اينكوچە توردى بىر خانون صوغە كىلدى اول خانوننى كوركاج آيو تورا باشلادى اول آرادە آيوننك قوبىروغى

شطر داب فاتقان اول خاتون آیونی کوبانده برلان قینی باشلادی آیوننگ
قویروغی شارط اینوب اوزولدی ده قاچوب کیندی بایاغی کشی ناغی
ایوبینه قایتوب یتوی برلان خاتوننه قچوردی کوشیلن فاراماسدان خاتون
تولکی توندم ایسکی تولکی آت اوتقه دیب جانا نورغان میچ بارایدی
ایسکی تولکی نی آلدی ده خاتون اوتقه آندی آندان صونگ کوشیل
برلان بالفنی تولکی نی ایوکا آلوب کرایک دیب قاراسه لر جیلر ایسه
نی تولکی یوق نی بالف یوق اول آراده ایسکی تولکی ده جانوب کیندی
شوننگ اوچون اینکانلار بولور بولماسقه اشانوب قولنگداغندان آیروله
دیب بو سوز خلت آراسنده بر مثل بولوب قالدی اور دیکاچ اینه لر
خاتون ایسکی تولکی نی اوتقه آت .

Жилъ былъ одинъ человекъ. Отправился онъ ловить
рыбу и, наловивъ рыбы, уже возвращался домой. Дорогой ему
попалась лисица. Кое-какъ поймавъ ее, онъ положилъ ее въ
кошелъ къ рыбѣ. Лисичка же, просверливъ мало по малу дыру
въ кошелѣ, спустила по одной всю рыбу изъ него на дорогу,
а затѣмъ и сама спустилась изъ дыры кошеля и осталась
(на дорогѣ). Всю рыбу, которая находилась на дорогѣ, она
собрала и, поднявшись на верхушку стога сѣна, она принялась
ее ѣсть. Вотъ, къ лисицѣ пришелъ медвѣдь и сталъ подни-
маться къ ней. Лиса, поколотивъ медвѣдя, спустила его со
стога.— „Дружокъ-лисица, сказалъ медвѣдь, въ такомъ случаѣ
дай мнѣ только одну щепотку“, но лиса не дала медвѣдю и
этого.— „Дружокъ-лисица, сказалъ опять медвѣдь, ты откуда-же
наловила рыбы?“— „Вонъ, изъ той проруби“, отвѣтила лиса.
— „Какимъ-же образомъ, спросилъ онъ, ты наловила?“ Лиса
отвѣчала:— „я привязала кузовъ къ своему хвосту, опустила въ
прорубь и стояла. Рыбы сами нашли въ кузовъ до-полна“. .
Когда такимъ образомъ они поговорили, медвѣдь привязалъ
къ хвосту своему кузовъ и пошелъ къ этой проруби. Лисица

закричала: — „опусти свой кузовъ въ прорубь, дружокъ-медвѣдь!“ и тотъ стоялъ и дожидался, пока не начнетъ потрескивать. Вотъ, стало трещать, а онъ сказалъ: „это, видно, рыба входитъ“, и пока потрескивало, медвѣдь продолжалъ стоять. Вотъ, одна женщина пошла за водой. Увидавъ ее, онъ сталъ приподниматься, а къ тому времени хвостъ медвѣдя уже примерзъ. Женщина эта принялась колотить медвѣдя коромысломъ. Хвостъ медвѣдя вдругъ съ трескомъ оторвался, и онъ убѣжалъ.

А тотъ человекъ вернулся уже домой. Придя, онъ, не глядя на свой кошель, закричалъ женѣ: — „жена! я поймалъ лису! Бросай, сказалъ онъ, въ огонь старый лисій мѣхъ!“ Печь, какъ оказалось, топила. Онъ взялъ старый лисій мѣхъ и бросилъ въ огонь. Послѣ того онъ сказалъ женѣ: — „пойдемъ, возьмемъ лисицу и кошель съ рыбой“. Но, когда они посмотрѣли, то оказалось, что тамъ только вѣтры дуютъ: нѣтъ ни лисицы, ни рыбы. А тѣмъ временемъ догорѣлъ и старый лисій мѣхъ. „И такъ, сказали они, видно, не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли чтонибудь впереди или не будетъ“.

Эти слова остались въ народѣ и стали пословицей: „вали, знай, жена, старую лисицу въ огонь!“.

Сказна девятая: ماچى برلان آيو —ношна и медвѣдь.

Бір ајү зур имән башында бал кулып-тыр. Аны маңј сизип-тјр-дә имән башына мјүп-тјр. Маңј бал ашап-торған чакта ајү киліп-тјр-дә, „мында вјй ишлјйсјя?“ дјп-тјр. Маңј ай-тјп-тјр: „Мына ајүларны, бүрјларнј Сјбјр цибарјргә җазу җазамын,—мин Магварскјй писјр!“ дјп-тјр. Ајү бу сүзларнј јшјткәч, артына әйивјп, имән башыннан төшөп-төр-дә качып-тыр. Маңј-дә таҗы үзј бјр җакка-таба ајүдан куркып качып-тыр.

جر آيو ضرور ايمن باشنه بال قويوبدى آنى ماچى سبزوبدرده ايمن باشنه منوبدر ماچى بال آشاب تورغان چاقده آيو كيلوبدرده مونده نى اشلاى سن ديوبدر ماچى ايتوبدر مونا آبولارنى بوري لرنى سبر بياروركا بازو بازارمن من مسكوسكى پيسر ديوبدر آيو بو سوزلارنى ايشنكاج آرتنه ايلانوب ايمن باشندان نوشوبدرده قاچوبدر ماچى ده ناغى اوزى بر ياقه نابا آيودان قورقوب قاچوبدر .

Одинъ медвѣдь спряталъ на вершинѣ большого дуба медъ. Пронюхала про него кошка и взобралась на верхушку дуба. Пока она стояла тамъ да ѣла медъ, въ это время подошелъ медвѣдь.—„Что ты тамъ дѣлаешь?“ спросилъ онъ. Кошка отвѣчала:—„да, вотъ, я пишу бумагу о томъ, чтобы сослать въ Сибирь медвѣдей и волковъ. И, еѣдь, московскій писарь“, прибавила она. Услышавъ это, медвѣдь обернулся назадъ, спустился съ дуба и убѣжалъ, а кошка, и сама напугавшись, удрала въ другую сторону отъ медвѣда.

Смазна десятая: آيو برلان تولكى — медвѣдь и лисица.

Цәнә әјү-сјләв төлкө дус бұлып-лар, шалқан сәчјләр. Шалқан өлгөргәч, шалқаннә кәсә башлаганда төлкө әјүдә әйтјп-тјр: „Узлј үзјбүзгә кујмјк шалқаннә!“ дјп-тјр, сјн кайсын аласын?“ дјп-тјр. Әјү әйтјп-тјр: „Ул үрдә төрҗәннә-бј-лән мјн нјшлјјм? мјңә өстгә төрҗәннә кјрәк!“ дјп-тјр. Лүәл өстгән җапрагын әјү кәсјб-алып-тыр, төлкөгә шалқаннә калып-тыр. Былар ул шалқаннә кәскәч, бјрјн бјрј кунакка чакырышып-лар. Шунда әјү төлкөгә әйтјп-тјр: „әй төлкө дус, сјн мјнә аладыл бугай! индј шалқан сәчмјйбиз, бөдәй сәчәбиз!“ дјп-тјр. Бөдәй сәчјләр. Тагын-да бөдәй өлгөргәч, ура башлаганда, төлкө әјүдә әйтјп-тјр: „Цук, мјн бјргә салмјјм! сјн кайсын аласын?“ дјп-тјр. Әјү әйтјп-тјр төлкөгә: „Сјн мјнә

ijikidä ałdadıñ! ƣuk inđi, min bu ƣuly ƣirdäğisün ałam!“ dıptır. Tağın-ƣk tölkö bodayın uryb-alıp-tyr, tamyrı ajuğda kalıp-tyr. Myñwan-byłay duslyktan ajuymyşlar.

بە ابو برلان تولكى دوست بولوب شالغان ساچوب لر شالغان اولكوركاچ شالغانى كېسە باشلاغاندە تولكى آيوغە آيتوبدر اوزلى اوزەزكا قويىف شالغانى ديو بدر سن قايسن آلاسن ديو بدر آيو ايتوبدر اول جبرده نورغانى برلان من نيشليم منكا اوسنا نورغانى كراك ديو بدر اول اوسندان يافراغين آيو كېسوب آلوبدور تولكى كا شالغانى فالوبدور بولار اول شالغان كېسكاچ برين برى قوناقه چافروشوب لار شونده آيو تولكى كا ايتوبدر آى تولكى دوست سن منى آلدادنگ بوغاي ايندى شالغان ساچمېز بوغداى ساچامز ديو بدر بوغداى ساچوب لر ناغنده بوغداى اولكاركاچ اورا باشلاغاندە تولكى آيوغە ايتوبدر يوق من بركا صالحيم سن قايسن آلاسن ديو بدر آيو ايتوبدر تولكى كا سن منى اليكى ده آلدادنگ يوق ايندى من بو يولى جبرده كى سن آلام ديو بدر ناغوق تولكى بوغداين اوروب آلوبدور طامرى آيوغە فالوبدور موندان بولاي دوستلىق دان آبرولوب دولار .

.Лисица съ медвѣдемъ были друзьями. Посѣяли они рѣпу. Когда она выросла, они стали ее выкапывать. Лисица сказала медвѣдо: „теперь возьмемъ (каждый) свое себѣ: ты себѣ какую часть возьмешь?“ Медвѣдь отвѣтилъ:— „что мнѣ дѣлать съ той, которая находится въ землѣ? Мнѣ нужно то, что вверху“. И медвѣдь первый взялъ свою долю: себѣ отрѣзалъ листья, а лисицѣ осталась рѣпа. Сняли они рѣпу и стали звать одинъ другого въ гости. Медвѣдь и сказалъ тогда лисѣ:— „ну, другъ лисица; ты меня, кажется, обманула. Рѣпу мы теперь уже не будемъ сѣять, а посѣемъ-ка пшеницу.“ Посѣяли они и пшеницу. Когда она созрѣла, они стали ее

жать, и лиса сказала медвѣдю:— „нѣтъ, я вмѣстѣ власть (хлѣбъ) не буду; ты какую часть возьмешь?“ спросила она. Медвѣдь отвѣтилъ лиснѣ:— „ты меня въ тотъ разъ обманула; нѣтъ, теперь ужъ я возму ту, которая находится въ землѣ“. Лисица снова сжала свою пшеницу, а медвѣдю остались стебельки.

Вслѣдъ за этимъ у нихъ разстроилась и дружба.

Сказка одиннадцатая: **ساندوغاچ برلان بدبلىتى**—соловей и перепелка.

Сандугач-бѣлѣн быдбылдык, дѣй, пар тычкан цѣкѣннѣр, дѣй. Саздан баралар, дѣй, тычканнары баткан, дѣй. Сандугач „тычү, тычү!“ дѣп тычканнары күа-дыр, дѣй. Быдбылдык ай-тѣ-дѣр, дѣй: „вѣй тычү, тычү? бук булдык, бук булдык!“ дѣп, ай-тѣ-дѣр, дѣй.

ساندوغاچ برلان بدبلىتى دى پار طچقان جيكان لردى سازدان بارالاردى
طچقان لارى باطقان دى ساندوغاچ نچو نچو دبب طچقان لرنى قوادردى
بدبلىتى اينه دردى نى نچونچو بوق بولدى بوق بولدى دبب اينه دردى

Перепелка и соловей запрягли какъ-то, говорятъ, пару мышей и поѣхали черезъ болото. Мыши завязли, а соловей кричить: „тычу! тычу!“¹⁾ и погоняетъ мышей. А перепелка сказала:— „что ты говоришь: „тычу! тычу!“ Мы уже „бук булдык, бук булдык!“²⁾.

Сопоставимъ теперь приведенныя здѣсь татарскія сказки съ русскими. Это имѣетъ и свой интересъ и свою важность при ознакомленіи вообще съ народной словесностью того или

¹⁾ Въ дословн. переводѣ: «я хочу испражниться! испражниться!»

²⁾ Т. е. «мы уже запачкались, мы уже запачкались!» И выше : адѣсь игра словами.

иною варода, въ дѣлѣ правильного освѣщенія возникающихъ на этой почвѣ вопросовъ и взглядовъ на сущность этихъ произведеній и въ дѣлѣ выясненія мѣологическихъ, историческихъ и бытовыхъ чертъ варода. Мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ сходны съ русскими даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, въ другихъ-же сказкахъ сходство это простирается на отдѣльныя сцены,—наконецъ, въ трегьихъ можно будетъ указать лишь на общую основную мысль, которую выражаетъ сказка.

Первая татарская сказка—о Саламъ-Турханѣ—имѣетъ подобную себѣ въ русской сказкѣ о „Кузьмѣ Скоробогатомъ“ (Аѳ. I, стр. 503), котораго лисица также обогащаетъ при помощи разныхъ хитрыхъ продѣлокъ и потомъ женить на дочери царя. Сказка эта начинается съ того, что лисица повадилась таскать у Кузьмы въ его отсутствіе куриць. Кузьма подкараулилъ ее, поймалъ и хотѣлъ уже убить, но лиса обѣщала обогатить его, если онъ ее отпустить. Тотъ даруетъ ей жизнь, даже кормить ее, а она хитростью заставляетъ одного волка, потомъ медвѣдя, наконецъ, соболя съ кунницей собрать сорокъ сороковъ другихъ волковъ, сорокъ сороковъ медвѣдей и сорокъ сороковъ соболей и кунницъ и постепенно отводитъ эти стада одно за другимъ къ царю отъ имени Кузьмы. Царь весьма удивляется богатствамъ Кузьмы, а лиса для еще большаго убѣжденія его въ этихъ мнимыхъ сокровищахъ, выпрашиваетъ у него пудовку для того, чтобы вымѣрить серебро; понатыкавъ, куда было можно, по пудовкѣ мелкихъ монетъ, какъ будто недосмотрѣвъ ихъ, она возвращаетъ ее обратно царю, сватаетъ послѣ того за Кузьму дочь царя и добивается согласія. Но, такъ какъ Кузьма, повидимому, не имѣетъ даже порядочнаго платья, а не только богатствъ, то лисица подговариваетъ подпилить моствъ черезъ рѣчку, который приходилось ему проѣзжать. Только-что Кузьма въѣхалъ на него, мостикъ обрушился, и тотъ упалъ въ воду, лисица же поспѣшила къ царю, чтобы онъ послалъ людей своихъ перенять Кузьму. Кузьму одѣваютъ въ нарядное платье, и все это

заключается свадьбой его съ дочерью царя. Вотъ, подумалъ царь побывать въ гостяхъ у Кузьмы, а лиса отправилась впередъ. Хитростью она заставляеть пастуховъ встрѣченныхъ ею стада овечьяго, свинопяго, коровьяго и верблюжьяго сказывать, если кто спроситъ ихъ, кому принадлежать эти стада, что это—стада Кузьмы; хитростью же она убѣждаетъ владѣтеля этихъ земель и стада—Зміулана спрятаться въ дуплѣ дерева, гдѣ потомъ Кузьма его разстрѣливаетъ, а самъ воцаряется вмѣсто него. Въ варіантѣ къ этой сказкѣ (Аѳ. т. I, стр. 506) геройемъ выступаетъ на мѣсто Кузьмы какой-то Нивята Македонскій,—элементъ, очевидно, вносный, образовавшійся подъ вліяніемъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Сказка варіируетъ нѣсколько содержаніе только что приведенной о Кузьмѣ и, безъ сомнѣнія, составлена изъ частей отъ разныхъ другихъ сходныхъ по содержанію сказокъ. Но есть еще одна русская сказка, и съ ней эта же татарская сходствуетъ даже въ мелочахъ; это о Бухтанѣ Бухтановичѣ (ib. 500), который представляетъ изъ себя грязнаго, лѣниваго человѣка, вѣчно валяющагося на печи. Лиса, которой пришла охота женить его, обманнымъ путемъ, подобно вышеприведенному, убѣждаетъ одного царя въ громаднхъ богатствахъ Бухтана. Одѣвъ затѣмъ Бухтана въ платье, которое какъ то нашлось у него, она повела его къ царю, но, чтобы не разочаровать послѣдшаго въ его достоинствахъ, она по дорогѣ столкнула Бухтана въ грязь, побѣжала поскорѣе къ царю и просила его снабдить Бухтана всѣмъ нужнымъ и получше одѣть его въ виду такого несчастнаго случая. Царь снабдилъ ее платьемъ для Бухтана, но тотъ, какъ ни разу еще не выдавшій такого платья, за столомъ царя нигуда больше и не глядѣлъ, какъ только на себя. Царю это показалось подозрительнымъ, и онъ обратился за разъясненіемъ къ лисѣ, но лиса съумѣла найтись и отвѣтила, что Бухтанъ стыдится своего платья, такъ какъ такой дрянн онъ еще нешивалъ, посоветала царю одѣть его въ самое лучшее, а сама между тѣмъ шепнула Бухтану,

чтобы онъ не глядѣлъ такъ на себя. Бухтанъ теперь уставился на стуль, и опять на запросъ царя лиса должна была сказать, что у него такіе стулья стоятъ лишь по банямъ, а Бухтану снова шепнула, чтобы онъ не глядѣлъ въ одно мѣсто, а глядѣлъ бы „туда да ѣтуда“. Свадьбу, наконецъ, сыграли, Бухтана снабдили всякимъ добромъ и отправили домой на трехъ корабляхъ, а лиса бѣжить за ними по берегу и по дорогѣ овладѣваетъ для Бухтана большимъ царствомъ, которымъ владѣли до того Змѣй Змѣевичъ, Воронъ Вороповичъ и Кокоть Кокотовичъ, заставляя ихъ прятаться въ разныя мѣста и послѣ утопя въ водѣ. Въ этомъ царствѣ и поселяется Бухтанъ Бухтановичъ.

Итакъ, во 1-хъ, въ этой русской сказкѣ о Бухтанѣ, помимо полного сходства ея по внутреннему содержанию и дѣйствию съ татарской, сильно обращаетъ на себя вниманіе и чуждое русскому языку имя героя ея „Бухтанъ Бухтановичъ“; очевидно, это имя, которое должно имѣть какое-нибудь значеніе и происхожденіе, есть не русское и не вымышленное произвольно, но, что необходимо допустить, заимствовано и перешло къ намъ вмѣстѣ со всей этой сказкой изъ какихъ-нибудь ипородческихъ сказаній и, по всей вѣроятности, именно отъ татаръ, судя прежде всего по звуковымъ сочетаніямъ этого слова, характерному окончанію „ап“ и по распространности этой сказки въ болѣе чистомъ видѣ у татаръ и въ Южной Сибири. На чисто русской почвѣ, конечно, и не могла бы сложиться сказка съ чуждыми элементами, и потому то имя героя ея, чуждое складу русскаго языка, прежде всего и главнымъ образомъ и служитъ доказательствомъ ея не русскаго происхожденія. Во 2-хъ, въ одномъ изъ русскихъ вариантовъ этой сказки (ib.) герой ея носитъ уже чисто русское имя и прозваніе—Ванька Голый. Очевидно, этотъ послѣдній вариантъ есть передѣлка перваго изъ стремленія, такъ сказать, обрусить сказку съ чуждыми русскому слуху и языку элементами. Но, хотя черезъ это обрусѣніе сама сказка по своему содержанию и отделилась отъ татарской, такъ какъ этотъ Ванька живетъ

уже съ матерью и ее именемъ посылаетъ въ богатому мужику, а уже не къ царю, за четверикомъ, чтобы вымѣрить свои деньги, а потомъ и сватать за себя дочь этого богатого мужика, однако, само прозванье Вавьки—„Голый“ взялось, конечно, изъ того мѣста татарской, гдѣ говорится, что Саламъ-Турханъ до своей женитьбы „не имѣлъ даже во что одѣться“. Въ этой сказкѣ не трудно даже установить ея постепенныя измѣненія по пути обрусѣнія: въ самомъ первомъ нетронутомъ почти видѣ мы явѣемъ ее въ той, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „Бухтанъ Бухтаповичъ“ ¹⁾; затѣмъ, герой ея получаетъ уже русское имя—Вавька и прозванье—Голый, и этимъ послѣднимъ она ясно продолжаетъ еще сохранять свою связь съ татарскимъ оригиналомъ; далѣе, вполне усвоенная сказка начинаетъ варіироваться, и мы получаемъ „Кузьму Скоробогатаго“ или второй вариантъ ея (ib. стр. 501), гдѣ вмѣсто Бухтана и Вавьки Голаго выступаетъ уже промотавшійся купеческій сынъ, женитьбой на дочери богатого купца поправляющій свои разстроенныя дѣла,—черта, безъ сомнѣнія, наиболѣе поздняя. Въ 3-хъ, въ сказкахъ о Бухтанѣ Бухтаповичѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ герои обогащаются лисой и получаютъ себѣ царства, благодаря ея хитрости. Но, такъ какъ имѣются варианты безъ такого конца, какъ въ упомянутыхъ сказкахъ, то мы должны заключить, особенно въ виду вышеустановленнаго факта заимствованія, что конецъ сказки о Бухтанѣ приставленъ къ ней искусственно уже послѣ того, какъ она перешла къ русскимъ, тѣмъ болѣе, что Бухтанъ, напр., вдругъ отправляется отъ царя къ себѣ домой на корабляхъ, тогда какъ до сихъ поръ о существованіи моря въ сказкѣ и не упоминалось. Въ 4-хъ, этотъ же конецъ сказки о Кузьмѣ, гдѣ лиса обогащаетъ его стадами и овладѣваетъ царствомъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вставленъ и въ начало той же сказки, гдѣ лиса собираетъ стада лишь не

¹⁾ *Аван.* № 98 или подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ сходномъ почти пересказѣ въ «Москвитининѣ» за 1844 г. № 1.

домашнихъ животныхъ, во разныхъ звѣрей и кланяется имъ царю отъ имени Кузмы, такъ что составъ этихъ сказокъ и ихъ постепенное расширеніе путемъ вводныхъ, прибавочныхъ или просто повторныхъ сцень—воиствѣ очевидно: основа сказки о Кузмѣ остается та-же, что и въ сказкѣ о Бухтанѣ, Вавкѣ Голомѣ, что и въ татарской сказкѣ, т. е. мнимое измѣреніе пудовкой серебра или золота, за которымъ всюду непосредственно слѣдуетъ и главный моментъ сказки—женитьба героя на дочери царя. Въ сказкѣ о Бухтанѣ, какъ я сказалъ, конецъ ея приклеенъ какъ будто уже послѣ, и сказка, вѣроятно, оканчивалась сначала такъ, какъ и татарская о Саламъ-Турханѣ. Въ сказкѣ о Кузмѣ Скоробогатомъ нѣтъ такихъ скачковъ въ рассказѣ, какъ въ сказкѣ о Бухтанѣ, но начало ея, гдѣ лиса отправляетъ царю отъ имени Кузмы стада разныхъ звѣрей, есть, повидимому, простое повтореніе въ измѣненномъ видѣ конца той же сказки, который, однако, здѣсь хорошо согласованъ съ общимъ рассказомъ. Но мы еще можемъ найти одинъ татарскій оригиналъ для этихъ двухъ главныхъ русскихъ копій одного и того-же мотива,—именно въ сказкахъ тобольскихъ татаръ, гдѣ повторяется подобная вышеприведенной о Саламъ-Турханѣ подъ тѣмъ же почти и названіемъ. Въ ней мы найдемъ и эти концы русскихъ, которыхъ не имѣетъ „Саламъ-Турханъ“ и на ней увидимъ яснѣе какъ образовался конецъ русской о Бухтанѣ, и откуда взялись эти корабли, на которые я обратилъ выше вниманіе. Для большей наглядности при сравненіи я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью ¹⁾.

И былъ и не былъ у одного богача сынъ. Сынъ этотъ остался (послѣ него) сиротой, лежа на соломѣ. Его называли Саламъ. Вскормила его одна лисица. Ребенокъ выросъ, и тогда лисичка отправилась сватать (за него) дочь царя.

¹⁾ Взята изъ сборника академика В. В. Радлова: Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ; часть IV, С. Петерб. 1872, стр 289 и сл. Сказка эта на русскій языкъ переведена еще не была.

Придя къ царю, она сказала: „государь Саламья просить дочь твою“. Царь отвѣчать: — „(это) хорошо будетъ! я дамъ! Къ такому то времени приходите дѣлать пиръ!“ Лисичка (вскорѣ) снова пошла къ царю и сказала: „государь Саламья просить у тебя пудовку измѣрить свое серебро“. Царь далъ пудовку. Лисичка взяла пудовку, пришла, украда у другихъ людей серебряныя монеты, взяла пять-шесть монеть и понатыкала (ихъ) по щелямъ пудовки; понатыкала и, отнеся эту пудовку къ царю, отдала обратно. На другой день, когда поглядѣли въ пудовку, увидали эти понатыканныя и оставленныя серебряныя монеты; царь и сказалъ: „о! зять нашъ, должно быть, богаче насъ; онъ не взялъ даже денегъ, которыя остались понатыканными“. На другой день лисичка опять пошла къ царю и снова попросила у царя его пудовку мѣрить золото. „Дайте, сказала она, вашу пудовку, которой мѣряютъ золото, чтобы смѣрить золото государю Саламьѣ“. Царь далъ свою пудовку. Лисичка взяла пять-шесть золотыхъ монеть, понатыкала (ихъ) по щелямъ пудовки и снова отдала (ее) обратно царю. На другой день, когда вышли, увидѣлъ снова, что оставались пять-шесть золотыхъ монеть. Царь смотритъ и говоритъ: „этотъ зять мой въ десять разъ богаче меня“. Онъ не знаетъ, что у зятя нѣтъ рѣшительно ничего. Назначили срокъ свадьбы. Лисичка пришла къ зятю: „ну, государь Саламья, сказала она, — отправимся на свадьбу; будемъ готовиться!“ Изъ соломы готовятъ они имущество, изъ соломы же готовятъ и корабли, надѣлываютъ изъ соломы солдатъ и сажаютъ ихъ на корабли. Корабли они пустили по рѣкѣ по направленію къ городу давшняго царя, просватавшаго свою дочь. Когда показался городъ царя, на корабляхъ стали видны люди во всякихъ одеждахъ — синихъ, зеленыхъ и желтыхъ. Сама же лисичка отправилась сушею. Она сказала царю: „зять твой плыветъ по водѣ на корабляхъ съ имуществомъ, людьми и казною. Выйдите на встрѣчу и примите его“. Они вышли на встрѣчу, посмотрѣли и увидали, что онъ плыветъ. Сама лисичка была колдунья. Повороживъ,

она выпустила бурю, ударила послѣ того себя по бокамъ и закричала: „они тонуть!“ Корабль разбился, и зятя голымъ выбросило на берегъ. Лисица прибѣжала опять къ царю и сказала: „зять вашъ остался голъ: корабли потонули; потонуло имущество, казна и всѣ люди. О, царь! пошли ему одежду!“ Царь сказалъ: „имущества и парода у меня много; я пошлю ему одежду“. Царь посылаетъ хорошія шубы и одежды; люди его взяли ихъ, принесли къ Саламѣ и надѣли на него. Зять приходитъ. Царь выдаетъ (за него) дочь свою, и они дѣлаютъ свадьбу. Когда свадьба кончилась, они стали собираться перекочевать. Царь даетъ 40 рабовъ, 40 рабынь, 40 телѣгъ съ имуществомъ, 40 тысячъ лошадей, 40 тысячъ коровъ, 40 тысячъ овецъ, и послѣ того они перекочевали вмѣстѣ съ народомъ. Лисичка сказала Саламѣ: „я пойду впередъ; на той дорогѣ я вырощу растеніе ак айрык; ты иди вслѣдъ за нимъ“. Лисица отправилась и черезъ нѣкоторое время прибѣжала къ одному конскому пастуху. „Чьи это лошади?“ спрашиваетъ она. Конскій пастухъ отвѣчалъ:—„это лошади семиголового Ельбигена“¹⁾. Лисичка эта сказала: „вы не говорите, что семиголового Ельбигена, но говорите—государя Саламья: пдетъ войско гос. Саламья, и если вы скажете, что лошади—Саламья, то васъ не тронуть. Приведите лошадь и заколите, и васъ не тронуть, а пройдутъ“. Лиса побѣжала дальше. Черезъ нѣкоторое время пришелъ съ людьми и Саламья. Давишіе люди и спрашиваютъ: „чьи эти лошади?“ Конскій пастухъ отвѣчалъ:—„это лошади государя Саламья“. Они остановились здѣсь; конскій пастухъ закололъ одну лошадь. Они поѣли до-сыта, а на утро встали и пошли (дальше). Лисичка на слѣдующій день прибѣжала къ одному коровьему пастуху и спросила его: „это чьи коровы?“ Коровій пастухъ сказалъ:—„эти коровы семиголового Ельбигена“.—„Вы не говорите такъ, сказала лисичка; если такъ будете говорить.

¹⁾ Т. е. коварнаго царя, русскій Кошей Безсмертнѣй. Ельбигень фигурируетъ часто и въ сказкахъ игородцевъ Томской и Енис. губ.

—погибнете, и вашъ скоть разграбятъ. Вѣдь, идетъ войско государя Саламьи, и поэтому вы говорите, что эти коровы—Саламьи. Если такъ скажете, останетесь цѣлы. А когда они прїѣдутъ и остановятся,—заколите одну корову, и они пройдутъ мимо“. Послѣ этого лисица побѣжала дальше. Прїбыла кочевка. Прїѣхали и спрашиваютъ: „чьи это коровы?“ Коровьи пастухи отвѣчаютъ:—„этотъ скоть государя Саламьи“. Когда они прїѣхали (сюда), они остановились. Закололи корову и угощали ей. Лисичка же послѣ этого прїбѣжала къ овечьему пастуху. Овечій пастухъ спросилъ: „ну, лисичка! куда ты такъ стремительно бѣжишь?“ Лисичка отвѣчала:—„госуд. Саламья ѣдетъ съ своимъ войскомъ; я отъ него и убѣгаю.“ Овечій пастухъ спросилъ: „если ты бѣжишь отъ него, то куда-же мы-то дѣпемся съ овцами?“ Лисичка сказала:—„если вы скажете, что эти овцы Саламьи, заколите овцу и угостите, то васъ не тронутъ“. Сказавъ это, лисичка побѣжала впередъ. Вотъ, прїѣхалъ къ овечьему пастуку гос. Саламья. Народъ его и спрашиваетъ: „это чьи овцы?“. Когда тѣ дали отвѣтъ, они остановились. Они (т. е. пастухи) закололи овцу и угостили. Лисичка отправилась (дальше), прїбѣжала къ семиголовому Ельбигену и сказала ему: „ну, Ельбигень! спрячь меня!“ Ельбигень отвѣчалъ:—„какъ я тебя спрячу?“ Лисичка сказала: „вѣдь, идетъ войско гос. Саламьи, не оставляетъ ни земли, ни воды и, все сжигая огнемъ, идетъ сюда“. Ельбигень сказалъ:—„ты, дядюшка лисичка, куда-бы ни пошла, (вездѣ) спрячешься; а ты спрячь меня: я хочу самъ спрятаться!“ Лисичка отвѣчала: „какъ же я спрячу тебя?“ Ельбигень сказалъ:—„у меня есть здѣсь одинъ колодезь; ты спусти меня въ него. Есть здѣсь одинъ камень; этимъ-то камнемъ ты накрой отверстие колодца“. Ельбигень самъ поднялъ этотъ камень и принесъ; положилъ его на отверстие колодца и, поднявъ одинъ конецъ камня, снизу велѣлъ подпереть его бревномъ, а лисицѣ далъ топоръ. „Когда я спущусь внутрь, сказалъ онъ, ты ударь по бревну топоромъ, и камень этотъ накроетъ отверстие колодца“. Ельбигень спу-

стился внутрь колодца, а лисичка эта ударила по бревну топоромъ и опустила камень. Ельбигенъ остался внутри колодца. Лиса пошла къ дому Ельбигена и увидѣла 40 амбаровъ съ 40 замками. Она отворила ихъ, и всѣ 40 амбаровъ (оказалось) были полны золотомъ и серебромъ. Вотъ, что увидала лисичка. Ключи она положила къ себѣ въ карманъ. Теперь она вошла въ домъ Ельбигена, набрала ковровъ и вышла. Она постлала (ихъ) на дорогъ, по которой долженъ былъ пріѣхать Саламья и повытаскала пудовкой на дорогу изъ одного амбара золото, изъ другого серебро. Послѣ того пришелъ госуд. Саламья, люди его увидали это и сказали: „оказывается, богатства вашего зятя громадны; такимъ богачемъ и царь не будетъ“. Они приготовили всякія кушанья. Лисичка позвала Саламью къ себѣ. „Вотъ, сказала она, добро, оказанное мною тебѣ, дитя мое! Теперь никому не сообщай своего секрета. Все это тебѣ. Вотъ,—благоденствуй теперь и да будетъ счастливъ тебѣ этотъ домъ, а мнѣ да будетъ счастлива дорога! Будь доволенъ и прощай!“ Сказавъ такъ, лисичка ушла.

Итакъ, въ 5-хъ, мы знаемъ теперь изъ этой сказки, откуда взялись эти корабли, на которыхъ отправляется къ себѣ домой Бухтанъ. Въ 6-хъ, этой сказкой объясняется и то, что въ русской сказкѣ о Кузьмѣ мы находимъ ясныя слѣды кочевого быта или, по крайней мѣрѣ,—перекочевыванія; въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти стада свиней, коровъ и особенно овецъ и верблюдовъ во всякомъ случаѣ характеризуютъ кочевой бытъ и животное богатство инородцевъ Сибири, но уже никакъ не бытъ русскаго народа. Въ 7-хъ, тутъ-же, въ татарской, мы находимъ и Зміулана въ образѣ семиголоватаго Ельбигена и то простое обстоятельство, что лисца, желая напугать пастуховъ и Ельбигена, говоритъ имъ, что Саламья все уничтожаетъ и сжигаетъ на своемъ пути,—обстоятельство, давшее въ русскихъ сказаніяхъ поводъ къ введенію въ разсказахъ царя Огня и царицы Маланьицы, которыми лиса запугиваетъ пастуховъ и Зміулана въ Кузьмѣ Скоробогатомъ. Въ 8-хъ, мы знаемъ

теперь также, откуда взялось въ сказкѣ о Кузьмѣ и число „сорокъ сороковъ“ волковъ, медвѣдей, такъ какъ видѣли, что это самое число упоминается и въ сказкѣ о Саламѣ у тобольскихъ татаръ. Это число, которое, вѣтъ всякаго сомнѣнія, есть заимствованное какъ здѣсь, такъ и въ другихъ русскихъ сказкахъ, въ высшей степени распространено и излюблено въ инородческихъ сказкахъ татаръ, сартовъ, гдѣ постоянно выводится то котель съ 40 ушами, то 40 комнатъ, мечъ длинной въ 40 аршинъ, 40 разбойниковъ, 40 дивовъ, 40 женъ; послѣдняя, между прочимъ, встрѣтятся намъ ниже въ сказкѣ о падчерицѣ ¹⁾). Павлопецъ, въ 9-хъ, и самое упоминаніе здѣсь куняцъ и соболей указываетъ на сибирскія страны, богатая пушнымъ звѣремъ, но населенная тюркскими племенами, и этимъ сказка еще разъ обличаетъ свою неподлинность.—Въ кюрпискихъ сказкахъ есть одна, подобная татарской о Саламѣ-Турханѣ или русской о Бухтанѣ ²⁾). Къ царю грушъ, рассказываетъ она, повадилась таскать груши изъ его сада лиса, но однажды попала въ капканъ и за свое освобожденіе обѣщала его женить на дочери Лалипскаго царя. Далѣе она такимъ же образомъ выпрашиваетъ у этого Лалипскаго царя зирбу ³⁾ для измѣренія денегъ, сватаетъ дочь его, по пути къ царю она сталкиваетъ своего спутника въ рѣку и получаетъ новое платье, но, что должно отмѣтить, она предупреждаетъ царя грушъ, еще не доходя до Лалипскаго царя, чтобы онъ не уставлялся на свое платье, когда попадетъ въ царское собраніе. Такъ и случилось,—тотъ сталъ разглядывать свою одежду, и лисицѣ пришлось оправдывать его извѣстнымъ уже образомъ. На обратномъ пути послѣ свадьбы она овладѣваетъ для царя грушъ крѣпостью, въ которой жили дивы, а ихъ сжигаетъ, и они поселяются тутъ вмѣстѣ. Но вскорѣ лиса надоѣла моло-

¹⁾ См. Н. П. Остроумовъ: Сарты. Ташкентъ, 1892 г., стр. 11, 21, 22, 65, 105, и пр. и пр.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 14, Тифлисъ, 1892 г., стр. 164, отд. 2-ой.

³⁾ Мѣра сыпучихъ тѣлъ.

дымъ, и они стали ее выжпвать. Тогда она пошла къ оставшемуся въ живыхъ диву и разъяспила ему все дѣло, убѣждая прогнать этого царя грушъ. И опять, дивъ не сразу повѣрилъ ея словамъ, но заподозрилъ, что она хочетъ обмануть его. Когда они приблизились къ крѣпости, царь грушъ встрѣтилъ ее упреками, что она привела къ нему только одного дива, а не всѣхъ семерыхъ. Дивъ испугался, побѣжалъ и поволочилъ за собой лису, которая и умерла.—Ясно видно, что у кюринцевъ эта сказка заимствована: во 1-хъ, она составлена изъ двухъ частей,—изъ начала „Саламъ-Турханъ“ и конца „Гюль-Назыкъ“. Такого соединенія мы еще не встрѣчали ни у кого, и потому эту сказку необходимо отнести къ позднѣйшей переработкѣ татарскихъ же, безъ сомнѣнiя, сказокъ. Въ 2-хъ, изъ того, что лиса предупреждаетъ царя грушъ не разглядывать свое платье,—опять вытекаетъ то, что эта кюринская сказка могла создаться только на основанiи предварительнаго знакомства изъ татарской редакцiи съ тѣмъ, что протеже лиси дѣйствительно уставлялся на свою одежду, все равно, какъ и ниже, гдѣ дивъ говоритъ лисѣ, когда она убѣждала его вернуться и выгнать изъ крѣпости царя грушъ: „эй ты, собачiй сынъ! ты хочешь меня обмануть,—поведешь туда и убьешь меня!“ Дивъ, другимъ словами, какъ будто знаетъ или догадывается, что царь грушъ придастъ этотъ именно смыслъ возвращенiю лисы, и объясненiя этого обстоятельства нигдѣ болѣе нельзя искать, какъ въ фактѣ заимствованiя. Наконецъ, въ 3-хъ, то обстоятельство, что тутъ фигурируетъ дивъ или, скорѣе, семь дивовъ, служитъ сильнымъ доказательствомъ ея не туземнаго развитiя у кюринцевъ, потому что не только дивъ есть основа татарскихъ вѣрованiй, но и самое число семь. Итакъ, татарская редакцiя этой сказки остается первоосновой, изъ которой развились подобныя же сказанiя у другихъ племенъ и народовъ. Тотъ-же мотивъ встрѣчается у имеретинцевъ ¹⁾, но на мѣсто царя, котораго обыкновенно

¹⁾ Сбор. матерiал. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 19., Тифлисъ, 1894 г., стр. 71, отд. 2.

женить лиса, выступает мельникъ. Все идетъ обычнымъ порядкомъ, но въ концѣ сказки лиса испытываетъ мельника, на сколько онъ благодаренъ ей за сдѣланное добро.

Не повторяя вышесказаннаго о чисто восточномъ происхожденіи русской сказки о Бухтаѣ и Кузьмѣ Скоробогатомъ съ ихъ вариантами, перейдемъ теперь къ слѣдующей татарской сказкѣ.

И въ татарскихъ сказкахъ мы встрѣчаемся съ типомъ дурачка, который всѣ совѣты своей матери или другихъ людей понимаетъ и исполняетъ на-выворотъ. Этотъ мотивъ сильно варьируется въ русскихъ сказкахъ, но типъ Иванушко-дурачка остается вполнѣ сходенъ съ типомъ дурака, выведеннымъ въ татарской сказкѣ,—по тѣмъ комичнымъ положеніямъ, въ которыя попадается дуракъ по своей глупости и безтолковости. Въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“ (Аб. № 224) дураку между прочимъ родители поручаютъ кое-что закупить по хозяйству въ городѣ. Иванушко купилъ тамъ столъ, ложекъ, чашекъ, соли, и вотъ на обратномъ пути и начинаются его чудачества: когда лошадь его приустила, онъ снимаетъ сначала съ воза столъ и оставляетъ его на дорогѣ, потому что у него четыре ноги и онъ можетъ дойти и самъ; раскаркавшимся воронамъ онъ выставилъ на землю блюда съ съѣстными припасами, а на торчащія обгорѣлые пни въ лѣсу понадѣвалъ зсѣ свои горшки и корчаги, сжалившись, что ребятамъ, за которыхъ онъ принялъ пни, холодно стоять безъ шапокъ. Соль онъ высыпалъ въ воду, такъ какъ лошадь его почему-то не хотѣла пить, а онъ предположилъ, что вода не солена и потому не вкусна для нея. Наконецъ, выбросилъ и переломалъ всѣ ложки за то, что онѣ, какъ ему показалось, приговаривали въ своемъ кошелѣ, гдѣ онѣ лежали: „Иванушко-дуракъ!“, тогда какъ онѣ просто брякали одна объ другую: „брякъ! брякъ!“ Сказка эта продолжается и далѣе и имѣетъ еще нѣсколько совершенно особыхъ сценъ, но изъ изложеннаго видно, что сцены дурака со столомъ, солью и ложками цѣлкомъ сходны съ тѣми-же сценами въ татарской

сказкѣ. Въ другой русской сказкѣ — „набитой дуракъ“ (ib. № 226) мать посылаетъ какъ-то дурака къ людямъ потереться около нихъ и понабраться ума. Она даетъ ему нѣкоторые совѣты, что и какъ дѣлать въ разныхъ случаяхъ, чтобы заслужить себѣ отъ людей похвалу за помощь, доброе пожеланіе имъ и пр.; и то и другое дуракъ старается исполнить, но исполняетъ какъ разъ не тамъ и не тогда, когда нужно: во время похоронъ онъ пляшетъ и играетъ, на свадьбѣ кричитъ „капунъ да лапанъ!“ и пр. и пр., и отовсюду его провожаютъ одними лишь побоями. И татарская сказка во второй ея половинѣ весьма близко подходитъ къ этой русской по своему замыслу: мать даетъ дураку тѣ же совѣты и съ тѣми же результатами для дурака, но при совершенно другихъ только, какъ мы видимъ это изъ текста самой сказки, обстоятельствахъ.

Мы имѣемъ еще одну русскую сказку съ такимъ же содержаніемъ — „дуракъ и береза“ (ib. № 225). Первая половина ея рассказываетъ о подобныхъ же похожденияхъ дурака, который продалъ быка березѣ, потомъ требуетъ съ нея деньги и, не получая ихъ, срубаетъ ее въ наказаніе за обманъ. Но въ деревѣ оказалось дупло, гдѣ разбойники когда-то спрятали полный кошель золота. Набравъ золота, сколько могъ, и отнеся домой, дуракъ вторично пришелъ за нимъ уже въ сопровожденіи своихъ двухъ братьевъ. На обратномъ пути имъ попадается дьячекъ и спрашиваетъ ихъ, что они несутъ. Опасаясь сообщать людямъ о своей находкѣ, братья отвѣтили, что у нихъ грибы, но дуракъ, по своему обыкновенію, сказалъ ему правду. Дьячка тотчасъ обуялъ духъ жадности, онъ бросился къ золоту и сталъ хватать его пригоршнями и совать себѣ въ карманъ. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ. Стали упрекать умные дурака, но было уже поздно, и вотъ они стащили тѣло въ пустой погребъ и бросили тамъ, а ночью тайно отъ дурака убили возла и спустили его въ тотъ же погребъ, мертвое же тѣло схоронили. Когда вскорѣ стали розыскивать дьячка, дуракъ заявилъ, что онъ

убилъ его, а братья стащили тѣло въ погребъ. Дурака заставляли спуститься туда. Онъ полѣзъ въ погребъ, досталъ возлипую голову и спрашиваетъ: „вашъ дьячекъ черный?“ — „Черный,“ отвѣтили ему. „И съ бородой?“ — „Да, и съ бородой.“ — „И рога есть?“ — „Какіе тамъ рога, дуракъ!“ — „А вотъ, смотрите!“ и онъ выбросилъ голову. Люди смотрятъ, — дѣйствительно, возель, плюнули дураку въ глаза и разошлись.

Анализируя этотъ рассказъ, прежде всего замѣчаемъ, что послѣдняя сцена о дьячкѣ искусственно прикрѣплена къ рассказу о березѣ и находкѣ золота. Нѣтъ, конечно, никакой естественности въ томъ, что дьячокъ вдругъ бросается на троихъ людей и выхватываетъ у нихъ золото. Очевидно, эта сцена нужна была для того лишь, чтобы заставить дурака убить дьячка и потомъ опять послѣдовательно уже вести рассказъ о новой сценѣ, да и дураку въ виду того, что онъ вообще выводится безкорыстнымъ существомъ, всѣми обижаемымъ, всякому уступающимъ, логичнѣе было-бы и тутъ уступить дьячку золото, а не убивать его: это скорѣе должны были сдѣлать именно его умные, но жадные братья. Въ этомъ мѣстѣ гораздо естественнѣе татарскій рассказъ, гдѣ дуракъ, встрѣтивъ старика, вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ одной изъ искушавшихъ его собакъ и, во исполненіе совѣта своей матери, убиваетъ его, — естественнѣе потому, что въ подобныхъ сказкахъ вообще и всюду дуракъ одинъ предметъ принимаетъ за другой: пни за ребятъ, воронъ за какихъ-то вестрицъ и, будучи послѣдователемъ себѣ, старика за собаку. Далѣе, спустившись въ погребъ, дуракъ, по татарской сказкѣ, прежде всего, конечно, и обращаетъ вниманіе на рога возла и объ нихъ прежде всего и задаетъ вопросъ. Это такъ именно и должно быть, потому что, во 1-хъ, въ темномъ погребѣ не до различенія цвѣтовъ, что заставляетъ дѣлать дурака русская редакція, во 2-хъ, борода возла не могла обратить на себя вниманія дурака, равно какъ бессмысленно было спрашивать ему и о цвѣтѣ потому, что борода есть общій придатокъ и возла и человѣка и не дѣлаетъ различ-

ніа между тѣмъ и другимъ, и лишь въ послѣдяхъ дуракъ задаетъ вопросъ о рогахъ, между тѣмъ какъ руки его должны были коснуться ихъ прежде всего, когда онъ нашель въ погребѣ трупъ козла. Этотъ вопросъ единственно естественный и долженъ былъ-бы въ русской сказкѣ и поставленъ быть на первомъ мѣстѣ, что и сдѣлала татарская, но, такъ какъ тогда прямо исключалась бы возможность для сказки распростра-ниться въ ширь и заставить дурака предложить нѣсколько лиш-нихъ вопросовъ, то она и ставитъ его въ-третьихъ, нисколько не заботясь о логикѣ. Выводъ же отсюда, конечно, тотъ, что менѣе запутанный, болѣе естественный рассказъ, есть и болѣе древняя редакція, каковой, слѣдовательно, и должна считаться татарская. Я укажу здѣсь еще на одну несообразность въ русской сказкѣ „Иванушко-дурачекъ“, которая приведена мной выше въ пересказѣ. Мы видѣли, что въ этой русской сказкѣ повторены и другія сцены татарской о столѣ, соли, ложкахъ. Но откуда-же въ русскомъ рассказѣ вдругъ взялись блюда съ съѣстными припасами, которыя дуракъ выставилъ воронамъ? Объ нихъ ни однимъ словомъ не упоминается въ перечнѣ того, что закупилъ дуракъ на базарѣ,—тамъ приве-дены лишь столъ, ложки, чашки и соль, и всѣмъ этимъ предметамъ сказка и отводитъ свое мѣсто. Очевидно, что здѣсь опять искусственно введена лишняя сцена для большей занимательности; заимствованіе сказки было сдѣлано, а вста-вить новую сцену успѣли лишь механически, вслѣдствіе чего это неловкое введеніе стоитъ особнякомъ и даетъ основа-тельный поводъ заподозрить національное развитіе сюжета, какъ то-же самое мы увидимъ нѣсколько ниже въ татарской сказкѣ о падчерицѣ. Въ татарской редакціи всѣ эти сцены тѣсно сгруппированы въ одно цѣлое и, вѣроятно, заимствуе-мая русскимъ эпосомъ по отдѣльности, онѣ обставлялись иными подробностями, искусственно присоединялись къ суще-ствовавшимъ, быть можетъ, уже ранѣе рассказамъ о такихъ же приключеніяхъ дурака или же вновь создававшимся подъ вліяніемъ заимствованнаго сюжета. Въ самомъ дѣлѣ, подоб-

ные рассказы сильно распространены на востокъ, и мы убѣдимся въ томъ, что и этотъ мотивъ и развитіе его цѣлкомъ восточнаго происхожденія, если сравнимъ еще съ этими русскими сказками рассказы у другихъ племенъ, обитающихъ на окраинахъ Россіи. У сванетовъ, напр., въ сказкѣ о дуракѣ ¹⁾ также рассказывается тотъ эпизодъ, какъ дуракъ этотъ продалъ корову дереву въ лѣсу (ср. русскую сказку), но, не получая денегъ за нее, срубилъ его и пошелъ подъ корнями котель съ золотомъ. Онъ взялъ оттуда только 25 руб., за которые уступилъ корову, а за остальными деньгами отправился уже его старшій братъ. Далѣе, во всемъ мусульманскомъ мірѣ—у персовъ, турокъ, азербейджан, крым. и казанскихъ татаръ, русскихъ сартовъ и пр. весьма популярны рассказы про Насръ-Эддина, ученаго муллу, жившаго въ концѣ 14-го и началѣ 15-го вѣка въ Малой Азійи и притворявшагося юродивымъ ²⁾. Въ нихъ повторяется рѣшительно то-же самое, чтоъ рассказывается, напр., въ русской сказкѣ о набитомъ дуракѣ, который то трется въ буквальныйномъ смыслѣ о мужиковъ, полагая, что такъ именно и надо понимать слова своей матерп, совѣтовавшей ему потереться около людей, чтобы понабраться ума, то желаетъ другимъ носить—не переносить, возить—не перевозить покойниковъ, то желаетъ людямъ молотить три дня и намолотить всего лишь три зерна и т. под. Точно также и Насръ-Эдинъ на свадьбѣ читаетъ заупокойную молитву; человѣку, рѣзавшему свинью, вмѣсто того, чтобы пожелать ему: „да будетъ на пользу, да наполнится домъ и да наполнятся горшки“, говоритъ то, что говорится при покойникѣ, а это послѣднее пожеланіе о наполненіи дома и горшковъ высказываетъ испражняющемуся человѣку и т. д.

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 10., 1890 г., отд. III, стр. 14.

²⁾ Рассказъ про Насръ-Эддина см. въ Извѣст. Общ. Археологій, Ист. и Этногр. при Казан. Унив. за 1894 г., т. 12, стр. 190 и т. 13, стр. 70 и сл.

Итакъ, въ итогъ мы должны опять придти къ тому заключенію, что татарская редакція этой сказки о дуракѣ чище, не запутана излишними сценами и не противорѣчатъ себѣ, какъ русская, и въ то же время мотивъ ея такъ сильно распространенъ на мусульманскомъ востокѣ, что она и должна быть признана за первоначальную, изъ которой, безъ сомнѣнія, и образовались русскія сказанія на тотъ же сюжетъ.

Однимъ изъ любимыхъ мотивовъ русскаго народнаго эпоса являются отношенія между злой мачихой и падчерицей. Основная мысль всѣхъ сказокъ съ этимъ содержаніемъ та, что доброта, покорность своей судьбѣ, повиновеніе старшимъ при ихъ, хотя-бы и несправедливыхъ, требованіяхъ и непосильномъ обремененіи работой, состраданіе къ людямъ—должны получить въ концѣ концовъ свою награду, злоба же, эгоизмъ и т. под. отрицательныя черты никогда не остаются безъ должнаго возмездія. Эти идеи выражаются во многихъ русскихъ сказкахъ подъ различными заглавіями: „Морозко“ (Ае. № 52), „дочь-падчерица“ (№ 54), „Баба-яга“ (№ 58) и др. Тѣ же самыя мысли проводятся и въ татарской „падчерица“, и здѣсь опять наблюдается самое сильное сходство между ними не только съ этой стороны, но и со стороны развитія дѣйствія и даже тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя попадаетъ падчерица. Въ русскихъ—падчерица оставляется отцомъ своимъ, дѣйствующимъ по настоянію мачихи, то въ сугробѣ снѣга среди чистаго поля, но не замерзаетъ потому, что умѣетъ ласково отвѣтить на вопросы Мороза, и тотъ, сжалившись надъ ней, богато одѣваетъ ее и снабжаетъ большимъ сундукомъ, полнымъ всякаго приданаго, то она попадаетъ въ землянку въ лѣсу, и, научаемая мышками, которыхъ она покормила по своей добротѣ, успѣшно играетъ съ медвѣдемъ въ жмурки и награждается имъ за то стадомъ коней и возомъ всякаго добра. Но далеко не такъ счастливо обходится другая дочь мачихи, которую послѣдняя также отправляетъ то въ поле, по одной сказкѣ, то въ лѣсъ въ землянку,

по другой, въ надеждѣ, что и эта, любимая ею, дочь привезетъ ей столько-же, если еще не болѣе, разнаго добра и богатства. Родная дочь мачихи оказывается не такъ добра и ласкова, чтобы пріятливо отвѣтить Морозу или накормить мышекъ и жестоко платится за это: въ первомъ случаѣ она замерзаетъ, а во второмъ—ее задушаетъ и съѣдаетъ медвѣдь. И въ этихъ вариантахъ русскихъ сказокъ и въ татарской на сцену выводятся собаки, которыя оба раза встрѣчаютъ старика, возвращающагося изъ поѣздки за дочерями: собаки эти напередъ знаютъ, что случилось съ той или другой дочерью и пролаиваютъ это при приближеніи старика. Въ вышеупомянутой русской сказкѣ „Баба-яга“ отецъ также подъ влияніемъ мачихи отвозитъ дочь свою къ Бабѣ-ягѣ, и послѣдняя, испытавъ ея исполнительность, покорность и аккуратность при выполненіи задаваемыхъ ей разныхъ трудныхъ работъ, щедро награждаетъ ее. Когда же старикъ привезетъ къ ней и другую дочь свою, то та нашла себѣ здѣсь смерть, потому что не умѣла исполнить работы, заданной ей колдуньей. Слѣдовательно, даже и типъ Бабы-яги въ этой сказкѣ тотъ-же самый, что и въ татарской „карчык убыр“, т. е. старухи-колдуньи ¹⁾). И опять, когда старикъ возвращается домой сначала съ разбогатѣвшей дочкой, а потомъ съ костями другой, ему на встрѣчу выбѣгаютъ собаки и пролаиваютъ то же, что и въ предъидущихъ сказкахъ. Итакъ, разница здѣсь въ татарской и русской сказкахъ самая небольшая,—лишь въ тѣхъ работахъ, которыя задаетъ этой падчерицѣ Баба-яга или старуха колдунья.

Интересно, что въ этой татарской сказкѣ о падчерицѣ упоминается волшебный, повидимому, клубокъ, къ которому обращается въ затруднительныхъ случаяхъ и падчерица и

¹⁾ Эта карчык убыр — **فرچق اوبر** известна и у чувашъ подъ именемъ «вобуръ»: полное звуковое и по значенію сходство съ нашимъ «упыръ», о которомъ *Леонасьелъ* дѣлаетъ разныя догадки въ «поэтич. возвр. слав. на природу»: т. 3, стр. 563.

сестра ея, оставленная въ лѣсу своимъ братомъ, и изъ того, что значеніе этого клубка въ татарской сказкѣ не выяснено точно и опредѣленно, и онъ не оказываетъ никакого вліянія на положеніе одинокой дѣвушки въ лѣсу, хотя она то и дѣло обращается къ нему съ одними и тѣми-же словами, я думаю, что эта сцена съ клубочкомъ заимствована въ эту татарскую сказку изъ русскихъ, гдѣ тотъ же клубокъ играетъ вполне опредѣленную роль и всегда указываетъ герою сказки путь въ таинственныя страны, по которому ему должно слѣдовать ¹⁾. Очевидно, значеніе этого клубка въ русскихъ сказкахъ не усвоено вполне татарской, и сцена съ клубкомъ остается въ ней какой-то посторонней, вводной и лишь усложняющей и затемняющей смыслъ и ходъ дѣйствія; но эта вставка—самаго позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ въ другихъ вариантахъ этой сказки—этой сцены мы вовсе не находимъ. Въ одномъ сборникѣ татарскихъ сказокъ ²⁾ приведенъ вариантъ той же самой сказки съ тѣмъ же самымъ ходомъ дѣйствія, но дѣвушка не имѣетъ никакого клубка и при встрѣчѣ съ пастухами и колдуньей она просто спрашиваетъ ихъ, не видали-ли они ея брата. Она получаетъ отъ нихъ на это отрицательный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ болѣе послѣдователенъ, чѣмъ тотъ утвердительный, который она получаетъ въ приведенной нами сказкѣ, такъ какъ въ ней, несмотря на это, никто изъ встрѣчающихся на пути пастуховъ все-таки не указываетъ ей ни дороги къ нему, ни гдѣ онъ находится, и она, плача, продолжаетъ свой путь далѣе и далѣе. Здѣсь мы видимъ случай вліянія или позаимствованія сказаній однимъ народомъ на счетъ другого, но позаимствованіе, не усвоенное еще вполне первымъ, почему это-то наслоеніе и можно такъ легко отдѣлять отъ коренной основы, которая, очевидно, имѣетъ у нашихъ инородцевъ также не малое распространеніе:

¹⁾ *Аванас*. № 71—в, № 94—стр. 492, № 102—стр. 39 и др.

²⁾ *Bálint Gábor*: *Kazáni-tatár szövegek és fordítás*; Budapest, 1875, стр.

мы встрѣчаемъ ее, между прочимъ, и у сартовъ ¹⁾. Мотивъ тутъ тотъ-же самый, небольшая разница лишь въ развитіи дѣйствія и, кромѣ того, сказка кончается совершенно иначе. Мачиха, какъ и вездѣ въ сказкахъ, ненавидитъ неродныхъ для нея дѣтей—пятерыхъ дочерей и одного сына и добивается того, что старикъ соглашается, наконецъ, избавить ее отъ нихъ. Онъ запрягаетъ лошадь въ арбу и беретъ ихъ съ собой собирать туговья ягоды. Отыскавъ старій высокій тутъ среди поля, онъ даетъ наказъ дѣтямъ подбирать внизу ягоды, которыя онъ будетъ сбивать съ дерева, взобравшись на него и стуча колотушкой по сучьямъ, и не глядѣть вверхъ, такъ какъ на поднявшаго голову тотчасъ упадетъ толстая вѣтка и убьетъ его. Постукавъ немного, онъ привязалъ колотушку къ вѣткѣ, раскачалъ ее, а самъ слѣзъ съ дерева и тихонько уѣхалъ домой. Дѣти долго еще продолжали собирать ягоды, пока узнали, что отца ихъ нѣтъ ни на деревѣ, ни возлѣ—въ полѣ. Погоревали брошенные дѣти и пустились на-угадъ. Далѣе сказка идетъ иначе и становится почти совершенно похожей на нашу „сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка“ *Аван.* № 146): всѣ дѣти, за исключеніемъ старшей, напившись нечистой воды, превращаются одинъ за другимъ въ обезьяну, волка, тигра и дикую козу; эта послѣдняя слѣдуетъ за сестрой и послѣ помогаетъ царю, женившемуся на этой дѣвушкѣ, обнаружить обманъ своихъ другихъ 39-ти женъ, надъ которыми онъ доставилъ ее главной и которыя изъ зависти утопили ее въ пруду. Тотъ же мотивъ встрѣчается у закавказскихъ татаръ ²⁾, но старикъ, убѣжавшій отъ дочери, завезенной имъ въ лѣсъ за цвѣтами, повѣсилъ на дерево свою панаху, а дочь его, вернувшись къ этому мѣсту, подумала, что онъ превратился въ дерево. Заплутавшись, она

¹⁾ См. *Н. П. Остроумовъ*: Сарты, этногр. матеріалы, вып. 2, Ташкентъ, 1892, стр. 95, ск. № XVI «злая мачиха и коварныя жены царя».

²⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 101, ск. № 4—«злая мачиха».

встрѣчаетъ въ лѣсу царевича и становится его женой. Случайно она узнаетъ своего отца въ нищемъ, который проситъ подъ окномъ милостыню и посылаетъ его за своей матерью, не помня ея зла. Но та, раздосадованная такимъ оборотомъ дѣла, велитъ старику завести чѣ лѣсъ и свою дочь, чтобы и она стала царицей. Дочь ея, оставленная въ лѣсу, такъ громко хныкала, что сбѣжались звѣри и растерзали ее, а мачиха въ горѣ и досадѣ убила и сама.

Такимъ образомъ, хотя одна отдѣльная сцена этой татарской сказки о падчерницѣ и заимствована изъ русскихъ, повидному, сказаній, однако вся сказка настолько распространена у татаръ и имѣетъ настолько оригинальную композицію, что должна считаться во всякомъ случаѣ самостоятельной.

Слѣдующая сказка — о Гюль-Назыкѣ является также самостоятельнымъ восточнымъ сказаніемъ о встрѣчѣ съ человѣкомъ одного изъ нечистыхъ духовъ, по повѣрьямъ татаръ, — „дивь-пери.“ Дивы эти являются человѣку обыкновенно въ лѣсахъ и въ поляхъ и притомъ въ различныхъ видахъ. Живутъ они въ особенныхъ городахъ своихъ подъ землею и моремъ, но также и на землѣ, гдѣ они, между прочимъ, владѣютъ тѣми мѣстами, въ которыхъ положенъ кладъ. Существа эти непримиримо враждебны татарину, но бываетъ и такъ, что сообразительный татаринъ перехитряетъ ихъ, какъ, напр., въ приведенной сказкѣ, или же заставляетъ ихъ отступить предъ „бисмилля“, т. е. „во имя Бога единого“. Этотъ дивъ دیو есть дивъ нашего Слова о полку Игоревѣ: „дивъ влечетъ върху древа“, это дивъ украинской клятвы: „щобъ на тебе дивъ пришовъ“, дивъ сербскихъ пѣсенъ, болгарскихъ загадокъ и пр. Сочетаніе „дивь-пери“ = دیو پری въ строгомъ смыслѣ не точно, такъ какъ дивъ есть злой духъ, а перидобрый: „дивъ=зени. *daēva*=*genius malus*, *daemon*; пери=зени. *pairika*=*angelus, spiritus bonus*“¹⁾. Въ русскихъ сказ-

¹⁾ *J. A. Vullers: lexicon persico-latinum, Bonnae, 1855*, — подѣ соответствующими словами.

вахъ нѣтъ подобной этой татарской „Гюль-Назыкъ“, хотя тотъ способъ, которымъ Гюль-Назыкъ удаляетъ изъ своего дома дива, живо напоминаетъ заключительную сцену одной русской сказки „змѣй и цыганъ“ (Ае. № 86): когда цыганъ со змѣею подѣзжали къ дому цыгана, послѣдній, указывая змѣю на выбѣжавшихъ имъ на встрѣчу дѣтей своихъ, сказалъ ему: „то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!“ Нацуганный змѣй поспѣшилъ бѣжать. Совершенно также и Гюль-Назыкъ даетъ понять диву, что онъ съ семей употребляетъ дивовъ въ пищу и, желая будто-бы угостить его, велитъ своей женѣ принести оставшуюся отъ вчерашняго обѣда голову дива, чѣмъ и заставляетъ своего гостя поспѣшно бѣжать изъ его дома ¹⁾. Сильнѣе русская сказка „цыганъ и змѣй“ подходит къ одной киргизской „старикъ и дивъ“ ²⁾, въ которой повторяется тотъ же самый почти мотивъ. Одинъ бѣдный старикъ, рѣшивъ состязаться силами съ дивомъ, предлагаетъ ему сначала вышибить изъ земли мозгъ, помѣряться потомъ величиной своихъ вшей и, наконецъ, швырять съ корнями дерева. Во всѣхъ этихъ задачахъ онъ весьма просто осиливаетъ дива: ударивъ ногой въ землю въ то мѣсто, гдѣ имъ заблаговременно былъ зарытъ кувшинъ съ молокомъ, онъ разбилъ его и разбрызгалъ молоко, тогда какъ у дива не вышло ничего, сколько онъ ни топалъ, и эта сцена напоминаетъ ту русскую, когда цыганъ со змѣею выжимаютъ воду изъ камней; вмѣсто вши онъ вытащилъ изъ-за пазухи черепаху, и та побѣжала отъ него прохודהю, а онъ выдалъ ее за свою вошь. Не будучи въ состояннн выдернуть дерево, онъ заявилъ диву, что если онъ выдернетъ его, то убьетъ дива, а если подбросить вверхъ,

¹⁾ Эта же самая сказка о Гюль-Назыкѣ въ вольномъ переводѣ А. К. Насырова привелъ въ Запискахъ Император. Русскаго Географич. Общ-ва по отдѣленію Этнографіи, т. 6., Петерб., 1880, стр. 238 и сл.

²⁾ См. Этнографич. матеріалы въ Сборникѣ матеріаловъ для статист. Смир.—Дарьинскихъ области, т. VI., Ташкентъ, 1897, ч. 2-ая, стр. 107.

то уничтожить и солнце; дивъ, конечно, просилъ его не дѣлать этого, обѣщая дать ему за это кусокъ золота, что только и нужно было старику. Послѣ того дивъ повелъ старика къ себѣ въ домъ и оставилъ ночевать, а ночью, сговорившись съ женой, рѣшилъ изрубить его. Но старикъ слыжалъ ихъ разговоръ и спрятался, а когда дивъ ударилъ шашкой въ то мѣсто, гдѣ лежалъ старикъ, послѣдній сталъ ворчать, что его кусаютъ блохи и онъ не имѣетъ покоя и что утромъ онъ постарается расправиться за это съ дивомъ. Дивъ напугался, наградилъ его золотомъ и самъ принесъ его въ домъ къ старику. Старикъ, между тѣмъ, велѣлъ женѣ приготовить обѣдъ: „приготовь, сказалъ онъ, грудинку прежняго дива, а если нѣтъ, то голову вотъ этого“, указавъ онъ на пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ. Дивъ убѣжалъ отъ него, но на встрѣчу ему попала лисица и стала увѣрять его, что старикъ этотъ совершенно безсиленъ, что она и то обираетъ его и выдаетъ у него козу, и они повернули назадъ. Когда же старикъ увидалъ, что они возвращаются, онъ крикнулъ лисицѣ, что, вѣроятно, она ведетъ этого дива къ нему въ счетъ стараго долга ему своихъ родителей, и дивъ, услыхавъ это, схватилъ лисицу за хвостъ, ударилъ ее объ землю и убилъ, а самъ убѣжалъ. Итакъ, эта киргизская сказка въ сценахъ состязанія человѣка съ дивомъ вполне походитъ на русскую „цыганъ и змѣй“, гдѣ цыгану также приходится прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы убѣдить змѣя въ превосходствѣ своихъ силъ. Заключительная сцена этой киргизской сказки напоминаетъ и русскую и татарскую, а фраза старика, когда онъ заказываетъ своей женѣ обѣдъ для угощенія гостя или когда онъ обращается къ лисицѣ, возвращающейся съ дивомъ,—совершенно одна и та-же, что и въ татарской.

Нѣчто подобное же рассказывается и въ вотяцкихъ сказкахъ ¹⁾. Нѣкто Иманай занимался въ лѣсу охотой изъ

¹⁾ См. Извѣст. Импер. Казан. Унив. 1892, ск. № 14.

лука на зибрей. Однажды онъ встрѣтился съ духомъ Шурали (то же, что нашъ лѣшій), который за что-то порѣшилъ его убить; охотникъ заподозрилъ это и потому ночью, пока Шурали спалъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ и прикрылъ его одеждой, а самъ спрятался въ лѣсу. Шурали проснулся, взялъ заостренный желѣзный колъ и, раскаливъ его на огнѣ, воткнулъ въ чурбанъ, думая, что тутъ подъ одеждой лежатъ охотникъ; а тотъ въ это время пустилъ въ него изъ лука стрѣлу. Далѣе сказка идетъ иначе. У закавказскихъ татаръ мы опять находимъ подобный же рассказъ о встрѣчѣ одного труса съ дивомъ ¹⁾. Герой этой сказки былъ настолько трусливъ, что боялся одинъ выходить изъ дому даже по неотложной надобности на дворъ и его всегда сопровождала въ такихъ случаяхъ жена. Опъ, наконецъ, былъ выгнанъ своей женой и вотъ встрѣчается съ дивомъ, съ которымъ и рѣшается состязаться въ силахъ. Стали они давить камни, чтобы выжать изъ нихъ разнообразныя воды, и трусъ одерживаетъ верхъ тѣмъ, что раздавливаетъ яйцо и выпускаетъ изъ него желтокъ съ бѣлкомъ, тогда какъ дивъ могъ раздавить камень только въ песокъ. Далѣе повторяется сцена съ черепахой, выдаваемой имъ за вошь и, наконецъ, дивъ бѣжитъ отъ него, но встрѣчаетъ лису и т. д. Эта сказка известна также у курдовъ подъ тѣмъ-же названіемъ и въ такомъ же пересказѣ, но тутъ лишь мать оставляетъ своего сына въ полѣ и не пускаетъ домой ²⁾. Опять повторяется, между прочимъ, сцена съ раздавливаніемъ яйца,—прототипъ, слѣдовательно, раздавливанія камней въ русской сказкѣ цыганомъ и змѣемъ, повторяется сцена съ лисой, какую мы видѣли уже раньше.

У горскихъ татаръ мы снова встрѣчаемъ рассказъ о трусѣ, выгнанномъ своими двумя женами ³⁾. Трусъ встрѣ-

¹⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 6, 1888 г., отд. 2, стр. 109 «о трусѣ».

²⁾ Ibid. вып. 20, 1894 г., отд. 2, стр. 21—«трусъ».

³⁾ Ibid. вып. 23, 1897 г., отд. 3, стр. 13, сказ. № 2—«трусъ».

часть Емегна, одноглазого исполина со многими головами (=Ельбигень тобольскихъ татаръ) и пробуетъ съ нимъ свои силы на выдавливаніи изъ камней воды; вмѣсто яйца трусъ давить здѣсь кружокъ сыра, который держалъ у себя въ рукахъ. За объдомъ трусъ, поѣвъ обычное для человѣка количество мяса, оправдывается предъ Емегеномъ тѣмъ, что онъ далъ обѣтъ воздерживаться нѣкоторое время отъ пищи, т. е. то же, что и въ русской, гдѣ цыганъ предпочитаетъ разсердиться и совѣмъ не ѣсть, чтобы не выдать себя предъ змѣемъ. Когда Емегенъ пришелъ въ домъ къ этому трусу, то жены послѣдняго подаютъ ему совѣтъ избавиться отъ него, намекнувъ, что они употребляютъ Емегеновъ въ пищу. Онъ такъ и дѣлаетъ и громко велитъ женѣ своей зажарить шашлыкъ изъ мяса Эмегена. Тотъ бѣжитъ отъ него, встрѣчаетъ дорогой лисицу, которая уговариваетъ его вернуться, но, опять введенный въ обманъ словами труса, обращенными къ лисѣ, убиваетъ лису и окончательно убѣгаетъ.

Замѣтивъ вообще, что крылатые и многоголовые змѣи, такъ часто выводимые въ нашихъ сказкахъ, не могутъ быть ни созданіемъ фантазіи славянскихъ народовъ, ни олицетвореніемъ какихъ либо небесныхъ явленій, какъ молніи, тучи, бури и пр. и должны быть непременно привнесены въ нашъ народный эпосъ съ востока, хотя-бы изъ тѣхъ-же индійскихъ сказаній, потому что самый образъ этого чудовища долженъ былъ быть взятъ, конечно, изъ какихъ нибудь реальныхъ образовъ, безъ которыхъ онъ не могъ бы и создаться, которые человѣкъ могъ-бы наблюдать въ окружающей его природѣ и которые заключала и заключаетъ въ себѣ только роскошная природа тропическихъ странъ въ видѣ дѣйствительно существующихъ громадныхъ змѣй, удавовъ и др. звѣрей, область географическаго распространенія каковыхъ не простирается высоко къ сѣверу, замѣтивъ, между прочимъ, то же самое и относительно другихъ таковыхъ же животныхъ, звѣрей или птицъ, какъ левъ, жарь-птица и пр. и пр., т. е. что всѣ эти сказки не могутъ не быть съ значительной долей примѣси

восточныхъ сказаній, замѣтимъ въ частности, что и эта русская подъ заглавіемъ „змѣй и цыганъ“ въ виду изложенныхъ обстоятельствъ и въ виду распространенности того-же мотива — встрѣчи человѣка съ чудовищемъ, ихъ стремленія избавиться другъ отъ друга, ихъ соперничанья въ своихъ силахъ, при чемъ верхъ беретъ всегда человѣкъ, — въ виду распространенности ея у инородцевъ, какъ-то: татарь, киргизъ, вотяковъ, также должна быть отнесена скорѣе къ разряду не самостоятельныхъ, но заимствованныхъ. По крайней мѣрѣ, это съ такой очевидностью доказывается ея отдѣльными сценами, какъ выжиманіе изъ камня воды, обѣдъ у змѣя или дива, возвращеніе домой, что можно съ полной увѣренностью выдать ее за восточное произведеніе, перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, отъ или чрезъ посредство тюркскихъ племенъ, вообще оказывавшихъ и оказывающихъ такое сильное вліяніе на языкъ, нравы и самыя вѣрованія русскаго народа.

Слѣдующая сказка — „Байдыкъ“ представляетъ изъ себя скорѣе шутливый рассказъ о похищеніяхъ и приключеніяхъ одного человѣка, который постоянно попадаетъ въ затруднительное положеніе. Въ русскихъ сказкахъ нѣтъ сходной съ ней за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ мелкихъ сценъ, но это на столько общее и неопредѣленное сходство, что, конечно, говорить здѣсь о какой нибудь связи ихъ съ русскими было-бы по меньшей мѣрѣ не научно. То, напр., мѣсто сказки, гдѣ Байдыкъ попадаетъ въ глубокой оврагъ, напоминаетъ собой, какъ Иванъ-царевичъ былъ брошенъ въ пропасть своими братьями (Ао. № 104-с); та сцена, гдѣ Байдыкъ нависаетъ себѣ на руку хвостъ волка, и этотъ хвостъ рывается отъ тяжести, которую приходилось тащить волку изъ оврага, — знакома также и русской сказкѣ, хотя сопровождающія ее обстоятельства совершенно иныя (ib. № 24-b): портной, котораго хотеть слѣсть волкъ, нависаетъ себѣ на руку его хвостъ и потомъ бьетъ волка до тѣхъ поръ, пока тотъ не отрываетъ хвоста и не убѣгаетъ отъ него. Но сказокъ, сходныхъ съ разбираемой татарской по общему харак-

теру ея, по ея шутливому тону, въ которомъ разсказывается о приключеніяхъ героя, существуетъ большое количество и среди русскихъ, хотя по сюжету всё онѣ отстоятъ слишкомъ далеко отъ этой татарской, чтобы ихъ можно было сопоставить между собой въ чемъ нибудь явномъ, кромѣ этого общаго характера.

Полнымъ сходствомъ съ русскими отличается еще одна татарская сказка „три сына“, именно ея вторая часть, занимающаяся исключительно третьимъ сыномъ. Русскія сказки имѣютъ двѣ вариации на ту же самую тему: „Шабарша“ (Аб. № 88) и „Иванко-Медвѣдко“ (ib. № 89); первая изъ нихъ вполне сходна съ татарской, по въ ней нѣтъ лишь той сцены, гдѣ чертенокъ спорить съ человѣкомъ, кто изъ нихъ сможетъ провести вокругъ озера жеребца, а съ другой стороны—она имѣетъ по сравненію съ татарской двѣ лишнія: бѣгъ чертенька въ перегонки съ зайцемъ и споръ о томъ, кто сильнѣе свиститъ. Сцена съ лошадыю приводится за то въ сказкѣ „Иванко-Медвѣдко“, но ни та, ни другая изъ русскихъ сказокъ не имѣютъ конца татарской, того конца, гдѣ чертенокъ едва спасается отъ предложеннаго ему угощенія и собакъ въ домѣ человѣка, съ которымъ онъ передъ этимъ спорилъ; не встрѣчается и разговоръ между чертенкомъ и этимъ человѣкомъ по пути къ дому послѣдняго. Имѣются еще двѣ вариации этой татарской сказки¹⁾; обѣ онѣ оканчиваются на томъ, какъ чертенокъ накладываетъ своему сопернику-человѣку деньги и шляпу и вырытую подъ ней яму, но въ первой чертенокъ откупается отъ него, не пробуя даже состязаться съ нимъ въ силѣ и ловкости, вторая же разсказываетъ дѣло такъ, какъ и въ вышеприведенной татарской сказкѣ, но, какъ уже было замѣчено, она также не имѣетъ заключительной сцены между чертенкомъ и человѣкомъ въ домѣ послѣдняго. Подобная же сказка известна и у Карагасовъ, по разсказывается она кратко и безо всякихъ

¹⁾ *Bülint Gâbor: Kazáni—tatár szövegek es fordítás, стр. 32 и 49.*

объясненій ¹⁾). Начинается она прямо съ того, что, когда одинъ человекъ наложивалъ на берегу сѣть, изъ воды вышелъ водяной духъ и сталъ съ нимъ бороться, но былъ побѣжденъ. На другой день онъ опять вышелъ изъ воды, но человекъ предложилъ ему помѣряться силами съ его младшимъ братомъ-медвѣдемъ, и духъ опять былъ побѣжденъ. Тогда они стали состязаться въ томъ, кто изъ нихъ дальше сможетъ забросить какой-нибудь предметъ; духъ забросилъ свой бнуть за облако, а человекъ побѣдилъ его тѣмъ, что забинулъ талину за себя, такъ что духъ ее и не видалъ. Тотъ признавалъ себя побѣжденнымъ и дозволилъ людямъ ловить рыбу, а самъ обѣщалъ не выходить изъ воды. Очевидно, что эта сказка по ея неотдѣланности, краткости и другимъ чертамъ есть отголосокъ татарской. Вотнякамъ извѣстна эта сказка о спорѣ человека съ водянымъ изъ-за озера, по, по всѣмъ признакамъ, она перешла къ нимъ также отъ татаръ черезъ посредство, какъ увидимъ ниже, черемисъ ²⁾): въ началѣ сказка заявляетъ, что у одного человека было три сына (какъ и въ татарской), но на сценѣ фигурируетъ лишь одинъ, а объ остальныхъ двухъ не упоминаетъ вовсе. Сцены состязанія почти тѣ-же самыя, что и въ татарской: сначала борьба, но съ медвѣдемъ, какъ въ карагасской; затѣмъ, бѣгъ въ перегонки съ зайцемъ, какъ въ русской „Шабарша“, метаніе дубины на облако и сцена съ кобылой—какъ въ татарской; наконецъ, человекъ также получаетъ денегъ полную яму и шляпу, прикрывающую се собою. По дорогѣ къ дому его онъ велитъ зачѣмъ-то водяному захватить мельничныя жерновъ и борону, но для чего сюда введены эти предметы, остается невьясненнымъ,—вѣроятно, потому только, что они встрѣчаются въ татарской.

¹⁾ *Л. О. Катановъ*: Поѣдка къ Карагасамъ въ 1890 г. С.-Петербург. 1891, стр. 28.

²⁾ *Е. Гауриловъ*: Произведенія народнои словесности: обряды и повѣрья вотяковъ. Изд. Правосл. Миссіон. Общества. Казань. 1880, стр. 133, сказка № 12.

Водяного напугивают тѣмъ, что хотятъ сварить его голову; отъ страха онъ, говоритъ сказка, приподнял уголь дома и выскочилъ. Эта послѣдняя фраза какъ будто цѣлкомъ взята изъ татарской о Гюль-Назыкѣ. Наконецъ, въ этой вотяцкой сказкѣ водяной всюду называется пери, т. е. словомъ, взятымъ, очевидно, виѣстѣ со сказкою отъ татаръ, такъ какъ это существо составляетъ предметъ вѣрованій татаръ. Но водяной даже названъ въ ней неправильно, потому что сами татары никогда не называютъ злого духа пери, но дивъ-пери или просто дивъ, у вотяковъ же удержалась только одна половина его имени. Наконецъ, черемисская сказка о томъ, какъ одинъ черемисинъ обманулъ чорта, напечатанная Т. С. Семеновымъ въ „Извѣст. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казан. Унив.“ (т. 14, вып. 1, 1897 г., стр. 121), весьма подробно останавливается на всѣхъ сценахъ состязанія чело-вѣка съ чортомъ. Черемисинъ, говоритъ она, осматривая свою борть при озерѣ, замѣтилъ, что бортевыя веревки обтерлись. Онъ надралъ лыка и усѣлся на берегу витъ веревку, а въ озерѣ этомъ, какъ оказалось, жилъ чортъ со своей матерью. Чортъ вылѣзъ изъ воды и, услышавъ отъ черемисина, что онъ хочетъ унести съ собой ихъ озеро, по приказанію матери своей вступаетъ съ нимъ въ разныя состязанія: въ пере-гонки, гдѣ его въ первый разъ черемисинъ обогналъ верхомъ на лошади, а во второй отослалъ къ зайцу—своему брату; въ борьбѣ, гдѣ чорта одоѣваетъ медвѣдь; въ чесаніи спины другъ другу, при чемъ черемисинъ спасается только тѣмъ, что обвязалъ себя въ семь рядовъ еловой корой, которую чортъ принялъ за его кожу; въ метаніи кистеня и въ свистѣ. Наконецъ, чортъ уступаетъ: насыпаетъ челоѣку деньгами шляпу, яму подъ ней и самъ переноситъ все это въ домъ че-ремисина по желанію его. По дорогѣ чортъ захватываетъ лод-ку, которую черемисинъ выдаетъ за ткацкій челнокъ своей матери, мельничный жерновъ, выданный за веретенное кольцо, прясло изгороди, стогъ сѣна, стожарникъ (т. е. жердь, ко-торой поддерживается сѣно), соху, борону,—чтобы показать

послѣ эти удивительныя вещи своей матери. Войдя въ домъ, черемисинъ велѣлъ своей жепѣ сварить въ обѣду голову пришедшаго съ нимъ чорта, но тотъ, услышавъ это, приподнялъ стѣпу, выскочилъ и убѣжалъ безъ оглядки. Итакъ, вотяцкая сказка, повидимому, отсюда именно воспользовалась нѣкоторыми эпизодами, не усвоивъ, однако, ихъ объясненія; я говорю про то, что и тамъ пери захватываютъ съ собой, но неизвѣстно для чего, разныя вещи. Но для насъ важна въ данномъ случаѣ распространенность этой сказки у инородцевъ,—татаръ, карагасовъ, вотяковъ, черемисъ, хотя-бы и заимствованной одними отъ другихъ, такъ какъ это можетъ служить доказательствомъ сильнаго вліянія татарскаго сказанія и самобытности его у татаръ; это тѣмъ болѣе, что сказки о трехъ сыновьяхъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ весьма распространены у всѣхъ угро-финскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ народовъ.

Много комическаго элемента заключается въ слѣдующей сказкѣ—объ умномъ сынѣ, который недоволенъ своими недалекими родными людьми и уходитъ изъ дому странствовать по свѣту для разрѣшенія занимающаго его вопроса, есть ли нѣтъ на свѣтѣ еще болѣе глупые люди. Русская сказка „Лутоюшка“ (Аб. № 227) съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ и съ тѣмъ же самымъ элементомъ въ высшей степени сходна по замыслу своему съ татарской. Также плачутъ здѣсь старуха со старикомъ (а въ татарской—съ дочерью) о томъ, что будущія дѣта ихъ сына (въ татарской же—дѣти дочери) могутъ пострадать, зашибиться, умереть, но въ татарской сверхъ этого для болѣшей и необходимой полноты добавлена еще одна сцена матери и дочери съ боровой, тогда какъ въ русской сказкѣ сынъ уходитъ тотчасъ-же послѣ первой сцены. Также и точно въ такихъ-же словахъ Лутоюшка заявляетъ о своемъ уходѣ изъ дома и также дорогой онъ натывается на такихъ людей, которые своими поступками убѣждаютъ его, что его мать далеко еще не такъ глупа, какъ онъ сначала рѣшилъ было, не выдавъ свѣта и людей. Первая релакція

русской сказки кончается прибауткой, но вторая заставляет Луговню вернуться домой и сказать своей матери, что онъ никого не нашелъ умнѣ ихъ,—слѣдов., тѣмъ же, что и татарская. Сцени глупости человѣческой, которыя приходилось наблюдать умному во время его путешествія, не одинаковы въ сказкахъ татарской и русской, но рассказъ объ одной изъ встрѣчъ татарскаго умнаго сына въ его поискахъ за дураками,—именно съ людьми, таскавшими рѣшетами свѣтъ къ себѣ въ избу, которая не имѣла ни оконъ, ни дверей, повторяется въ русскомъ сказаніи о томъ, какъ Богъ покаралъ людей за непочтительное отношеніе ихъ къ солнцу, когда онъ впервые далъ его людямъ: тутъ приводится та-же сцена, какъ бабы вышли со своими рѣшетами набирать въ нихъ свѣтъ и таскать его въ свои хаты ¹⁾).

Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ—„о глупости“ царь приказываетъ найти и привести къ нему такого человѣка, который превосходилъ бы глупостью всѣхъ дураковъ, живущихъ на свѣтѣ ²⁾). Посланные этимъ царемъ визири, между прочимъ, встрѣтили на деревѣ человѣка, который сидѣлъ на вѣткѣ и ее-же рубилъ, и опредѣлили, что это и есть глупѣйшій человѣкъ. У Имеретинцевъ есть подобный же рассказъ подъ названіемъ „кто глупѣе“ и съ тѣмъ же почти развитіемъ дѣйствія, что и въ татарской ³⁾). Жена одного крестьянина послала дочь свою за водой на рѣку. Та увидѣла на другомъ берегу дерево и расплакалась, представивъ себѣ то, что будущія дѣти ея, если она выйдетъ за-мужъ, могутъ полѣзть на это дерево, сорваться и убиты. Мать, пождавъ ее, послала за ней среднюю сестру, но та, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединилась къ сестрѣ; черезъ нѣкоторое время пришла къ нимъ

¹⁾ Русская Рѣчь, 1861, № 41, стр. 600.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дарьин. обл., т. III, 1894 г., Ташкентъ, стр. 32.

³⁾ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 19, 1894 г., отд. 2, стр. 30, сказка № 5.

и сама мать и начала въ свою очередь плавать и причитать еще громче и сильнѣе своихъ дочерей. А крестьянинъ, между тѣмъ, вернулся домой съ работы голодный, страшно разсердился на своихъ дурь и ушелъ изъ дому. Тутъ, въ своихъ странствованіяхъ онъ встрѣчаетъ много сценъ еще бѣльшей глупости, довѣрчивости, отличныхъ отъ всѣхъ извѣстныхъ уже намъ по вышензложеннымъ сказкамъ, и возвращается домой, успокоенный тѣмъ, что его домашніе оказались не послѣдними изъ дураковъ на свѣтѣ. Слѣдовательно, мотивъ приведенныхъ сказокъ татарскихъ и русскихъ здѣсь опять повторяется, хотя и на иной ладъ, и опять мы, слѣдов., должны противопоставить ипородческія редакціи этой сказки по ея содержанію русской и слѣжать выводъ, что мотивъ ея не чуждъ сказкамъ татарскимъ и киргизскимъ и въ русскихъ сказкахъ если даже и самостоятеленъ, то вовсе не оригиналенъ.

Русскія сказки имѣютъ массу варіацій на тему о хитростяхъ, употребляемыхъ лисицей при ея встрѣчахъ съ людьми или звѣрами. Приведенная здѣсь татарская сказка о томъ, какъ лисица обманула мужика и повытаскала у него наловленную имъ рыбу, оригинальна только тѣмъ, что мужикъ ловитъ живую лису, которая сначала и не думаетъ о кражѣ рыбы, что послѣ того лиса сталкивается не съ волкомъ, какъ въ русскихъ, а съ медвѣдемъ и его именно научаетъ искусству хвостомъ ловить рыбу въ проруби, и тѣмъ еще, что сказка эта возвращается къ сценѣ между обманутымъ мужикомъ и его женой и кончается правоученіемъ не поступать никогда и ни въ чемъ такъ поспѣшно, какъ этотъ мужикъ, поторопившійся уничтожить по возвращеніи домой старый лисій мѣхъ, не справившись, цѣль-ли новый, найденный имъ на дорогѣ. Въ русской же сказкѣ (Дю. № 1) жена бранитъ своего мужа за то, что онъ вздумалъ ее обманывать, сказавъ ей по пріѣздѣ своемъ, что онъ привезъ ей не только рыбу, но даже лисій мѣхъ на воротникъ къ шубѣ. Въ одномъ

вариантъ этой сказки у татаръ ¹⁾ лисица, притворившаяся мертвой, попадаетъ въ мѣшокъ съ хлѣбомъ къ дровосѣку, который отправился въ лѣсъ нарубить дровъ. Дровосѣкъ такъ обрадовался своей находкѣ, что, не нарубивъ даже и дровъ, воротился домой и прежде всего поспѣшилъ бросить въ топившуюся печь свой старый малахай, мечтая о новомъ изъ мѣха поднятой имъ лисицы. Но оказалось, что въ мѣшкѣ не только лисицы, но вѣтъ и хлѣба, да и самый мѣшокъ продрвленъ и испорченъ, потому что, поясняетъ сказка, лисица для того именно и притворилась мертвой, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь. Слѣдовательно, здѣсь сюжетъ тотъ же самый, по лишь предметъ кражи иной—хлѣбъ, да и лисѣ не приходится больше ни съ кѣмъ сталкиваться, а сейчасъ мы увидимъ, что и хлѣбъ этотъ замѣнится просто зерномъ. Среди инородцевъ нашихъ восточныхъ и южныхъ окраинъ эта сказка о кражѣ лисцей рыбы у мужика распространена нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ и среди русскихъ. Въ одной изъ киргизскихъ сказокъ „похожденія одной лисицы“ ²⁾ приводится разсказъ о томъ, какъ лисица, ловко отмаявъ далеко отъ гумна всѣхъ хлѣбопашцевъ, сама поспѣшила назадъ и стала проворно разбрасывать во всѣ стороны очищенное ими зерно. Если принять во вниманіе, что въ мѣстности, небогатой рѣками и рыбой, труднѣе могла притвориться или создаться сказка съ извѣстнымъ уже у насъ содержаніемъ, и рыба должна была замѣниться болѣе распространеннымъ тамъ продуктомъ, то станетъ очевидно, что эта хитрость лисицы тождественна съ той, которую она употребляетъ при кражѣ рыбы съ воза у мужика. Въ неизданныхъ матеріалахъ профессора Каз. Унив. *Н. Ѳ. Катанова* находится такая же сказка, записанная имъ 31 мая 1898 года со

¹⁾ Книга *Абду'ль-Аллама Фейзъ-Ханова* *حکایات و منالان* Казань, 1890, стр. 3.

²⁾ Сборн. матер. для статист. Сыръ—Дар. обл. т. 3., стр. 18 и сл.

словь менцерыка ¹⁾). Въ ней лисица крадетъ рыбу съ воза обычнымъ способомъ, но заставляетъ ловить ее хвостомъ изъ рѣки не медвѣдя, а волка, какъ и въ русской. Кончается она такъ же, какъ и русская,—на утро волкъ, избитый бабьими коромыслами, отрываетъ свой хвостъ, примерзшій за ночь ко льду, и убѣгаетъ безъ него. Другая сказка, записанная имъ же 23 юня 1898 г. такъ же со словъ башкира ²⁾), рассказываетъ эту сказку съ небольшою вставкой, а страдающимъ лицомъ является не волкъ, а опять медвѣдь. Рыболовъ, возвращаясь домой, увидѣлъ на дорогѣ мертвую лису и положилъ ее въ ведро изъ лубка къ рыбѣ. Лисица повыбросала ее оттуда, а потомъ и сама убѣжала, рыболовъ же, придя домой, прежде всего поспѣшилъ бросить свой малахай, какъ ненужный теперь, въ огонь. Но, когда въ ведрѣ не оказалось ни лисицы, ни рыбы, то старуха стала ему выговаривать, что онъ не сумѣлъ сохранить рыбу, и посоветовала ему класть ее не въ ведро, а въ пологъ. Рыболовъ, выйдя какъ-то изъ дому, нашелъ иглу; помня этотъ совѣтъ, онъ засунулъ ее въ пологъ и послалъ за ней свок старуху, но та, конечно, не нашла ее, а объяснила, что ее надо было-бы воткнуть въ одежду на грудь. Рыболовъ вскорѣ послѣ того нашелъ гдѣ-то косу, прикрѣпилъ ее себѣ на грудь и такъ возвратился домой,—словомъ, мотивъ уже извѣстный и въ русскихъ сказкахъ и отчасти напоминающій дурака русскихъ сказокъ, который какъ разъ наоборотъ и не тамъ, гдѣ надо, исполняетъ въ точности добрые совѣты своей матери, или того же глухаго сына татарской сказки № 2. Между тѣмъ, къ лисицѣ подошелъ медвѣдь, и лиса, не желая дѣлиться съ нимъ рыбой, даетъ ему обычный совѣтъ—самому наловить себѣ рыбы изъ проруби. А на утро и медвѣдь долженъ былъ спастись отъ бабьяго коромысла безъ хвоста.

¹⁾ Витебскаго солдата *Мирсейфа* въ дер. Слакъ (на прав. берегу рѣчки Курсакъ въ Белеб. у. Уфим. губ.)

²⁾ Виленскаго солдата *Вали-Ахметъ Ходжа Ахметова*, въ дер. Суракаево, близъ дер. Слакъ.

Итакъ, мы нашли повтореніе мотива этой сказки у татаръ, киргизъ, мещеряковъ и башкиръ, а если принять во вниманіе къ этому сходство у различныхъ народовъ всѣхъ вариантовъ этой же сказки, которые приведены въ статьѣ *Л. Колмачевскаго* ¹⁾, то нельзя будетъ не согласиться съ нимъ, что сцена ловли хвостами медвѣдемъ или волкомъ рыбы въ рѣкѣ — могла возникнуть лишь изъ естественнаго стремленія древняго человѣка объяснить себѣ причину, почему у однихъ звѣрей хвостъ короче, чѣмъ у другихъ, такъ какъ человѣкъ се желалъ примириться съ тѣмъ, что это не произошло вслѣдствіе какой либо случайности. Но *Колмачевскій* допускаетъ (стр. 282), что этотъ сюжетъ, несомнѣнно, проникъ съ Востока и только на Западѣ онъ получилъ самостоятельное развитіе, и выводъ Колмачевскаго стапетъ вполне вѣроятнымъ и необходимымъ постулатомъ, если прибавимъ къ этому, что на Востокѣ по преимуществу, если не исключительно, и развились сказанія о происхожденіи разныхъ животныхъ и птицъ. Въ книгѣ Рубгузи „разказы о пророкахъ“ ²⁾ содержится много такихъ именно сказаній, какъ о животныхъ и пр.; подобныя же сказанія записаны и *проф. Н. О. Катановымъ* въ Китайскомъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, такимъ образомъ, что только дальнѣйшее изученіе народныхъ сказаній нашихъ и породцевъ поможетъ намъ установить и тѣ пути, по которымъ шло это заимствованіе.

Татарская сказка „о кошкѣ съ медвѣдемъ“ совсѣмъ не встрѣчается въ русскихъ сборникахъ сказокъ. Правда, котъ весьма нерѣдко выступаетъ въ послѣднихъ, какъ главное дѣйствующее лицо, но при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, хотя и тамъ и тутъ онъ все-таки надѣляется одними и тѣми-же чертами—хитростью, сметливостью, умѣньемъ найтись въ

¹⁾ Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ, — въ «Извѣст. Импер. Каз. Унив. 1892 г.»

²⁾ 15-го вѣка, на уйгурскомъ языкѣ. Въ Казани издавался нѣсколько разъ; въ послѣдній—въ 1899 году.

неблагопріятномъ ему положеніи. Въ одной изъ нихъ (Аѳ. № 18) онъ называетъ себя передъ лисой присланнымъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, подобно тому какъ въ татарской—московскимъ писаремъ, наугиваетъ этимъ званіемъ волка и медвѣдя и заставляеть ихъ съ почтеніемъ относиться къ его особѣ. Многія изъ нашихъ сказокъ кончаются подобно татарской тѣмъ, что звѣри, напуганные котомъ, убѣгаютъ отъ него въ одну сторону, а самъ онъ въ другую (Аѳ. № 19 и вар.). Присвоеніе себѣ котомъ въ этой сказкѣ званія московскаго писаря уже опредѣляетъ приблизительно время ея зарожденія.

И татарскія сказки знаютъ нѣсколько варіацій на тему о томъ, какъ лиса, а въ русскихъ мужикъ, съ медвѣдемъ сѣяли рѣпу и пшеницу,—то въ сказанной передачѣ, то въ болѣе пространной, только въ русскихъ сѣвъ этотъ происходитъ сообще между мужикомъ и медвѣдемъ, а лиса лишь послѣ выступаетъ на сцену и либо защищаетъ мужика отъ медвѣдя, либо сама страдаетъ отъ него (Аѳ. № 7), въ татарскихъ же редакціяхъ въ сказку совѣмъ не вводится третье лицо. Помимо этого, русская редакція этой сказки во всѣхъ остальныхъ частяхъ вполне сходна съ татарской. Среди татаръ сказка эта имѣетъ нѣсколько варіантовъ. Въ книгѣ *Абду'ль-Аліяма Фейзъ-Ханова* ¹⁾ приведена эта же сказка въ очень пространной передачѣ. Дѣйствующими лицами являются и здѣсь лиса съ медвѣдемъ, и дѣйствіе идетъ совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ и въ русской. Затѣмъ, въ цитированномъ выше сборникѣ татарскихъ сказокъ *Bálint Gábor* (стр. 30) сказка эта выводитъ на сцену уже мужика и медвѣдя, т. е. то-же, что и въ русскихъ варіантахъ. Взглянемъ теперь опять на сказки другихъ инородцевъ. Въ чувашской сказкѣ ²⁾ сѣвъ ячменя, а потомъ рѣпы происходитъ между черемисиномъ и

1) *حكايات ومغالات* —стр. 3.

2) *См. Михайловъ: Чувашскіе разговоры и сказки. Казань, 1853 г., стр. 50 и сл., сказка № 2.*

медвѣдемъ, и отличительныя или добавочныя сцены здѣсь заключаются въ томъ лишь, что медвѣдь, прежде чѣмъ поприбавить листья рѣпы, свалилъ ихъ къ себѣ въ берлогу и тамъ сгноилъ, а потомъ, когда сталъ жевать, конечно, нашелъ ихъ невкусными и выбросилъ. Проголодавъ всю зиму, медвѣдь вздумалъ отомстить черемисицу, но тотъ опять попросился къ нему въ дружбу и уговорилъ его помочь ему раскалывать пни деревьевъ. Медвѣдь, ничего не подозревая, допустилъ черемисицу зажать обѣ свои переднія лапы въ щели надколотаго пенька и заплатился въ концѣ концовъ своею жизнью за эту дружбу съ человѣкомъ. Какъ видимъ, въ чувашской редакціи сказка эта пополнена противъ татарскихъ заключительной сценой между человѣкомъ и медвѣдемъ, которая имѣется во всѣхъ русскихъ вариантахъ, но въ этихъ послѣднихъ мужику удается убить медвѣдя лишь съ помощью хитрой лисицы и нѣсколько инымъ способомъ, а здѣсь черемисица обходится собственными силами. Наконецъ, и у вотяковъ ¹⁾ мужику также надуваетъ медвѣдя, засѣвая сообщая съ нимъ сначала рѣпу, а потомъ горохъ и, какъ и въ чувашской, медвѣжьей долѣ каждый разъ приходится лишь гнить. Такимъ образомъ, мы имѣемъ на лицо: три различныхъ варианта этой сказки у татаръ, редакціи чувашскую и вотякую.

Послѣдняя приведенная здѣсь сказка — „перепелка и соловей“ принадлежитъ къ отдѣлу такъ называемыхъ анекдотическихкихъ произведеній народнаго юмора. Среди русскихъ сказокъ такихъ имѣется много, хотя и не съ тѣмъ содержаніемъ, что въ татарской. Тождественная съ этой сагайская сказка находится въ неизданныхъ матеріалахъ проф. Н. Ѳ. Катанова, записанная имъ 7 янв. 1889 г. со словъ сагайца ²⁾, и я приведу ее здѣсь въ переводѣ полностью: „воростель и перепелка ѣхали пить водку, сидя верхомъ на одной лошади.

¹⁾ Извѣст. Импер. Казан. Univ., 1892 г., стр. 286, сказка № 9.

²⁾ Минусинск. у. Енисейск. губ. — *Олмока Чертыкова* (живущ. на правомъ бер. рѣч. Аскысь, лѣваго притока Абакана, впадающаго въ Енисей).

Были они пьяны. Лошадь ихъ упала въ грязь. Коростель кричитьъ только: „тарт, тарт!“ (т. е. тащи, тащи!), а перепелка отвѣчаетъ: „пот полбас, пот полбас!“ (т. е. вѣтъ нельзя, вѣтъ нельзя!)“.

Очевидно, что въ этой сагайской сказкѣ и въ вышеприведенной татарской разговоры между коростелемъ и перепелкой и между перепелкой и соловьемъ—чисто звукоподражательныя. Но опять нельзя здѣсь не отмѣтить этой удивительной одинаковости сюжета и полнаго сходства въ развитіи его въ этихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ въ двухъ далекихъ одна отъ другой мѣстностяхъ и у двухъ различныхъ племенъ. Впрочемъ, это можно объяснить склонностью народа къ игрѣ словами, такъ какъ слова перепелки „буд-булдык“ и „пот полбас“, равно какъ слова соловья „тычу, тычу“ и коростеля „тарт, тарт“ должны, по мнѣнію народа, изображать подобіе крика этихъ птицъ, и если въ первомъ случаѣ онъ удачно соединилъ въ одномъ словѣ звукоподражательное значеніе съ известнымъ смысломъ слова, то во второмъ и „тычу“ и „тарт“ вставлены въ сказку съ значительной натяжкой звукового подобія съ крикомъ этихъ птицъ.

Сходство вѣсѣхъ татарскихъ сказокъ съ русскими простирается и дальше. Нѣкоторыя изъ нихъ и оканчиваются на чисто русскій ладъ и въ заключеніи своемъ часто имѣютъ какое-нибудь выраженіе, либо резюмирующее смыслъ всей сказки и предлагающее для свѣдѣнія слушателя нравственное правило или замѣчаніе, либо же просто какую-либо поговорку, шутливую замѣтку: „чего не причиняетъ человѣку зависть!“ выводитъ поученіе одна сказка изъ примѣра, представляемаго падчерицей и родной дочерью; „не слѣдуетъ разставаться съ тѣмъ, что находится въ твоихъ рукахъ, не зная, будетъ-ли что-нибудь впереди или не будетъ“, говоритъ въ назиданіе другая; „дешево пріобрѣтенное—даромъ и уходитъ“, морализируетъ третья. Подобная мораль не чужда, конечно, и русскимъ сказкамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются такъ же, какъ и татарскія: „такъ и выходитъ, что правдою то жить лучше, чѣмъ кривдою“, заключаетъ сказка о правдѣ и

криедѣ; или: „сколько ни горевали, а послѣ сказали: вотъ каково не слушаться“¹⁾). Но есть сказки, и не пѣющія такого окончанія съ нравственно-поучительнымъ характеромъ; есть заключенія, почти совершенно подобныя нашему „и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ“ и т. д., какъ, напр., заключительныя слова первой сказки: „однажды я пошелъ къ нимъ и возвратился уже поздно вечеромъ; меня сильно угостили: сидя на верхушкѣ кола, я пилъ чай“, или въ среднѣй сказкѣ „Байдыкъ“: „а женщина и сейчасъ еще сидитъ да ждетъ“. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ часто заканчиваются и наши сказки: „когда онъ (т. е. герой сказки; см., напр., Ао. № 227, № 28) проснется, тогда и сказка моя далѣе начнется, а теперь пока вся“ и много другихъ т. под.

Въ дополненіе примѣчаній къ двумъ вышеприведеннымъ сказкамъ—о Саламъ-Турханѣ и умномъ сынѣ необходимо замѣтить, что такія же сказки встрѣчаются еще и у другихъ тюркскихъ племенъ: первая—у Черневыхъ татаръ колѣна „Күзюн“, живущихъ у устья р. Лебеди, около впаденія ея въ р. Бію; она приведена въ сборн. „Образцовъ народ. литерат.“ В. В. Радлова (ч. I, С.-Петербур. 1866 г.), а вторая—у Таранчей (сбор. *Радлова*, т. VI, стр. 197).

Суть содержанія сказки о Саламъ-Турханѣ та же самая, что и въ разобранныхъ уже нами выше вариантахъ: лисица, покровительствуя одному спротѣ, замыслила женить его на дочери великаго чиновника. Такимъ же образомъ она беретъ у этого чиновника безменъ свачала для вывѣски масла и, возвращая его, намасливаетъ веревку безмена, а потомъ для вывѣшыванія денегъ, которыхъ у ней вышло, какъ она сообщила великому чиновнику: бумажныхъ—70 пуд., а мѣдныхъ сто. Послѣ этого она отправляется съ сиротой за невѣстой на семь смяхъ, но по дорогѣ сталкиваетъ его и всѣхъ лошадей съ саями съ моста, чтобы не дать замѣтить ихъ об-

¹⁾ Ао. I, стр. 223; 59; также: II—371, 499 и пр.

манъ. Великій чиновникъ сказалъ однако, что калыма ему не надо, такъ какъ онъ уже достаточно убѣдился въ богатствѣ сироты и готовъ отдать свою дочь за него и такъ. После свадьбы они отправились обратно, а лисица побѣжала впереди поѣзда. На пути своемъ она встрѣтила домъ, въ которомъ жили змѣи; эти послѣднія посѣвшили попрыгаться въ сѣно, гдѣ и были сожжены, а сирота поселяется въ ихъ домѣ и тутъ, справляя пиры, они семь сутокъ пили вино и семь сутокъ чай.—Эта сказка ничего новаго, конечно, не можетъ прибавить къ тому, что было сказано раньше, и мы указываемъ здѣсь на нее, какъ на лишнее и наглядное доказательство большой распространенности ея у тюркскихъ племенъ. Змѣи, которыхъ сожигаетъ въ сѣнѣ лиса и въ домѣ которыхъ поселяется ея сирота, мы противопоставимъ Змѣю Змѣевичу, выводимому въ русской сказкѣ о Бухтанѣ Бухтановичѣ или Зміулану въ Козьмѣ Скоробогатомъ, замѣтивъ при этомъ, что и тутъ татарскій разсказъ объ уничтоженіи этихъ змѣй гораздо проще, чѣмъ въ русскихъ, гдѣ Змѣя Змѣевича запертываются въ солому и бросаютъ въ воду, а Зміулана, спрятавшагося въ дуплѣ дерева, разстрѣливаютъ. Между прочимъ, это разстрѣляніе и заставляетъ предположить, что передѣлка этого сюжета у русскихъ произошла сравнительно въ позднее время.

Основной сюжетъ другой сказки—у таранчей, подъ заглавіемъ „глупые“, также совершенно схожъ съ содержаніемъ татарской сказки объ умномъ сынѣ. Въ то время какъ мать одного умнаго человѣка донла корову, эта послѣдняя „пустила вѣтеръ“. Сначала мать, а потомъ и невѣстка ея, заплакали, такъ какъ имъ стало стыдно за корову, что это случилось помимо ихъ воли. Умный сынъ разсердился на нихъ и сказалъ имъ, что онъ убьетъ ихъ, если не найдетъ людей, которые были-бы глупѣе ихъ. Ему, дѣйствительно, пришлось наблюдать двѣ такихъ сцены, которыя заставили его успокоиться и возвратиться домой. Прежде всего онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ людей, которые старались протаскать въ дверь

дома бревно, держа его поперекъ входа. Умный сынъ научилъ ихъ, какъ надо было слѣзть это, а самъ отправился даѣе и встрѣтилъ новую сцену: къ одному должнику залѣзъ въ хлопчатникъ верблюдъ и потопталъ его. Хозяинъ собралъ человекѣтъ 15—20 на помощь,—они связали верблюда и хотѣли втащить его, но умный, указавъ имъ на то, что они испортили хлопчатника гораздо болѣе, чѣмъ верблюдъ, посоветовалъ имъ развязать его и вывести на поводу. Послѣ этого онъ уже раздумалъ убивать своихъ родныхъ.

Таково содержаніе таранчинской сказки. Мы видимъ, что по духу своему она чрезвычайно близко подходитъ и къ вышеприведенной татарской и къ русскимъ (см. стр. 100—102) и какъ она, такъ и предъидущіе варианты живо напоминаютъ намъ русскіе народные рассказы о приключеніяхъ пошехонцевъ, представляющіе собой, по моему мнѣнію, очевидно литературную передѣлку ходячихъ сказокъ о похожденияхъ дурака съ прибавкой собственныхъ измышленій автора этихъ рассказовъ. Оригинальность подобныхъ сказаній у тюркскихъ племенъ Востока подтверждается этимъ вариантомъ еще разъ, и если мы не можемъ все-таки отрицать самобытности ихъ у русскихъ, такъ какъ мотивъ въ ихъ созданіи всегда имѣется на лицо у каждаго народа, то, въ свою очередь, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію полная оригинальность ихъ и у тюркскихъ племенъ.

Безъ сомнѣнія, инородческимъ сказкамъ нельзя отказать въ томъ громадномъ значеніи, которое онѣ имѣютъ не только для изученія религіознаго міровоззрѣнія, вѣрованій и обычаевъ нашихъ инородцевъ—татаръ, чувашъ, башкиръ, сартовъ и пр. и пр., но и для болѣе вѣрнаго разрѣшенія спорнаго вопроса о причинахъ сходства сказокъ у различныхъ народовъ, вопроса объ ихъ происхожденіи. Повятно, что подобные вопросы могутъ быть рѣшены лишь послѣ самаго детальнаго изученія инородческихъ словесныхъ произведеній, такъ какъ не только вся наша исторія и въ прошломъ и въ настоящемъ тѣсно связана съ судьбой разныхъ инородцевъ, но и въ самомъ языкѣ

нашемъ наблюдается громадное количество ипородческихъ словъ и названій предметовъ самаго обыденнаго употребленія въ домашнемъ быту, въ сельскомъ хозяйствѣ и пр. Однако, мы видѣли, что уже и простое сопоставленіе сказокъ можетъ не рѣдко освѣтить намъ ихъ происхожденіе, составные элементы. Хотя, говорить *Кирпичниковъ*, „теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода, но, если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не бесполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго“.

кануиъ свадьбы. — Свадьба. — Послѣ—свадебные обычаи, — прир. — подарки. — Дети. — Разводъ.

А лек т о р о в ъ, А. Е. — Скотоводство киргизовъ. — «О р е н б у р г с к і й Листокъ», 1888 г., № 17—19.

Почти единственнымъ источникомъ богатства и любимѣйшее занятіе киргизъ-кайсаковъ—скотоводство. Въ скотоводствѣ проходитъ, можно сказать, вся жизнь киргиза съ его ранняго дѣтства до глубокой старости. Много скота у киргиза, и онъ богатъ; онъ счастливъ; ему больше ничего и не надо, — мало скота, онъ бѣденъ, несчастливъ; вся жизнь его горемычная.

Больше всего изъ скота киргизы имѣютъ овецъ. Стада этихъ животныхъ поражаютъ васъ въ ордынскихъ степяхъ своею многочисленностію. Едва ли найдете гдѣ-нибудь въ мірѣ другая такая страна, въ которой бы видно было ихъ больше, чѣмъ здѣсь. Богатѣйшіе изъ киргизовъ имѣли въ старину по двѣнадцати, пятнадцати и даже двадцати тысячъ овецъ. Теперь это время прошло! Въ овечьихъ стадахъ держатъ киргизы и козъ; козы ихъ въ большинствѣ случаевъ безрогія. Киргизскія овцы, безобразны на видъ, отличаются величиною и силой, такъ-что десяти—двѣнадцати лѣтнія дѣти могутъ ѣздить въ хорошее время года на нихъ для забавы верхомъ. Ростою овцы эти выше только-что родившагося теленка и настолько бываютъ гучны, что старая изъ нихъ лѣтомъ и осенью вѣсятъ обыкновенно отъ четырехъ до пяти съ половиною пудовъ; у нихъ кривые горбатые носы; нижняя губа длиннѣе передней, большія повислыя уши и по мочкѣ на шеѣ; у нѣкоторыхъ барановъ бываетъ по пяти и шести роговъ. Вмѣсто хвоста, киргизскія овцы имѣютъ курдюки, которые вѣсятъ отъ 30 до 40 фунтовъ; курдюки эти дають отъ 20 до 30 фунтовъ сала. Шерсть на овцахъ длинная, особенно на задней части, растетъ клочками и до того груба, что едва-ли можетъ быть употреблена на самое толстое сукно; стригутъ и осенью, цвѣта она темноржавого. Принося большею частію вдругъ по два ягненка, овцы въ степяхъ чрезвычайно быстро размножаются переносятъ съ удивительною крѣпостію непогоду, голодъ и жажду. Хотя зимою отъ недостатка въ кормѣ онѣ и бываютъ очень тощи, но за то весною быстро поправляются и гучиють отъ соляныхъ травъ. Выгоды, получаемыя киргизомъ отъ овецъ, чрезвычайно важны: онъ питается мясомъ ея; онъ укрывается отъ холода шубою, сдѣланною изъ ея кожи; покрываетъ жилище свое войлоками изъ ея шерсти, — получаетъ отъ нея молоко и любимый свой крутъ. Овца служила и служить еще доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ киргизу для опредѣленія цѣны вещамъ вмѣсто денегъ и, наконецъ, она же составляетъ главнѣйшій предметъ торговли со всѣми сосѣдами и едва-ли не главнѣйшую цѣль ихъ связей съ ними. Короче сказать: овца киргиза кормитъ, одѣваетъ и, знакома съ сосѣдами, доставляетъ ему все нужное и полезное.

Не смотря на разнообразіе и многочисленность выгодъ, приносимыхъ киргизу овцею, онъ почти не могъ бы существовать безъ верблюда, который, при благодѣтельной для степей способности—переносить жажду и голодъ, возить на себѣ всё имущество и даже домъ его, котораго шерсть придется и употребляется на одежду, молоко и мясо—въ пищу, а молодая шкура—

на шубы и шапки. Животное это справедливо называлъ Бюффонъ кораблемъ пустыни. Верблюды у киргизовъ—двугорбые; одnogорбыхъ (*dromadaïres*) рѣдко держатъ потому, что климатъ степей считаютъ для нихъ слишкомъ суровымъ, да и двугорбыхъ въ жестокіе холода обшиваютъ обыкновенно войлоками. Молодымъ верблюдамъ, около года послѣ рожденія или еще и прежде, прокалываютъ носовую хрящъ и вѣшаютъ въ отверстіе палочку или кость къ обоимъ концамъ которой привязываются веревки, служащія вмѣсто узда и поводьевъ для управленія; потомъ учатъ ихъ становиться на колѣна и вставать по данному хозяиномъ знаку. Приученный верблюдъ послушенъ, какъ нельзя болѣе: закричать ему чокъ, и онъ тотчасъ же становится на колѣна; положить на него вьюкъ, говорятъ ему—атчу или просто махнутъ, и онъ немедленно встаетъ. Ноша или вьюкъ верблюда обыкновенно раздѣляется на двѣ равныя части, которыя, лежа на бокахъ, соединяются на спинѣ и которыя въ большихъ путешествіяхъ не превышаютъ общаго вѣсу. На разстояніяхъ близкихъ навьючиваютъ и болѣе. Въ послѣднее время занимающіеся хлѣбопашествомъ киргизы съ успѣхомъ стали употреблять верблюдовъ для полевыхъ работъ и для перевозки тяжести въ упряжи. Одинъ день обыкновеннаго верблюжьяго хода, составляющаго общую мѣру путешествій въ степяхъ, равняется разстоянію отъ 40 до 50 верстъ. Выходъ на верблюдахъ вѣдять преимущественно женщины. Богачи вѣдютъ нередко до 100, 200 и 300 верблюдовъ. Особенно много этихъ животныхъ у киргизовъ, кочующихъ въ нескль южной полосы, гдѣ они болѣе необходимы и гдѣ климатъ для нихъ болѣе благоприятенъ.

Дромадеры и двугорбые верблюды часто скрещиваются между собою, и дѣти ихъ бывають иногда съ однимъ, а иногда съ двумя горбами. Дромадеры всегда бураго цвѣта, а двугорбые верблюды бывають иногда и бѣлые.

Овцы и верблюдъ являютъ, такимъ образомъ, самыми полезными для киргизскаго народа животными, но не самыми любимыми; любимый скотъ у этого народа—лошади.

Въ широкихъ безпредѣльныхъ степяхъ центральной Азіи по бѣлымъ коврамъ рокошшаго ковыля солонцамъ, покрытымъ горькою полынью, а гдѣ и по несчастьямъ пустынямъ, заросшимъ рѣдкою колючкой и джизганомъ, бродятъ и день и ночь подъ открытымъ небомъ громадные косяки полудикихъ лошадей, бродятъ на волю, а все-таки подъ зоркимъ присмотромъ и охраною косоглазыхъ кочевниковъ—табушниковъ. Эти малорослые, крѣпкіе кони, мохнатые, съ короткими шестыми ушами, съ огненнымъ бойкимъ взглядомъ, со стальными ногами, не знаютъ усталы и разстоянія,—истія дѣти степей! Не прихотливы на комы, легко переносящіе продолжительныя голодовки и жажду, не боящіеся ни жара палящаго дѣннаго солнца, ни рѣзкаго холода и непогодъ степной зимы, эти кони не знаютъ ни тенлихъ загоновъ, ни конюшенъ, не знаютъ легкаго завтрака приготовленнаго запасливымъ хозяиномъ корма, они рождены въ степи подъ открытымъ небомъ, переживаютъ трудныя мѣсяца дѣннаго похвата и страданія «мытомъ», крѣпнуть, вѣрстая на волю не легко дружатся, понавъ подъ арканъ человѣка, но за то всю жизнь вѣрно и усердно служатъ своему хозяину.

Въ косякахъ лошади живутъ, хотя и подъ присмотромъ табунщиковъ но живутъ своевольно, своимъ разумомъ: онѣ разбиваются на группы и въ каждой группѣ повинуются главному своему вожаку—табунному жеребцу, который и беретъ на себя бдительный надзоръ за безопасностью доверившихся ему матокъ и жеребятъ. Пока тѣ мирно пасутся, жеребецъ—вожакъ зорко оглядываетъ стеное пространство и во-время замѣчаетъ малѣйшій призракъ опасности. Храбро, съ полнымъ самоотверженіемъ жеребецъ идетъ на встрѣчу врагу, въ какомъ бы видѣ ни появился онъ изъ своей воровской засады.. Похищеніе жеребятъ волками, бродящими въ степи иногда громадными стаями, явленіе почти небывалое. Стенныя лошади выработали въковымъ опытомъ даже способъ общей обороны, въ случаѣ если бы волки вздумали атаковать ихъ массами. Онѣ быстро собираются въ тѣсный кругъ головами внутрь, загоняютъ въ середину все молодое, слабое, а сторожевой жеребецъ богатыремъ прыгаетъ и носится вѣдъ этого круга, и горе несчастному голодному хищнику, если онъ не увернется изъ-подъ его желѣзныхъ копытъ, изъ-подъ безошадной зубной схватки.

Шерстей киргизскія лошади бываютъ различныхъ, но болѣе свѣтлыхъ; вороная очень рѣдко, потому-что выгораетъ отъ непрерывнаго дѣйствія солнечныхъ лучей.

Въ сѣверной части киргизской степи лошади крѣпче и многочисленнѣе, нежели въ южной. Первая имѣетъ болѣе луговъ и вообще изобильна ковылемъ, который составляетъ прекрасный конскій кормъ. Въ южной части травъ мало и жара дѣлаетъ часто лошадей безплодными. Бывшая средняя орда богаче лошадьми, нежели прочія. Есть киргизы, которые считаютъ въ табунахъ своихъ до 1000—2000 и больше лошадей.

Лошадь и ея достоинства опредѣляются киргизами прежде всего по ея виду при наружномъ осмотрѣ. Правильность (или удовлетворительность) тѣлосложенія (или склада) лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначенія или употребленія лошади, такъ что одна и та же лошадь совершенно правильнаго тѣлосложенія, годная для одного рода употребленія,—при другой потребности признается совершенно невыгодною или неспособною.

Баркъ, джурдэкъ и джюйрикъ—вотъ виды или сорта, на которые раздѣляютъ киргизы своихъ лошадей. Баркъ—крѣпкій, плотный конь, джурдэкъ—конь ходкій, а джюйрикъ—скаковой.

Лошади первого сорта бываютъ преимущественно небольшого роста, но большей части крѣпкіи, жирны и мясисты, къ тому же очень лѣнны, съ толстыми ногами, большимъ животомъ, а иногда, впрочемъ, подтянуты; хвостъ, грива и шерсть у нихъ густы; для быстрой ѣзды онѣ не способны, но при тихой ѣздѣ неутомимы. Главное достоинство подобныхъ лошадей заключается въ томъ, что онѣ довольствуются всякимъ, даже недостаточнымъ кормомъ и поиломъ, не скоро теряютъ тѣло, а потому и чрезвычайно выносливы, какъ для продолжительной работы, такъ и для перенесенія суровостей зимы и невзгодъ тебеневки. Въ продажѣ эти лошади, по неказистости ихъ вида и роста, цѣнятся невысоко, но за то въ степномъ хозяйствѣ, при употребленія для безпрестанныхъ домашнихъ и полевыхъ работъ, онѣ чрезвы-

чайне полезны и даже рѣшительно незаменимы. Получая съ другими одинаковое содержаніе и пѣся одинаковыя тяжести, одна подобная лошадь можетъ выслужить, не худѣя и не истощаясь въ тѣлѣ, за двѣ—за три лошади другого сорта. Такія качества этихъ лошадей доставили имъ особенное предпочтеніе у киргизовъ, которые прилагаютъ много заботъ къ сохраненію и разведенію въ своихъ табунахъ возможно большаго числа лошадей этого «разбора».

Джурдэкъ—лошадь средняя между скаковою и крѣпкою. Эти лошади выше ростомъ и тоньше бэрка. Онѣ считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній степного коневодства и имѣютъ репутацію неутомимыхъ скакуновъ для верховой, продолжительной ѣзды. Побыжка джурдека большею частію проворная, скорая и нетрясакая: лучшія изъ нихъ бывають довольно рысисты, вслѣдствіе того, что ихъ упражняютъ постоянно въ ѣздѣ рысью. Когда киргизу нужно переѣхать скоро какое-нибудь дальнее разстояніе или когда онъ пускается въ погоню, запряжѣнъ за похитителями его скота, то обыкновенно садится на джурдека съ полною увѣренностію, что пройдетъ на этой лошади хоть двѣсти верстъ, не кормя, въ теченіе одного только лѣтняго дня. Изъ оштовъ киргизовъ видно, что на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ этого сорта можно проѣхать до восьмисотъ верстъ въ теченіе пяти сутокъ. Впрочемъ, самый дальній переѣздъ, который можно сдѣлать въ одинъ день на джурдэкѣ, не превышаетъ разстоянія въ двѣсти шестьдесятъ верстъ. Изъ этого вида лошадей преимущественно передъ прочими выдаются лошади чрезвычайно способныя и для упряжной ѣзды; онѣ могутъ возить по цѣлымъ суткамъ тяжести отъ 60 до 70 пудовъ. Джурдэкъ былъ бы болѣе всего удобенъ для кавалерійскаго рѣмонта, если бы обладалъ нѣсколько болѣе высокимъ ростомъ и армамакскимъ складомъ. Лошади, подходящія къ этимъ двумъ послѣднимъ условіямъ, называются у киргизовъ сулу-атъ (красивая лошадь); онѣ бывають преимущественно изъ метисовъ—казанатовъ; шея у нихъ слагается съ очень красивымъ «зарѣзомъ».

Если у европейцевъ и вообще у цивилизованныхъ народовъ принято признавать рысаковъ лучшими представителями упряжныхъ лошадей, то у киргизовъ признается образцомъ или даже идеаломъ верховныхъ лошадей скаковой конь джюйрыкъ. Сложеніе и наружныя признаки скаковыхъ лошадей бывають разнообразны. Въ скаковыхъ лошадяхъ киргизы цѣнятъ быстроту бѣга и неутомимость въ продолжительныхъ скачкахъ. Ростъ ихъ можетъ быть всякій, но рослѣйшія и красивѣйшія изъ нихъ цѣнятся выше. Для познанія скаковой лошади не достаточно одного только нагляднаго пониманія правильности ея склада, но для этого необходима еще достаточная опытность въ тренерскомъ искусствѣ. Хорошіе знатоки лошадей и тренеры всегда пользовались между киргизами особеннымъ почетомъ. Искуснѣйшимъ тренеромъ въ Букеевской ордѣ былъ въ 60—70 годахъ Лукатимъ, имя котораго и доселѣ произносится киргизами съ особеннымъ уваженіемъ. Этотъ Лукатимъ до такой степени вѣрно умѣлъ опредѣлять достоинство и способности лошади, что каждый разъ, при выводѣ скакуновъ на скачки, онъ заранѣе безошибочно предсказывалъ, за кѣмъ останется побѣда на состязаніи. Онъ нерѣдко покупалъ плохихъ съ виду лошадей и потомъ создавалъ изъ нихъ знаменитѣй-

ших скакуновъ,—предсказывалъ будущность лошадей въ ихъ молодомъ возрастѣ, т. е. на первомъ и второмъ годахъ, и потомъ предсказанія эти всегда оправдывались на дѣлѣ. Послѣ Аукатима оставилъ по себѣ также весьма почетную славу отличнаго знатока лошадей и тренера киргизъ Черкешевъ рода Джакауна отдѣленія, по имени Айдабуль... Его полуторо-годовалый жеребенокъ Змиркъ (двуглавый орелъ) выигралъ на состязаніи со взрослыми лошадьми первый призъ во сто барановъ. Изъ султановъ болѣе другихъ отличался, какъ омытими знатокомъ лошадей, въ ближайшее къ намъ время Абулгамы, состоявшій при послѣднемъ ханѣ Внутренней орды Джангерѣ Букеевѣ. Разъ какон-то киргизъ привелъ къ хану полуторо-годовалаго жеребенка, который предназначался на убой. Въ то время, когда ханскіе мясники, приготовившись было повалить и прирѣзать этого жеребенка, подошелъ Абулгамы и попросилъ ихъ приостановиться; затѣмъ онъ отправился къ хану и объявилъ ему, что, по его соображеніямъ, изъ этого жеребенка можетъ выйти хорошая скаковая лошадь,—выпросилъ его себѣ. Изъ жеребенка, дѣйствительно, вышелъ впоследствии отличный скакунъ, о которомъ и теперь еще рассказываютъ, какъ о ценномъ или «сто-побѣдномъ».

Скаковыми лошадьми дѣлятся у киргизовъ на три разряда: 1) каргичиль, 2) качаганчиль и 3) джуйрюкъ—байгаты. Каргичиль—гончая, прыткая на короткую дистанцію—до 8 верстъ зешадъ; такія лошади между киргизами нисколько не цѣнятся, если не имѣютъ свойствъ журдэка Качаганчиль—гончая или укрючная лошадь. На лошадяхъ такого рода ѣздятъ табунщики или гоняются, когда нужно поимать въ табунтъ какую-нибудь лошадь. Онѣ проскакиваютъ очень быстро небольшія разстоянія, но главное ихъ достоинство заключается въ томъ, что онѣ очень поворотливы и смѣтливы, ихъ создаетъ преимущественно хорошая выѣздка омытнаго джигита—табунщика. Этотъ родъ лошадей цѣнятся также невысоко, какъ и каргичиль, около 45 и 75 рублей за голову. Джуйрюкъ—байгаты или скакуны—лошадь способная для скачекъ.

Киргизы очень заботливо относятся къ лошадямъ своимъ, особенно на которыхъ ѣздятъ. Когда киргизъ достигнетъ цѣли своей поѣздки, чтобы лошадь не ѣла травы и не испортилась, привязываетъ узду къ луцѣ сѣдла. При скорой ѣздѣ одинъ человекъ беретъ двухъ лошадей и пересаживается съ одной на другую.

Кобылы случаются приблизительно въ одно время и жеребятся въ апрѣлѣ и маѣ.

Рогатый скотъ, хотя и разводится нѣкоторыми киргизами въ значительномъ количествѣ, однако же, въ общемъ, можно сказать, что киргизы имъ не богаты, потому что присмотръ за нимъ, особенно во время зимы, требуетъ много трудовъ, а выгоды отъ него не значительны, къ тому же надеждъ часто истребляетъ его. Лѣтъ 185 тому назадъ киргизскія орды, говорятъ, совсѣмъ не имѣли рогатаго скота, но послѣ развели его отъ каракалпачковъ и отбили стада его у проходившихъ черезъ земли ихъ въ 1774 году изъ Россіи въ Джунгарію калмыковъ. Ростомъ киргизскія коровы низки, сложены не красиво, но очень крѣпки, молока же даютъ мало. Быки—широкогруды.

Козь держать киргизы только потому, что онѣ служатъ путеvodителями стадамъ овецъ, такъ какъ эти послѣднія по привычкѣ или по ихъ природному свойству, не двигаются съ мѣста иначе, какъ когда пойдеть передъ ними нѣсколько козъ. Если козы тронулись, то стадо овецъ ничѣмъ нельзя уже остановить. Вторая польза отъ козы — шухъ. Изъ этого-то шуха киргизскія женщины готовятъ не только для себя, но и для продажи платки и шарфы, далеко не изящной, впрочемъ работы.

Весь хозяйственный интересъ киргизовъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно менше въ теченіе круглаго года кормить скоть сѣномъ; впрочемъ, при такомъ множествѣ овецъ, лошадей, рогатаго скота, козъ и верблюдовъ, какое покрываетъ киргизскія степи, едва ли можно продовольствовать скоть весь сѣномъ. Сѣно заготавливается киргизами въ весьма незначительномъ количествѣ и главнымъ образомъ для рогатаго скота и верблюдовъ; остальной же скоть — лошади, овны и козы круглый годъ пасутся въ степи, добывая сами себѣ кормъ и зимю. Этотъ способъ продовольствія стадъ и табуновъ во время зимы называется тебеневкою. Если зима не очень сердита и, по выраженію киргизовъ, благополучна, тебенюють верблюды и рогатый скоть, которые выпускаются на тебеневочныя мѣста вслѣдъ за лошадьми. Лошади сѣдаютъ преимущественно верхушки травы, верблюды и скоть рогатый — середину стеблей, а нижняя часть достается овцамъ, которыхъ выпускають послѣ верблюдовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть саксаулъ, верблюды и овцы питаются во время зимы иглами саксаула. Само собою разумѣется, что отъ такой весьма скудной пищи животныя не тучиють, но она поддерживаетъ ихъ жизнь, а въ этомъ заключается все, что нужно для скота киргизовъ, привыкшаго переносить холодъ и голодъ, жажду и всѣ пережѣныя погоды.

Киргизы, при оцѣнкѣ земель своихъ, дѣлятъ ихъ на двѣ, такъ сказать, категоріи: 1) годныя для зимовокъ и 2) годныя для лѣтнихъ пастбищъ.

Для зимовокъ киргизовъ необходимы бывають слѣдующія условія: 1) возможность заготовленія нужнаго количества сѣна для верблюдовъ и рогатаго скота, 2) достаточное количество топлива, которое требуется обыкновенно въ подспорье къ кизяку, и 3) тебеневка для лошадей, барановъ и козъ, добывающихъ, какъ мы видѣли, кормъ изъ-подъ сѣнга. Въ очень немногихъ мѣстахъ удобства эти бывають соединены вмѣстѣ, въ большинствѣ же случаевъ ордынецъ строитъ свою землянку тамъ, гдѣ можно накопить достаточное, по его мнѣнію, количество сѣна и наити топливо, тебенюющія же скоть — лошадей, овецъ и козъ отгоняетъ на нарочно не вытравленные имъ въ лѣтнее время мѣста. Если же скудность кормовыхъ травъ, истребленіе ихъ саранчемъ или другія какія-нибудь невзгоды попрепятствуютъ киргизу сохранить собственную тебеневку, то онъ заблаговременно обращается къ ближайшимъ съ ордою соседямъ и условливается съ ними относительно перенеска скота зимою въ ихъ земли.

Камышинныя и луговныя мѣста считаются лучшими зимовками. Худшими затѣмъ считаются зимовки при нескать, какъ по болѣе скудному пропзрастанію здѣсь травъ на сѣнокосныхъ участкахъ, такъ въ особенности по тѣмъ соображеніямъ, что въ случаѣ суровой и продолжительной зимы, при недостаткѣ заготовленнаго сѣна, киргизы всегда рискуютъ здѣсь подвергнуться

преимущественно бедствию — лишиться скота, так как не у кого бывает при песках приобретать сено, перегонять же переходный скотъ для продовольствія на дальнее разстояніе весьма опасно, — можетъ открыться дорогой надеждѣ его. Съ другой стороны — пески выказываютъ то преимущество по отношенію къ зимовкамъ киргизовъ, передъ твердымъ грунтомъ, что на нихъ снѣгъ не такъ долго держится, какъ на твердомъ грунтѣ, и растительность такого сорта, что появляется еще при холодахъ — въ началѣ марта.

Лѣтнія настоящіи мѣста раздѣляются у киргизовъ на два рода: твердый грунтъ — каткылъ и мягкій грунтъ — кунгыръ. Твердый грунтъ цѣнится выше мягкаго: онъ состоитъ изъ обыкновенной степной почвы, поросшей болѣе или менѣе густымъ ковылемъ, и изъ солонцеватой, на которой произрастаютъ травы только солонцеватая и особаго рода полынь (джусанъ, саронгъ, кукнекъ, мзинъ); на первыхъ пасется скотъ весной, лѣтомъ и осенью, а на послѣднихъ тебенуютъ до самаго появленія свѣжей растительности. Солонцеватая трава и полынь, пока онѣ въ соку, до того горьки, что ѣдятся одними только верблюдами и баранами; послѣ первыхъ же морозовъ горечь въ нихъ значительно пропадаетъ, и онѣ обращаются въ хорошій — довольно питательный кормъ для всякаго рода скота.

Какъ лѣтнія пастбища, такъ и тебеневочныя мѣста уничтожаются иногда полосами — на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи: первая — саранчею, а послѣдняя — гололедицей. Эти два бича кочеваго народа до того ему страшны, что пострадавшіе отъ нихъ встрѣчаютъ общее народное сочувствіе, а по мѣрѣ возможности и помощь. Такъ въ 1859 году саранча родилась на песчаныхъ буграхъ Каспійскаго побережья. Киргизы въ то время уже отхлынули отъ моря на лѣтнія кочевыя мѣста; истребить саранчу было некому, и она появилась въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что поѣла всѣ травы настоящихъ мѣствъ въ первомъ и во второмъ округахъ прикаспійскихъ киргизовъ. Тогда все населеніе этихъ частей цѣлою массою двинулось къ сѣверу и встрѣтило гостепріимный пріютъ въ Калмицкой и Торгунской частяхъ, менѣе пострадавшихъ отъ саранчи, и оставалось тамъ со всѣмъ своимъ скотомъ почти цѣлый мѣсяцъ, пока благотворные дожди не вызвали на югѣ новую растительность. Послѣдствія гололедицы бываютъ еще губельнѣе саранчи: ударить оттепель, потомъ заморозить, ледъ не только бараны и козы, но и лошади пробить не могутъ; такъ и гибнетъ скотъ отъ голода.

Не мало горя причиняютъ киргизамъ и зимнія вьюги — бураны. Уже съ октября мѣсяца начинаются въ степи постоянныя сѣверо-восточныя вѣтры — этотъ страшный бичъ всего живого рѣзкій холодъ этихъ воздушныхъ періодическихъ теченій леденитъ ночью, вымораживаетъ быстро жалкіе остатки степной флоры, гошитъ и гошитъ кочевника къ его тендымъ зимовкамъ. Въ этотъ періодъ времени, особенно въ началѣ осени, рѣзкіе контрасты между жаромъ дня и холодомъ ночей вредно вліяютъ на здоровье молодыхъ, еще не окрѣвшихъ жеребятъ, — въ это время приходится наибольшая цифра убиеннаго молодого конскаго поколѣнія. Въ концѣ ноября морозы усиливаются, выпадаетъ снѣгъ и сплошнымъ бѣлымъ покровомъ застилаетъ безпрѣдѣльную степь. Мохнатые, понурившіе свои толстыя головы, степняки уныло бродятъ

добывая себе из-под снѣга корешки растений, гложутъ высохшіе стебли, торчащіе изъ-под снѣга, оглаживаютъ колючія вѣтви саксаула и джузгана, — ихъ крѣпкіе зубы способны выносить эту работу. привычные желудки способны переваривать бурьянъ и хворостъ, стальные концы способны пробивать даже небольшую ледяную кору. За лошадьми также ушло бредутъ овцы и козы: онѣ до самой земли расчищаютъ копытцами снѣгъ и доѣдаютъ остатки жалкой травы. Но это еще ничего, — это полугора, не настоящее горе: настоящая бѣда приходитъ въ январѣ и въ первой половинѣ февраля. Она налетаетъ съ того же сѣверо-востока вмѣстѣ съ чудовищными метелями — бураномъ! Навѣтъ горы снѣгу. до травы дориться не легко и холодъ до-нимаетъ несчастныя скоты! Отгоняетъ баранъ; кормится ему нечѣмъ: онъ по вѣтру по степи идетъ, не зная самъ куда: бураномъ его гонить и гонять... Сколько овецъ пронаедаетъ зимой! Застигнутыи въ открытомъ мѣстѣ, сбитыи съ пути и толку, ошеломленныи, одичалыи табуны во время бурана несутся зря, гонимыи страшнымъ воемъ и ревомъ метели. . Горе коню, выбившемуся изъ силъ и навшему на бѣгу: черезъ нѣсколько минутъ лишь громадный сугробъ обозначаетъ мѣсто его могилы. Вонадется ступенная балка на пути этой бѣшеной скачки — кони залятаются туда одинъ на другого и часто жестоко калѣчатся. Все сильное выбирается къ затѣнью и изнеможенное отдыхаетъ, сбившыи въ плотныя кучи, а слабое предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному счастью

И долго еще, спустя сутки и болѣе послѣ улегшейся зимней непогоды, тамъ и сямъ въ степи чернѣются разроссанныя остатки косака, мало-по-малу сходящія опять въ общую массу.

Нима зимы вынаждать счастливыя — малоснѣжныя, не буранныя, но за то случаются и такия, что каждый день какая-нибудь невзгода, и послѣ такихъ роковыхъ зимъ, когда проглянетъ веселое мартовское солнце, быстро сгонитъ остатки снѣга и льда, вызоветъ изъ-подъ согрѣтой земли перьяе побѣги молодой зелени, въ оттопавшыхъ, еле двигающихся табунахъ владѣльцы ихъ находятъ много недочета — легли костями за зиму кони ихъ отъ холода, голода и всякаго калѣчья. Но дивная природа весенней степи быстро заличиваетъ раны, быстро насыщаетъ все голодное и также быстро пополняетъ недочетъ новымъ веселымъ, рѣзвымъ поколѣніемъ.

Надежъ скота во время зимы отъ бурановъ и вслѣдствіе гололедницы называется у киргизовъ жуть или джуть. Старикамъ-киргизамъ еще и доселѣ памятенъ 1851—52 годъ, когда отъ жестокости зимы и бурановъ, свирѣпствовавшихъ главнымъ образомъ въ концѣ октября мѣсяца на вершинахъ рѣкъ Плега, Эмбы и Темира, въ восточной и западной частяхъ Малой орды, въ Джаганбашицкомъ и Дюрткаринскомъ родахъ средней части той же орды погибла масса скота — болѣе 4734 верблюдовъ, болѣе 17739 лошадей, около 12110 головъ рогатаго скота и болѣе 257425 барановъ. Въ то же время прикаспійскіе киргизы лишились почти всего своего скота и питались исключительно рыбой. Затѣмъ не менѣе памятенъ старикамъ-киргизамъ и коняи — жила — 1856 годъ, когда, вслѣдствіе барановъ и охватившей большое пространство гололедницы, пало множество скота. Съ эгомъ пори киргизы стали заботливо косить и заготавливать на случай буранной зимы для скота своего

сѣно. Весьма смѣлнй падежъ скота былъ еще въ 1879 году. Зима 1860—61 года, въ отношеніи гололедицы и буряновъ, прошла какъ нельзя болѣе благополучно, но зато, по случаю неурожаа травъ, зима эта была неблагопріятна для приплодовъ въ лошадиныхъ косякахъ, потому что весьма значительная часть жеребыхъ матокъ, по худобѣ своей, выкинула плодъ; вмѣстѣ съ тѣмъ хозяева разорились на покунку сѣна и дорого заплатили за наемъ тебеневоичныхъ мѣсть.

Киргизскія стада и табуны страдают и истребляются довольно часто сибирскою язвой, которая, умерщвляя рогатый скотъ и лошадей, почти не дѣйствуетъ, однако, на овецъ. Палласъ приписывалъ это густотѣ шерсти, покрывающей овецъ. Сибирскую язву киргизы лечатъ обыкновенно, прижигая зараженное мѣсто раскаленнымъ желѣзомъ.

Назовемъ по-киргизски нѣкоторые болѣзни, которымъ подвержены ихъ лошади, кромѣ сибирской язвы: олуу тійди, мангка, туйнѣкъ (кара—туйнѣкъ), кара—гаринт, куртоу. Олуу тійди—болѣзнь, состоящая въ задержаніи у лошади мочи и полита. Мангка—санъ. При болѣзни каратуйнѣкъ свертываются у лошади кишки. Кара—гаринт—пораженіе желудка. Куртоу—болѣзнь, при которой нападаютъ назадницу лошади черви. Кромѣ этихъ болѣзней въ киргизскихъ табунахъ появляется иногда эндемически болѣзнь, въ которой пухнетъ спина у шеи или около хвоста, и лошадь вскорѣ околѣваетъ. Заболѣть такою болѣзнию по-киргизски жамалдаты. Нерѣдко лошади страдаютъ еще воспаленіемъ легкихъ и язвыицей. Эта послѣдняя болѣзнь (яшуръ) не имѣетъ, впрочемъ для лошадей гибельныхъ послѣдствій, но сильно изуряетъ ихъ.

Потертую синю лошади киргизы лечатъ въ большинствѣ случаевъ сочнымъ стеблемъ воиючки изъ рода асса-фетидъ (*Ferulaeae*). Это однолѣтнее растеніе, высотой иногда въ ростъ человека, имѣетъ толстый прямой стебель и зончатую верхушку. Издали, особенно при миражѣ и рѣаніи нижнихъ слоевъ нагрѣтаго воздуха, кустъ воиючки кажется цѣлымъ деревомъ и чрезвычайно оживляетъ голую стень, гдѣ это растеніе всего болѣе изобилуетъ. Наши солдаты прозвали воиючку бухарскою канустой; молодое побѣги ея кочевники употребляютъ въ пищу. Старые стебли воиючки настолько отвратительно пахнутъ, что непривыкшіе люди не знаютъ, куда дѣваться отъ запаха.

Верблюды околѣваютъ нерѣдко отъ употребленія въ пищу ядовитыхъ травъ и имѣютъ особаго рода болѣзнь, называемую саринъ, отъ которой ноги ихъ пухнутъ, кожа на подошвахъ трескается и изъ трещинъ вытекаетъ гной. Излѣчиваютъ эту болѣзнь, обрѣзывая подошву и обвязывая ноги въ снрую кожу; затѣмъ большое животное водятъ взадъ и впередъ съ тѣмъ, чтобы иссочерщенные соки, спускаясь внизъ, вытекали изъ ранъ. Отъ коросты и паршивости (касыгъ) верблюдовъ киргизы лечатъ взваромъ изъ травы, называемой песья моча (*poligonum frutescens*). Тотъ же отваръ дается прочему скоту, какъ слабительное средство. Акъ-шелетъ—болѣзнь, въ которой верблюды валяются и умираютъ. Въ восточной части степей существуетъ почти постоянно у верблюдовъ болѣзнь, сопровождающаяся скопленіемъ въ сердечныхъ сосудахъ желчной жидкости, отъ чего верблюдъ гибнетъ въ нѣсколько дней, и никакія почти мѣстныя пособія не дѣйствительны противъ этой эндеміи.

Особенно сильна была она въ 1850—51—52—53—54 годахъ по Тургаямъ съ окрестными мѣстами въ Аргинскомъ и Китакомъ родахъ.

Тоноланъ—болѣзнь, истребляющая десятками барановъ. Коргукъ—кила у барановъ.

Алубке—истребляющая рогатый скотъ чума. Окра-шурда—заводящися подъ кожей у скота черви.

Алекторовъ, А. Е. — Праздничныя игры и забавы киргизовъ.— «Оренбургскій Листокъ», 1888 г., № 42.

Описываются скачки, алтынъ-кабакъ (стрѣльба изъ ружья пулей въ мелкую монету, привязанную на конскій волосъ къ шести), борьба и бѣгъ (въ перегонки). Аударыснакъ—игра, въ которой киргизы стараются стащить одинъ другого съ лошади. Арка-сокнакъ—игра, въ которой одинъ ложится въ кругу играющихъ; его бьютъ жгуткомъ, и онъ долженъ угадать, кто его ударилъ. Далѣе описаны игры орамалъ жасирмакъ, канъ ойну, колъ тузакъ, соку-теке (родъ жмурокъ), кокъ-накылъ и атпакылъ.

Алекторовъ, А. Е.—«Земледѣліе у киргизовъ». — «Оренбургскій Листокъ», 1888 г., №№ 50, 51 и 52.

Приводится мнѣніе начальника Оренбургской губерніи Волкова (въ 1763 году) о томъ, нужно ли для киргизовъ земледѣліе. — Законъ 19 мая 1854 года.—Современное состояніе земледѣлія у народа киргизскаго.—Роды хлѣба, заѣвсаемаго киргизами.—Обработка полей.—Орошеніе.—Уборка хлѣба.—Возможность широкаго развитія земледѣлія на Сырѣ и что для этого нужно.—Статья заслуживаетъ вниманія.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизы-казаки. Историческій очеркъ.— «Оренбургскій Листокъ», 1889 г., №№ 30, 32, 42, 44, 45, 47, 51 и 52.

Обзоръ историческихъ событій и постепенное водвореніе между киргизами русской гражданственности составляетъ содержаніе очерка. «Мы рекомендуемъ брошюру г. Алекторова, говоритъ Д. Високовъ, тѣмъ образованнымъ киргизамъ, которые желали бы узнать свое прошлое и видѣть, каковыя образомъ предки ихъ вступили на путь гражданского развитія» (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ, 1890 г., № 30).

Алекторовъ, А. Е.—Какъ мы ищемъ теперь ученныя книги.— «Оренбургскій Листокъ», 1889 г., №№ 33, 34, 35, 37, 38, 39 и 41.

Подробно разбирается трудъ г. Харузина—«Киргизы Букевской орды». Слѣдуетъ отмѣтить взглядъ автора на хана Джангера и нѣкоторыя подробности небезинтересныя свѣдѣнія о школахъ, доселѣ не бывшія въ печати.

Алекторовъ, А. Е.—Образъ жизни киргизовъ.— «Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 16 и 17.

Говорится о кочевой жизни киргизовъ, при чемъ авторъ подробно описываетъ кибитку и кыстау; далѣе идетъ рѣчь о надѣлѣ земли, о неуро-дахъ зимы и, наконецъ, передается извлеченіе изъ сочиненія Махъ-Га-хана (Военныя дѣйствія на Оксусѣ) о перекочевкѣ киргизовъ. (А. Н. Харузинъ).

А лекторовъ, А. Е.—Киргизская пѣсня.—«Оренбургскій Ли-стокъ», 1890 г. № 18.

Краткая замѣтка о пѣснѣ киргизовъ.

А лекторовъ, А. Е.—Чѣмъ питаются киргизы.—«Оренбург-скій Листокъ», 1890 г. №№ 19, 20, 23, 29 и 30.

Говорится о питаніи киргизовъ, отчасти о способѣ употребленія пищи и о приготовленіи кумыса на основаніи указаній Варадинова (Лече-ніе кумысомъ—Библиотека медицинскихъ наукъ). Дала, Ягмина (Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители) и Островскаго. Употребленіе кумыса полезно въ слѣдующихъ страданіяхъ: 1) въ періодъ выздоровленія послѣ тяжкихъ, изнурительныхъ бо-лѣзней, при истощеніи отъ чрезмерныхъ занятій и *abusus in venere*.—2) при различныхъ видахъ анеміи, хлороза, гидреміи, *anginae pectoris* и *palpitatio cordis*, не зависящихъ отъ органическаго порока сердца.—3) при цингѣ, золотухѣ и англійской болѣзни,—4) при хроническомъ катаррѣ бронховъ кумысъ улучшаетъ питаніе, разжижаетъ и облегчаетъ выведеніе воспалительныхъ продуктовъ,—5) при хроническомъ воспаленіи легкихъ и при бугорчаткѣ кумысъ улучшаетъ также питаніе, ассимиляцію, разжижа-етъ и облегчаетъ выведеніе воспалительныхъ продуктовъ, уменьшаетъ кашель, прекращаетъ носовъ, понижаетъ температуру; въ данныхъ страданіяхъ кумысъ представляетъ одно изъ лучшихъ средствъ, и если онъ не излѣчиваетъ вполне, то во всякомъ случаѣ часто задерживаетъ и ограни-чиваетъ болѣзненные процессы; кумысъ даетъ силу и матеріалъ для про-тиводѣйствія имъ: этимъ свойствомъ онъ обязанъ своею извѣстностью и славой,—6) при хроническихъ катаррахъ желудочно-кишечнаго канала ку-мысъ даетъ блестящіе результаты; онъ дѣйствуетъ въ этихъ страданіяхъ, какъ питательная, удобоваримая пища, укрѣпляетъ больной организмъ,—7) при острыхъ и хроническихъ выпотахъ въ полость плевры кумысъ, кромѣ вышеозначенныхъ качествъ, усиливаетъ метаморфозъ, разжиженіе и обратное всасываніе, т. е. выведеніе воспалительныхъ продуктовъ,—8) при хроническихъ катаррахъ слизистой оболочки матки и рукава, хроническомъ уретритѣ,—9) при различныхъ невралгіяхъ, причинами которыхъ заклю-чаются главнымъ образомъ въ упадкѣ питанія и въ малокровіи; затѣмъ—10) отъ сухотки, происходящей отъ нервного расслабленія, отъ онанизма, кровотеченія и другихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ приостанавливается плодотвореніе,—11) въ водяной болѣзни, происходящей отъ общаго рас-слабленія тѣла и отъ заваза печени,—12) въ дѣвичьей немочи и 13) послѣ всѣхъ вообще тяжкихъ и продолжительныхъ болѣзней.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Гимн (мѣсто центрального управленія Внутренней киргизскою ордою).—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 22 и 23.

Описывается Ханская ставка (Астраханской губернии).—Есть на Руси города, села, деревни, поселки, хутора, а есть и такія населенныя мѣста, къ которымъ не примѣнно ни одно изъ этихъ названій и къ числу которыхъ относятся, пренно, рымы, или Ханская Ставка (подъ 40° 45' 55" сѣв. шир. и 65° 14' 30" вост. долг.). Это—ни городъ, ни село, ни хуторъ,—это мѣсто центрального управленія Внутренней киргизскою ордою, гдѣ, кромѣ чиновниковъ, живутъ по билетамъ крестьяне, мѣшане и купцы. Основаль Ставку Букей. Здѣсь сыну этого хана—Джангеру на казенныя средства былъ востроенъ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ. После смерти Джангера здѣсь же учрежденъ былъ Временный Совѣтъ и поимѣ управляющій съ 1845 года киргизами Букеевской орды. Рымы—мѣстность весьма печальная, «юдоль мертвого безмолвія, не представляющая взору ничего, какъ выразился въ 1830 году Сабанчиковъ, кромѣ скучнаго единообразія».

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Баранта.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 22 и 23.

Внутренніе разборъ между киргизами производились бѣями (почетными людьми) и аскалами (старѣйшинами) по словеснымъ рѣшеніямъ. При этихъ разборѣхъ въ отношеніи преступленій принимался въ основаніе древній, какъ говорятъ, еще Чингизъ-Ханомъ установленный законъ (шариатъ), по которому убійство наказывалось убійствомъ, а другія, меньшія преступленія, взыскаемъ въ пользу обиженнаго плати или пени (куиъ). Кто воровалъ, напримѣръ, лошадь,—долженъ былъ платить за нее хозяину втрое. Если воръ отказывался отъ платежа, а родъ или аулъ не понуждалъ его,—обиженному разрѣшалась баранта, т. е. отысканіе удовлетворенія силой. Онъ могъ набрать дружину, отправиться съ нею на поискъ и употребить всѣ средства къ нанесенію вреда врагамъ. Съ теченіемъ времени баранты уклонились отъ первоначальной цѣли и обратились, наконецъ, въ ужасное зло. Люди буйные, корыстолюбивые всегда находили къ нимъ предлоги и стали производить ихъ безъ согласія старѣйшинъ. Теперь баранта на закатѣ своихъ дней; пройдетъ еще десятка два-три лѣтъ, и станетъ она только преданіемъ.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Экономическое положеніе осѣдлаго и кочевого населенія степныхъ областей.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 25. Продолженіе въ № 69 «Листка Объявленій», а окончаніе въ № 26 «Оренбургскаго Листка».

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Султанъ Плекей Касимовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 26 (перенес. «Особымъ прибавленіемъ къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 29).

А лектор овъ, А. Е.—Отъ Оренбургской Пограничной Комисси объявленіе киргизамъ Оренбургскаго Вѣдомства о выдачѣ пѣнныхъ, данное 22 декабря 1851 года.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 26.

Вслѣдствіе этого объявленія, въ началѣ 1852 года 214 человекъ получили свободу, но 194 изъ нихъ, по желанію, остались между киргизами, а всѣ остальные были отправлены на родину; между пѣнными довольно много находилось афганцевъ, хивницевъ, персіянъ, казаринцевъ и армянъ.

А лектор овъ, А. Е.—Паз исторіи отношеній казаковъ къ киргизамъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 28, 29 и 30.

Отношенія разсматриваются на почвѣ экономической.

А лектор овъ, А. Е.—Кочевали ли киргизы между Волгою и Ураломъ до прихода сюда съ Букеемъ въ 1801 году.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., № 30.

Историческая справка относительно киргизовъ Внутренней орды. Здѣсь же (въ № 30) находится замѣтка «О раздѣлѣ имущества хана Джангера» (по архивнымъ свидѣніямъ).

А лектор овъ, А. Е.—Рецензія на книгу В. П. Витевскаго «П. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнее его состояніе до 1758 г.»—«Оренбургскій листокъ», 1890 г., № 31.

А лектор овъ, А. Е.—Какъ и чѣмъ способуемъ мы укрѣпленію мусульманства въ киргизахъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1890 г., №№ 45, 46, 47 и 48.

Авторъ затрогиваетъ весьма живой вопросъ о распространеніи среди киргизовъ (первоначально язичниковъ) мусульманства и тѣхъ мѣрахъ, которыми мы невольно содѣйствовали распространенію ислама. Целзя не отнѣтитъ того интереса, который представляетъ эта статья своею фактической стороною (Н. Харузинъ).

А лектор овъ А. Е.—Къ исторіи развитія школьнаго дѣла въ киргизской Букеемской ордѣ.—«Оренбургскій листокъ», 1890 г., №№ 49—51.

А лектор овъ, А. Е.—Болезни киргизовъ и средства врачеванія ихъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., №№ 2, 3, 4, 5 и 7.

Лѣченіе бакси (знахари).—Лѣченіе муллъ.—Таубы (врачи).—Сифилисъ.—Писъ (родъ проказы).—Сухтане, кучча, кудурга (имѣетъ сходство съ сибирской язвой).—Сибирская язва.—Оспа.—Накожные болѣзни.—Парши на головѣ.—Лихорадка.—Горячка.—Грудныя болѣзни, — брюшныя.—Укушеніе тарангула, фаланги.

А лектор овъ, А. Е.—Рецензія на книгу А. Макшеева—«Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія».

нія въ него русскихъ. С. - Петербургъ, 1890 г.— «Оренбургскій Листокъ», 1891 г., № 10.

Алекторовъ, А. Е.—О рожденіи и воспитаніи дѣтей у киргизовъ, о правахъ и власти родительской.—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., №№ 31, 33 и 34.

Въ этой довольно обстоятельной статьѣ, изданной отдѣльной брошюрой, авторъ говоритъ между прочимъ о беременности женщинъ, о рожденіи дѣтей, о бракахъ и обрѣзаніи, о воспитаніи мальчиковъ, о воспитаніи дѣвочекъ, о правахъ и власти родителей, объ усыновленіи, о наследствѣ и объ опекунахъ.

Алекторовъ, А. Е. Рецензія на брошюру гори. вѣж. Дребера — «Озарощеніи летучихъ псковъ».—«Оренбургскій Листокъ», 1891 г., № 10.

Алекторовъ, А. Е.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ говорится о киргизахъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1892 г., №№ 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 42, 44, 47, 48 и 51, — 1893 г., №№ 3, 6, 8, 11, 12, 18, 21, 22, 23, 25, 44, 45, 46, 50, 51 и 52.

Алекторовъ, А. Е.—По поводу разсказа В. П. Желтиховской. — «На Сибирскихъ буграхъ».—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., № 27.

Алекторовъ, А. Е.—Выборное начало у киргизовъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., №№ 34, 36, 39, 40 и 43.

Въ статьѣ г. Алекторова говорится между прочимъ о составѣ и административномъ раздѣленіи Сибирской киргизской степи, о управленіи въ киргизскихъ областяхъ, о реформѣ 14 іюля 1867 года, о судѣ и судопроизводствѣ, о выборныхъ изъ среды народа волостныхъ управителяхъ и старшинахъ, о вредѣ, приносимомъ выборнымъ началомъ у киргизовъ, о характерѣ выборовъ, о злоупотребленіяхъ выборныхъ и объ удаленіи большинства изъ нихъ отъ должностей за лѣность, бездѣтельность и дурные поступки.

Алекторовъ, А. Е.—Наши домашнія дѣла.—«Оренбургскій Листокъ», 1893 г., №№ 33, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45 и 46 и прибавленіе къ «Оренбургскому Листку». № 57.

Дѣтъ 45 тому назадъ, сознавая скудость своихъ понятій о религіи киргизы говорили, что съ нихъ вполне достаточно ограничивать молитву возможно частыми повтореніемъ слова «Алла», которое одною святостью своею имѣетъ великую искупительную силу. Но этотъ религіозный компромиссъ существовалъ въ душѣ можда до того лишь момента, пока въ степи не появились татары-проповѣдники; тогда киргизы цѣлыми толпами шли къ нимъ для очищенія грѣховъ, и если проповѣдники неотразимо умѣли дѣйствовать на душу киргиза художественно развернутой картиной будущей жизни или мрачными красками изобразить паденіе современнаго благоче-

стія, комадъ благоговѣно вынчалъ каждому ихъ слову и подѣ ихъ руководствомъ исполнялъ релігіозные обряды. Есть историческія свѣдѣнія, относящіяся къ бунту киргизовъ въ 1868 году.

А лекторовъ, А. Е.—Дебедная пѣсня Шійшибъ-акина.—«Оренбургскій Листокъ», 1894 г., № 38.

Приводится почти дословно записанная пѣсня Шійшибъ-акина, отличающаяся большой этнографическій интересъ, такъ-какъ яркими штрихами обрисовываетъ нравственное міровоззрѣніе киргизовъ и отношеніе ихъ къ русскому народу.

А лекторовъ, А. Е.—Вопросы инородческаго образованія.—«Оренбургскій Листокъ», 1899 г., № 22.

Авторъ разсматриваетъ помѣщенныя въ «Пародіяхъ Образованія», за 1899 годъ (кн. I, II и IV) статьи С. Г. Рыбакова объ инородческомъ образованіи, преимущественно у киргизовъ Тургайской области, Внутренней Букеевской орды и Туркестанскаго края, и заканчиваетъ обзоръ слѣдующими словами: — «Трудны эти—инородческіе вопросы, и кто же беретъ въ настоящее время за разрѣшеніе ихъ? Не специалисты, и дилеттанты, и даже люди не понимающіе самихъ вопросовъ, какъ г. Рыбаковъ».

А лекторовъ, А. Е.—Корреспонденція изъ Ханской ставки.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Вѣдомостямъ», 1889 г., № 25.

Въ этой корреспонденціи говорится о томъ, что прибывшіе на «ханскую ярмарку» правители, старшины и аксакалы всѣхъ частей и округовъ Внутренней киргизской орды, собравшись 15 мая 1889 г. для совершенія благодарственнаго молебствія въ день священнаго короновація Ихъ Императорскихъ Величествъ и вознесъ многочисленнымъ духовенствомъ во главѣ горячія молитвы по случаю чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ и Августѣйшаго семейства отъ угрожавшей 17 октября 1888 года опасности, обратились къ председателю временнаго совѣта по управленію Внутреннею киргизскою ордой съ просьбою повергнуть черезъ г. астраханскаго губернатора къ стоамя Его Императорскаго Величества върноподданническія чувства населенія киргизской орды, которое черезъ представителей своихъ пожертвовало для увѣковѣченія памяти о чудесномъ событіи 4250 рублей на улучшеніе учебныхъ пособій въ школахъ Внутренней орды.

А лекторовъ, А. Е.—Экономическіе врачи киргизовъ Внутренней орды.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1889 г., № 33.

Врачами въ замѣтъ этой указываются поселившіеся между киргизами въ Ханской Ставкѣ, деревнѣ Новой Казанкѣ и въ Толонѣ татары.

А лекторовъ, А. Е.—Нуженъ ли судъ бѣвъ?—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 2.

Введенный въ заблужденіе заинтересованными въ сохраненіи суда бievъ киргизами, авторъ призналъ этотъ судъ необходимымъ; теперь же, когда имѣтъ онъ возможность присмотрѣться дѣлу, основательно находить, что судъ бievъ (народный судъ) тяжело ложится на карманы киргизовъ и заглушаетъ въ народѣ одно изъ лучшихъ чувствъ — чувства справедливости.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Ханская Ставка —Корреспонденція.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 5.

Въ корреспонденціи говорится, что киргизы не заботятся о томъ, чтобы имѣть лишнюю копейку «про черныи день» и что не понимаяемъ, плывіриге — безпечностью ихъ пользуются обыкновенно ростовщики ближайшихъ селеній и городовъ, которые при случаѣ—въ неожиданной нуждѣ берутъ съ киргизовъ, давая деньги, до 10% и болѣе въ мѣсяцъ.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Въ степи.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 16.

Корреспонденція о урохохъ урожая травъ въ Букеевской ордѣ.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Ранніе браки.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 28.

Ранніе браки разсматриваются, какъ причина преждевременной старости у киргизовъ.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Три брата. Киргизская сказка.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1892 г., №№ 7 и 8.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1294.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Какъ отомстилъ Алатикъ за убійство своей матери. Киргизская сказка.—«О собое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1892 г., № 17. См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1302.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Киргизскія сказки: 1) Одинъ да лучше девяти. 2) Лисица и старикъ. 3) Два барана и 4) Скуной Ушъ-Терекъ.—«Киргизская Стенная Газета», 1892 г., №№ 38 и 39. См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1253.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Библиографія.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 30.

Рецензія на книгу г. Васильева: «Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе». Оренбургъ, 1896 г.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Батырь Нарыкъ и его сынъ. Киргизская народная сказка.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 33.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизская сказка.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., № 37 и 38.

Вариация сказки «Старикъ, ханъ и джигиты». См. «Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1302.

Алекторовъ, А. Е.—Каратай. Киргизская народная сказка.—«Киргизская Стенная Газета», 1896 г., №№ 40 и 41.

Алекторовъ, А. Е.—Послѣднее сказанье. Въ отвѣтъ г. Добросмыслову.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 5.

Статья написана по поводу книги г. Васильева—Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и его современное состояніе и не окончена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Алекторовъ, А. Е.—Женская доля. Киргизская пѣсня.—«Киргизская Стенная Газета», 1893 г., № 15.

Обрисованъ счастливая дѣвчья доля и горькая женская участь:

Родители, когда дома была дѣвица

Не будили ее рано,

А теперь (въ замужествѣ), не выспавшись достаточно,

Встаетъ до зари она...

И много будетъ толковъ,

Если она не откроетъ тундукъ

И не разведетъ огня...

Надѣвши передникъ,

Идетъ рано дѣлать кизикъ,—

Доятъ корову, таскаетъ воду

И не видитъ отдыха до поздней ночи,—

Сжучаетъ о родителяхъ и родникъ,

Какъ соколъ, попавшійся въ сѣти,

И льетъ слезы изъ глазъ

Въ удивленіи и степномъ просторѣ...

Алекторовъ, А. Е.—Библиографическая замѣтка.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 470.

Рецензія на книгу В. Н. Витевскаго—И. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Казань, 1891 г. Вып. III.

Алекторовъ, А. Е.—Народная литература киргизовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г. № 1177: Краткій этнографическій очеркъ.—Общій взглядъ на пѣсни киргизовъ (Объясненіе слова—батырь).—№ 1181: Элементарныя народныя пѣсни (Объясненіе словъ—барханы, кереге, келликъ, бій, кумисъ, кибитка, бай, джипки, джигитъ).—№№ 1183 и 1189: Лирическія пѣсни киргизовъ (Объясненія словъ: домбра, тюрѣ, ку-

рай, гандугачь, канмакъ, катикъ, шайтацъ). — №№ 1195, 1201, 1206: Родовья, свадебныя и похоронныя пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—кръ, салау, баранта, уранъ, туй, лю, женги, саукале, бэъ-ашаръ икуланъ).—Описание похоронной церемоніи. № 1212: Образцы причитаній.—№ 1216: Политическія пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—закетчи, кусенъ). № 1222. Пѣсни—поэмы.—О Кемисаръ-батырѣ (Объясненіе словъ—байкушъ, урусь, бурутты, бура, кобыль, акынъ, карымбай).—№№ 1228, 1233, 1241. 1247: Вліяніе новыхъ условій жизни на пѣсни киргизовъ (Объясненіе словъ—серкеръ, амлякдаръ, мултукъ, тамыръ, амаръ, байга, турсукъ, перште, джакакъ).— № 1253: Киргизскія сказки: Хитрость лучне богатирства.— Два барана.—Лухманъ Хакимъ.— №№ 1267, 1274: Айтуганъ-батыръ (Объясненіе словъ—тебеневаъ, крутъ, конакъ).—№ 1281: Киргизскія сказки: Мулла-Омаръ,—Джаринше-Шешень и Алдаръ-Косе.—Саксаулъ да сосна.— № 1288: Сказки: Змѣи полосатій и О томъ, что было давно, очень давно (Объясненіе словъ—калымъ, куржумъ, ганаша).—№ 1294: Три брата.—Шикъ-Бирмесъ Шгайбай и Алдаръ-Косе,—сказка муллы Адикова.—№ 1302: Старикъ, ханъ и джигиты,—Какъ отохстилъ Алатыкъ за убійство своей матери,—Славный батыръ Эргосай,—Лисица и заяцъ (Объясненіе словъ: кувардакъ, жапракъ, чагръ)—№ 1308: Царь Сулейманъ,—Небылица,—Родные братья (Злой Калий).—№ 1310: Святой мальчишъ (Объясненіе словъ: альчиги, жалмауъ Кемпиръ, курукъ).

Алекторовъ, А. Е. Движеніе смнучихъ песковъ—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1183.

Безпрепятственно двигающіеся неумолимыя пески засыпають степи киргизовъ Внутренней орды; направленіе ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. I и II приморскій округа давно уже представляютъ собою холмообразную песчаную мѣстность, гдѣ иногда на цѣлыя сотни верстъ глазъ не встрѣчаетъ совѣтъ почти никакой растительности, за исключеніемъ молочая да шелюги. Песокъ забираетъ теперь Наринскую часть и Калинцкую и пробирается незамѣтно въ Камышъ-Самарскую и Таловскую, намѣреваясь собраться съ силами у границы Самарской губерніи и засыпать еѣ..

Алекторовъ, А. Е.—Книжныя новости.—Оренбургъ, 1893 г.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г. № 1185.

Рецензія на брошюру А. Н. Добромыслова—Овцеводство и его значеніе въ экономіи киргизскаго населенія Тургайской области.

Алекторовъ, А. Е.—На все воля Аллаха.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1198.

Разсказъ изъ жизни киргизовъ.

Алекторовъ, А. Е.—Русско-киргизская школа.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1227.

Сообщается, что въ селѣ Большомъ Ганюшѣиномъ, Красноярскаго уѣзда, Астрах. губ., открывається съ 1 октября русско-киргизская двухклассная школа, деревянное зданіе для которой, специально построенное, обо-

шло около 13300 рублей. При школах интернатов на 40 человек. Средствами для постройки послужили 9000 руб., пожертвованные для этой цели киргизами, а остальные 4500 р. ассигнованы Министерством Народного Просвещения из остатков на содержание ординских школ. Заведывающий училищем приглашен на жалование в 470 руб., помощник его с окладом в 300 руб., при готовых, весьма удобных, квартирах, отоплении и освещении.

Алекторовъ, А. Е.—Нѣсколько словъ «Терджиману».—«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1290.

Въ статьѣ есть выписка изъ Всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Внутренней киргизской орды за 1860 годъ, гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее:

Надобно радоваться тому, что киргизы до такой степени привязаны къ народнымъ своимъ обычаямъ, что, при разбирательствѣхъ и рѣшеніи дѣлъ, прибѣгаютъ къ нимъ, а не къ шаріату, который, вмѣстѣ съ исламизмомъ, такъ усердно пытался ввести покойный ханъ Джангеръ. Въ настоящее время, говорится въ отчетѣ, только по дѣламъ о наследствѣ и брачныхъ, прибѣгаютъ киргизы къ разбирательству муллъ по шаріату, остальные же всѣ споры и тяжбы разбираются и разрѣшаются бѣлими—по народнымъ обычаямъ.

Алекторовъ, А. Е.—Преданія киргизовъ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1331, 1338 и 1351.

Легендарныя сказанія о происхожденіи киргизовъ. Легенда о происхожденіи султановъ. Вѣкъ человека. Человекъ и собака. Мушель. Тазъ-Тагъ. Большое Богдо. Хазорабандъ. Ханъ. Акджанна. Видѣніе братьевъ. Хошлыкъ увеселительный.

Алекторовъ, А. Е.—Учебное дѣло въ Букеевской ордѣ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., №№ 1335, 1340, 1345, 1349 и 1360.

Содержаніе:—Соотвѣтствуетъ-ли количество школъ во Внутренней киргизской ордѣ потребностямъ въ нихъ.—Школьныя помѣщенія Букеевской орды.—Преподаватели школъ Букеевской орды.—Количество учащихся.—Средства содержанія школъ.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія пословицы.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1369.

Алекторовъ, А. Е.—Письменная литература киргизовъ.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1377.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія рукописи. «Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1383.

Моя исторія.—Утебалій.—Мятежники.

Алекторовъ, А. Е.—Хасанъ,—Киргизская сказка.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1510.

Александровъ, А. Е.—У Мирзы Акбаева.—«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г. № 1517.

Юмористическій рассказъ изъ быта киргизовъ.

Александровъ, А. Е.—Ильгезеръ-батырь.—Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2543.—Киргизская сказка.

Содержаніе сказки заключается въ слѣдующемъ. У Имангазы-Буруна была чудная кобылица, приносящая каждый день ко жеребенку; только не доставались жеребята Имангазы-Буруну: налетала туча и уносила жеребятъ. Младшій сынъ Имангазы-Буруна—Ильгезеръ-батырь, въ погоню за этой тучей, встрѣчается съ двумя великанами, побѣждаетъ ихъ и возвращается домой съ красавицами—женами побѣжденныхъ имъ великановъ и съ ихъ имуществомъ.

Александровъ, А. Е.—Изъ записной книжки.—«Астраханскій Вѣстникъ» 1899 г. № 2976.

Любопытно описываетъ г. Александровъ встрѣчу свою съ учителемъ Наринской школы во Внутренней киргизской ордѣ г. Семченко. Отворивъ первую попавшуюся дверь, говоритъ авторъ, я вошелъ въ холодное, сырое и совершенно пустое помѣщеніе. Нашло гнилью и плѣсенью. Пришлось ощупывать руками стѣны, чтобы найти другую дверь или, по крайней мѣрѣ, ту, черезъ которую я вошелъ. Оказалось, что это была нежизная половина школьнаго зданія, которую наполняли исключительно крыси; онѣ скреблись и пищали; я слышалъ, какъ онѣ ежеминутно шуршали, перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Вскорѣ, черезъ рядъ заброшенныхъ комнатъ, меня провели въ квартиру учителя. Учителемъ оказался молодой человекъ, лѣтъ 17—18, изъ V класса гимназіи.

—Семченко,—отрекомендовался онъ.

Квартира Семченко состояла изъ одной комнаты съ столомъ, двумя вѣскими стульями и кроватью. На стѣнѣ висѣла небольшая этажерка собственной работы учителя, занимавшагося вышивкой.

—Ахмедъ! Эй, Ахмедъ, самоваръ!

Въ ожиданіи самовара мы подошли къ столу и не прошло нѣсколько минутъ, какъ между нами завязалась самая оживленная бесѣда.

—Школа моя, говорилъ Семченко, находится среди совершенно пустынной мѣстности; кромѣ станціи, здѣсь нѣтъ ни одного человѣческаго жилья. Ближніе киргизы вынуждены въ 25—30 верстахъ отсюда. Я пріѣхалъ недавно—всего два мѣсяца. У меня 7 учениковъ и сторожъ. Я не знаю киргизскаго языка, киргизы—русскаго. Вотъ мое положеніе! Патуральный методъ не помогаетъ,—умираю съ голода и отъ скуки; мнѣ хуже, чѣмъ Робинзону.

Дѣйствительно, видъ этого Робинзона былъ ужасный.

—Ахмедъ! Эй, Ахмедъ, самовары!

Явился сторожъ съ огромныхъ позеленѣвшихъ самоваровъ, принесъ затѣмъ чайникъ и стаканы и еще какой-то удивительный круглый пред-

жетъ. Я призналъ этотъ предметъ за археологическую находку и мнѣ показались даже куфическія надписи.

— Табá, табá,—говорилъ Ахмедъ,—женгизъ (кушайте)!

— Это — лепешка, пояснилъ Семченко. Нѣтъ-ли у васъ топора разрубить ее?—обратился ко мнѣ онъ. Лице Семченко было совершенно серьезно.— Ножъ ее не возьметъ.

— Попробуйте,—сказалъ я, можетъ быть, и возьметъ.

Учитель взялъ ножъ, но киргизъ—сторожъ остановилъ его.

— Болмайдн (ничего не выйдетъ).

— Какъ-же ее ѣсть?

— Билъмейминъ (не знаю).

Сторожъ ухлибнулся во весь широкій свой ротъ, показывая рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, готовыхъ сокрушать не только эту, но желѣзную лепешку, если-бы таковая была.

— Не лучше-ли воспользоваться жонкъ мѣшкомъ? спросилъ я Семченко.

Мы достали хлѣбъ и закуску и семейно расположились за чайникъ столонъ.

— Да, очень тяжело здѣсь жить.

Семченко глубоко-глубоко и грустно вздохнулъ.

Мнѣ стало жаль этого несложившагося еще взрослому.

— Вы перепросились-бы на другое мѣсто, не кликомъ съѣтъ сошелся.

Но онъ, казалось, не слушалъ меня.

— Иной разъ наложилъ-бы руки на себя, только вотъ она и спасаетъ. Онъ махнулъ рукой по направленію къ этажерѣ.

Я взглянулъ туда-же, полагая, что гдѣ-нибудь стоитъ бутылочка, эта русская утѣшительница, но увидѣлъ портретъ молодой дѣвочки съ нависшимъ улыбающимся личикомъ.

— Это моя невѣста. Все думаю какъ-нибудь устроиться.

— Здѣсь-то?

— Конечно, лучше было-бы въ русскомъ селеніи, а здѣсь, какъ мой предѣстникъ, съ ума сойдешь. Сидѣлъ-сидѣлъ да и снятилъ бѣдняга. Какъ началась весна, онъ сталъ собирать прошлогодній сухой камышъ да таловныя прутья и вить себѣ на крышѣ гнѣздо. И теперь оно тамъ—большое, страшное. Свилъ, залѣзъ и сидитъ и ничѣмъ не вызовешь оттуда. Какъ только подойдетъ кто-нибудь къ нему, онъ поднимаетъ вверхъ руки, точно птица крыльями взмахиваетъ, да и закаркаетъ: каръ-каръ-каръ! Страшно было смеяться. Киргизы говорили: шайтанъ въ русскаго вошелъ, но своему дѣвичкѣ баксу (знахаря) призывали, да толку не вышло. Бакса на кобней игралъ и въ лицо плевалъ больному. Сильный, говоритъ, чертъ вселился въ русскаго; я ему въ морду плюю, а онъ только посмѣивается.

Изъ темнаго угла вдругъ выскочили двѣ огромныя бурныя крысы и стали драться. Семченко вздрогнулъ, и я, взглянувъ на лицо его, несколько подумалъ: ну, и этотъ не далеко отъ гнѣзда, чего добраго—весномъ сидеть

— Не могу помириться съ этими отвратительными животными,—заговорилъ онъ,—ихъ здѣсь тысячи. Они доводятъ меня до сумашествія и ничего не боятся.

Я не спалъ всю эту ночь. То шумѣли и пищали крысы, то представлялся учитель въ гнѣздѣ, то вырисовывалось личико невѣсты Семченко, а самъ онъ тоже сидѣлъ въ гнѣздѣ и каркалъ, какъ мельникъ въ «Русалкѣ». Вычталнѣе было тяжелое. Наконецъ, приблизился разсвѣтъ. Я поднялся и разбудилъ Семченко, спавшаго тревожнымъ сномъ. Снова появился самоваръ и неизмѣнная табѣа, а затѣмъ были поданы лошади. Тройка захудалыхъ ключъ, никогда достаточно нескормленныхъ, съ потертыми плечами и спинами, неподвижно стояла у крыльца. Мы распростлились. Я сѣлъ въ экипажъ. Ямщикъ началъ нахлестывать коней, но они не думали подниматься съ мѣста. Слегка буранило...

—Еще разойдутся, говорилъ ямщикъ,—рысью пойдутъ,—надо только размяться...

Эй, вы—шайтаны!

Онъ всталъ съ козелъ, взялъ подъ узцы коренника, кричалъ и махалъ кнутомъ, но лошади только патились назадъ.

—Еще разойдутся,—рысью пойдутъ. Эй вы, тюрѣ ѣдетъ!..

А лекторовъ, А. Е. — Что нужно для обрусѣнія инородцевъ. «Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 207. Авторъ говоритъ по поводу напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1892 г. статьи П. Ш. Смирнова «Обрусѣние инородцевъ и задачи обрусительной политики». Въ то время, какъ г. Смирновъ своимъ девизомъ на знамени обрусителей ставитъ «христіанство для инородцевъ», г. А лекторовъ «школа для инородцевъ, какъ средство обрусѣнія». Школа подготовила бы почву и для воспріятія христіанскихъ идей, о которыхъ здѣсь говорили бы и которыя здѣсь проводили бы въ жизнь и учителя, и книги. Тогда, говоритъ г. А лекторовъ, пусть явятся миссіонеры и бросятъ сѣмена на воздѣланную почву. Статья посвящена въ значительной степени вопросу о просвѣщеніи киргизовъ Внутренней орды.

А лекторовъ, А. Е. Библиографическая записка. «Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 250.

Рецензія на Буиваръ для киргизовъ. Казань, 1892 г.

А лекторовъ, А. Е.—Матеріалы для исторіи Астраханскаго края. Изъ письма Хана Джангера къ графу Неровскому, — «Астраханскій Листокъ», 1892 г. №№ 258 и 259.

А лекторовъ, А. Е.—Злой Кадій. Изъ рассказовъ Бахты—Гирей Ай-Ханъ—Султанова. — «Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 1.

Очеркъ жизни киргизовъ.—Киргизская сказка.

А лекторовъ, А. Е.—Ханская Ставка.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 11.

Корреспонденція объ открытіи при Ставочномъ двухклассномъ русско-киргизскомъ училищѣ первой въ Букеевской ордѣ публичной бібліотеки.

Алекторовъ, А. Е.—Низ киргизской степи.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 13.

Говорится, что въ Букевской орды сдѣлано запрещеніе продавать запасъ сѣна. Распоряженіе вызвано желаніемъ мѣстной администраціи обезпечить ордынскій скотъ на случай, если бы зима была суровая, продолжительная и бурная. Въ корреспонденціи ставится вопросъ—что же дѣлать съ сѣномъ тѣмъ изъ киргизовъ, у которыхъ скотоводство стало только преданіемъ, или тѣмъ, у которыхъ сѣна болѣе, чѣмъ нужно имъ для скота.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскій романъ.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 13.

Очеркъ жизни киргизовъ.—Составленная киргизской дѣвушкой, Ханъ-Ханнимъ, пѣсня: «Съ тобой мы дѣлили радость и горе»...

Алекторовъ, А. Е.—Низ киргизской степи.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 30.

Сообщается, что въ Нарынской части Внутренней—Букевской орды лѣтомъ 1892 года былъ неурожай кормовыхъ травъ и что киргизы съ половинъ декабря кормили уже скотъ своей овсомъ, покупаемымъ въ Ханской Ставкѣ и въ деревнѣ Новой Казанкѣ. Многие погнали табуны свои въ сѣвднія части—Камышъ-Самарскую и Торгунскую. Бѣдныя съ осени двинулись въ приморскіе округа, надѣясь что-нибудь заработать тамъ на ватагахъ или у зажиточныхъ киргизовъ.

Алекторовъ, А. Е.—Книжный Листокъ.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 162.

Рецензія на Краткій русско-киргизскій словарь. Оренбургъ, 1893 г.

Алекторовъ, А. Е.—Книжный Листокъ. Отчетъ переводческой Комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества, учрежденной при братствѣ св. Гурія въ г. Казани. Казань, 1893 г.—«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 168.

Указываются книги, изданныя на киргизскомъ языкѣ, при участіи и подъ руководствомъ г. В. В. Катаринскаго ¹⁾.

Алекторовъ, А. Е.—Годъ «Зайца». «Московскія Вѣдомости», 1891 г., № 313

Наибольшая мѣра времени у киргизовъ «мучель», равняющаяся двѣнадцати годамъ, которые имѣютъ названія животныхъ, при чемъ особенно тяжелымъ является почему-то 4-ый годъ—«Зайца» (козля-жмил).

¹⁾ Получилъ образованіе въ Казанской духовной академіи,—состоитъ окружнымъ инспекторомъ инородческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизскія земли. «Московскія Вѣдомства», 1892 г., № 38.

О неправильномъ распредѣленіи между киргизами Внутренней орды земель послѣ несправедливой раздачи и распродажи ихъ послѣднимъ ханомъ орды Джангеромъ Букеевымъ.

Алекторовъ, А. Е.—Букеевская орда.—«Московскія Вѣдомства», 1892 г., № 68.

Въ статьѣ говорится о недостаткахъ мѣстнаго управления.

Девяносто лѣтъ, протекшія со времени переселенія киргизовъ изъ степей зауральскихъ, говоритъ Алекторовъ, скользя только по поверхности ихъ, не задѣвъ нисколько внутренней жизни киргизовъ, не поставивъ ихъ въ близкое общеніе съ окружающимъ русскимъ народомъ. Жили они все время какъ-то особенно, представляя собой въ нѣкоторомъ родѣ отдѣльное княжество, платившее Россіи «подати». Сначала мы не смѣли сдѣлать преобразованіями своими что-нибудь неурядное хану Букееву, благодарные ему за то уже, что онъ перешелъ съ подвластными киргизами на правый берегъ Урала, отблвншіе тѣмъ самымъ отъ безпокойной, постоянно волнуемой массы соплеменниковъ, а затѣмъ мы были поставлены въ ложное положеніе ханомъ Джангеромъ. По смерти его было уничтожено ханское достоинство и былъ учрежденъ временный совѣтъ, во главѣ котораго былъ поставленъ братъ покойнаго хана Адиль Букеевъ, а членами были Менгли-Гирей Букеевъ и Чука Нуралиевъ; кромѣ того командировался въ качествѣ члена временнаго совѣта чиновникъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Совѣтомъ вѣдался дѣла, зависяція отъ разсмотрѣнія и разрѣшенія хана, а составляющіе орду киргизскіе роды управлялись каждый особымъ родоуправителемъ или султаномъ, а части или отдѣленія родовъ—«старшинами», изъ простыхъ киргизовъ; для присутствованія же при слѣдствіяхъ по дѣламъ ординцевъ съ «пограничными» ихъ сосѣдями, опредѣлялись на члвѣстныхъ инстанціяхъ «депутаты» (консулы) изъ султанскаго рода.

Такой порядокъ вещей, съ управляющимъ ордой киргизомъ во главѣ, который былъ чуждъ русскимъ началамъ и, по возможности, тормозилъ всякое благое начинаніе со стороны высшей мѣстной администраціи, продержался до 1858 года; въ этомъ же году, 24 января, предсѣдателемъ совѣта по управленію ордой назначенъ былъ русскій чиновникъ и штату совѣта, въ отношеніи административнаго управленія, предоставили кругъ дѣйствій палатѣ государственныхъ имуществъ, а въ отношеніи судебномъ—уѣзднымъ судамъ.

Поставленный во главѣ управленія народомъ киргизскимъ, временный совѣтъ считалъ, конечно, прямою своею обязанностью поддерживать интересы киргизовъ, защищая культуру ихъ, самобытность и не допуская къ нимъ народно-русскій элементъ; открывалось широкое поле для проходимцевъ—муллъ и процвѣтали народныя суды «биевъ»; азіатскій поря-

докъ царилъ по широкому лицу Букеевской степи и не было мѣста вопро-самъ на счетъ обрусѣнія края.

Становились иногда во главѣ управленія и такія личности, кото-рыя, понимая преимущество однородности въ составѣ государства предъ разноплеменностью, разноязычностію и разновѣріемъ и зная, что у кир-гизовъ не было никогда и быть не можетъ собственной культуры, дѣй-ствовали въ духѣ объединенія киргизовъ съ русскими, но имъ на пути становились чиновники изъ киргизовъ, которые, въ сущности, заправля-ють дѣлами орды. Мы разумѣемъ здѣсь управителей.

Еще въ 1860 году Букеевская орда раздѣлена была на 7 частей: 1-ю Прикаспійскую, 2-ю Прикаспійскую, Камышъ-Самарскую, Нарынскую, Калмыцкую, Таловскую и Тургунскую. Каждую изъ этихъ частей теперь завѣдуетъ особый правитель изъ мѣстныхъ ордынцевъ, въ кругъ обязан-ности котораго входятъ, во-первыхъ, ближайшій полицейскій надзоръ за киргизами, въ предѣлахъ части его кочующими, наблюденіе за тишиной и порядкомъ, сборъ и взносъ податей и, во-вторыхъ, рѣшеніе въ некоторыхъ спорныхъ дѣлахъ по народнымъ обычаямъ, при участіи старѣйшихъ обще-ства; при каждомъ изъ правителей состоитъ помощникъ, писмоводитель и толмачъ (или переводчикъ). Каждая часть Внутренней орды дѣлится на «старшинства», «старшинства» — на «аулы»; старшинствами завѣдуютъ «старшины», избираемые обществами, они находятся въ непосредствен-номъ подчиненіи управляющимъ. Эти послѣдніе, вкупѣ съ помощниками (тоже киргизами), депутатами (консулами), старшинами и переводчиками составляютъ поместныя темное царство, куда едва ли когда-нибудь можетъ проникнуть лучъ свѣта; здѣсь конецъ всякому русскому вліянію.

Вотъ сущность статьи А. Е. Алекторовъ, который выражаетъ жела-ніе, чтобы съ преобразованиемъ орды, по возможности, были устранены туземные чиновники. Статья перепечатана Астраханскимъ Вѣст-никомъ — №№ 776 и 777 и Астраханскимъ Листкомъ № 44.

Алекторовъ, А. Е.—Задачи русской школы въ инородческой ордѣ.—«Московскія Вѣдомости», 1895 г., № 261.

Говоря о задачахъ русской школы въ инородческой ордѣ, какъ луч-шемъ проводникѣ обрусительныхъ началъ, авторъ касается вопроса объ образованіи киргизовъ Тургайской области, которые далеко опередили въ этомъ отношеніи своихъ сосѣдей, т. е. киргизовъ другихъ степныхъ обла-стей. Не элементъ случайности, говоритъ г. Алекторовъ, преобладалъ въ развитіи дѣла образованія киргизовъ Тургайской области на русской почвѣ и въ русскомъ духѣ, а сознаніе учебнымъ начальствомъ и област-ной администраціей государственной важности этого дѣла и, вслѣдствіе этого, послѣдовательное проведеніе началъ образованія въ темноту и враж-дебную намъ по духу и строю жизни среду мусульманъ. Путемъ упор-ныхъ методическихъ усилій въ Тургайской области достигли того, что киргизы съ полнымъ довѣріемъ стали относиться къ русской школѣ и ко всему русскому. На ряду съ этимъ стало замѣчаться колебаніе мусуль-манской школы, гдѣ иное киргизское поколѣніе воспитывалось и воспиты-

вается въ ненависти къ Россіи, какъ странѣ цвѣтрихъ, и гдѣ взоры дѣтей обращаются на Стамбуль (Константинополь).

Алекторовъ, А. Е. — Исламизмъ и киргизы. — «Московскія Вѣдомости» 1897 г., № 301.

Авторъ въ своей статьѣ обращаетъ вниманіе на то, что киргизы, этотъ способный и весьма восприимчивый народъ, все болѣе и болѣе мусульманиваются и отатариваются. Этому, говоритъ авторъ, не мало способствовала въ старое доброе время и наша русская администрація — постройкою мечетей и открытіемъ мусульманскихъ школъ. Затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько документовъ, доказывающихъ это. Татары, поощряемые самими правительствомъ, разводили вездѣ своимъ учителямъ—медресе и мектебе, обученіе въ которыхъ, оставляя учениковъ крайне неразвитыми, сильно дѣйствуетъ на нравственную сторону учениковъ, возбуждая въ нихъ фанатизмъ и слѣпое вѣрованіе въ правила ислама. Мы же, говоритъ авторъ, съ сожалѣніемъ, остановились на однихъ благихъ наміреніяхъ и предположеніяхъ обрусенія киргизовъ, и вотъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ дальше этихъ камѣней мы не идемъ, но пока мы думаемъ да гадаемъ, нами же пробужденные сторонники ислама уже дѣйствуютъ. Изъ этихъ сторонниковъ ислама авторъ приводитъ наиболѣе виднаго — г. Имама Гаспринскаго, редактора-издателя «Переводчика», проповѣдующаго на страницахъ своей газеты, что «Россія дѣлается все болѣе и болѣе мусульманскимъ государствомъ, и все предсказываетъ, что въ будущемъ она станетъ однимъ изъ величайшихъ мусульманскихъ государствъ» («Переводчикъ», 1893 г., № 24). Этимъ же г. Гаспринскимъ и другими видными дѣятелями мусульманами строятся новыя и реформируются пренія мусульманскія училища въ Ялтинскомъ уѣздѣ, въ Балчисарѣ, въ Феодосіи, Симферополѣ, Касимовѣ, Илецкѣ, Оренбургѣ, Казани, Уфѣ, Тарѣ, Семипалатинскѣ, Пензѣ, Самарандѣ, Вяткѣ, Пермь, Симбирскѣ и всюду, гдѣ крѣпко засѣли татары. Вотъ какимъ путемъ, говоритъ въ заключеніе авторъ, идетъ объединеніе мусульманскихъ народовъ Россіи. Теперь желѣзнымъ кольцомъ окружили татары и киргизскую степь и скоро не будетъ выхода степнякамъ на широкій просторъ. Уже слышится всюду татарская рѣчь; самый образъ жи: ни на половину отатаренъ. А что мы за это время сдѣлали, чтобы Россія была болѣе христіанскимъ, чѣмъ мусульманскимъ государствомъ? Мы, русскіе, не можемъ самовольно устраивать педагогическихъ курсовъ, не можемъ самовольно командировать учителей, мы, русскіе, не можемъ самовольно устраивать школы... Все это могутъ дѣлать только татары мусульмане. Это спасаетъ отчасти наше самозлюбіе, но что выйдетъ въ концѣ концовъ? Можетъ ли кто поручиться, что въ этихъ самовольныхъ и неизвѣстно гдѣ открытыхъ медресе и мектебе не раздается проповѣдь, отъ которой не поздоровится Россіи? И неужели мы будемъ продолжать бездѣйственно смотрѣть на то, какъ все крѣпче сжимается желѣзное кольцо, которымъ опоясали татары киргизовъ, этотъ способный и весьма восприимчивый народъ?

Алекторовъ, А. Е.—Паши просвѣтительныя задачи въ Средней Азіи.—«Московскія Вѣдомости», 1898 г. №№ 300 и 301.

Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Для достиженія культурныхъ цѣлей въ Средней Азіи необходимо, прежде всего, ввести русское законодательство тамъ, гдѣ дѣйствуетъ туземное судопроизводство. Такъ называемые народныя суды—слишкомъ темныя учрежденія и судьи—ликонцы. Русскій судъ требуетъ сама населеніе. Когда, съ введеніемъ въ дѣйствіе Стеннаго положенія 1891 г., отъ русскаго судопроизводства отняли брачныя дѣла, туземцы положительно растерялись и доселѣ не знаютъ, что дѣлать—отъ своихъ судовъ правды не добьешься, а уѣздный начальникъ и губернаторъ жалобъ не принимаютъ, и вотъ поспалилъ прошенія въ разные мѣста и учрежденія. Передъ авторомъ лежитъ прошеніе киргиза № 4 аула Аракарагайской волости, Кустанайскаго уѣзда, Семта-Сексенбаева. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1898 г., пишетъ онъ, я взялъ себѣ въ замужество дочь татарина г. Кустаная Камала Ахтямова—Шамсію и вѣчалъ меня мулла Забировъ; я выдалъ въ калымъ лошадь въ 60 рублей товару купилъ на 20 рублей, деньгами выдалъ 10 рублей, за вѣчаніе далъ 3 рубля, купилъ барана—8 рублей, 1 ф. чаю и 4 ф. сахару на 2 р. 22 коп., а всего израсходовалъ 103 р. 22 коп. Въ настоящее время Ахтямовъ дочь свою взялъ, а имуществомъ моимъ воспользовался. Нашъ судъ, кто больше дастъ, того и признаетъ правымъ, а я—человѣкъ бѣдный и дать ничего не могу, кромѣ одного барана, а что одинъ баранъ значитъ? Войдите въ защиту мою, никто не принимаетъ прошенія,—всѣ говорятъ не ихъ это дѣло; чье же дѣло, какъ не нашихъ начальниковъ? Такихъ случаевъ десятки тысячъ. Затѣмъ—необходимо поставить на должную высоту русскую школу, какъ единственный проводникъ въ темную среду инородцевъ просвѣтительныхъ началъ. Русскихъ училищъ, гдѣ они не поставлены болѣе или менѣе правильно, туземцы не боятся. Въ приѣздѣ указывается Тургайская область. Въ заключеніе авторъ останавливается на колонизаціи степей. Русскій переселенецъ, гдѣ онъ есть, внесъ уже новыя начала, новый строй жизни въ среду кочевниковъ, которые охотно стали заниматься земледѣліемъ и ведутъ уже почти осѣдлую жизнь.

Алекторовъ, А. Е.—Чудесный ножъ, киргизская сказка—«Оренбургскій Край», 1893 г., № 87.

Алекторовъ, А. Е.—Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій и степные походы въ управленіе его Оренбургскимъ краемъ.—«Оренбургскій Край», 1893 г. №№ 109, 112, 115, 118 и 121.

Есть историческія данныя, которыя касаются киргизовъ,—подданство ихъ русскому народу, грабительства въ степи и высылка легкихъ отрядовъ въ 1836 и 1837 годахъ, для наказанія непокорныхъ киргизовъ,—бунтъ Исетая Тайманова, Каина Галиева и Джуламана, — Кеисара Касимовъ и т. д.

Алекторовъ, А. Е.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ говорится о киргизахъ.—Тургай-

ская Газета», 1895 г. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 37, 39, 40, 41, 43 и 45.
Указатель касается 1893 года.

А лектор овъ, А. Е.—Въ гостяхъ у старика Утетлеу. — Тургайская Газета», 1895 г. № 9.

О пожертвованіи Байгулинымъ деревяннаго зданія подъ аульную школу

А лектор овъ, А. Е.—Сказка Тлеули. Этнографическій очеркъ.— «Тургайская Газета», 1895 г. № 11.

А лектор овъ, А. Е.—Рецензія на книгу В. Н. Витевскаго—Н. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Казань, 1895 г., вып. IV—«Тургайская Газета», 1895 г., № 25.

А лектор овъ, А. Е.—Курманбай.—«Тургайская Газета», 1895 г., № 39.

Карагайлысайская лощина—одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Кустанайскаго уѣзда. Лѣтомъ она покрыта роскошною муравой, а по загорью раскинулся перелѣсокъ. Играетъ легкій степной вѣтерокъ, колыхаетъ густую траву, шумятъ березами и такъ пріятно провести здѣсь, на лонѣ природы, жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Но киргизы въ Карагайлысай только зимуютъ. Имъ лѣтомъ нуженъ просторъ, степная ширь, и въ зимнее время—уютный тихій уголокъ, какъ эта Карагайлысайская лощина, куда не скоро заберется сѣверо-восточный холодный вѣтеръ и гдѣ не дойдутъ свирѣже зимніе бураны.

Въ Карагайлысай зимуетъ Курманбай-пѣвецъ,—онъ славится на всю Кипчаральскую волость, да и за ея предѣлами имя его между киргизами довольно популярно. Въ молодости своей Курманбай былъ въ Акмолинской и Семирѣченской областяхъ, гдѣ слушалъ лучшихъ пѣвцовъ и самъ пѣлъ. Ему теперь за 40 лѣтъ; онъ средняго роста съ маленькою бородкой; зимю на немъ всегда овчинныя шаровары и черныя бешметы. Поетъ Курманбай рѣдко, только по просьбѣ заѣзжихъ гостей, но поетъ увлекательно, весьма пріятнымъ голосомъ; иногда онъ, какъ и большинство киргизскихъ пѣвцовъ, прозаительно взвизгиваетъ, но это не портитъ пѣнія и совершенно гармонируетъ съ окружающею обстановкой. Мало умѣть пѣть,—киргизскому пѣвцу, необходимо еще быть человѣкомъ умнымъ, который могъ бы отвѣтить всегда на запросы жизни. Таковъ и Курманбай. Добра у него старая, заклеенная листками «Тургайской Газеты», но онъ не протѣкаетъ ее, вѣрояно, ни на какую новую. Какъ жалебно поетъ онъ, когда рассказываетъ о путешествіяхъ, далеко ушедшихъ отъ родины и скучающихъ на чужбинѣ. Возвратъ описывается свѣтлыми красками; быстрѣ и быстрѣ перебираются струны добры и все веселѣе звучитъ голосъ Курманбая. У слушателей физиономіи расплываются въ радостную улыбку. Еще немного и—покажется дымъ изъ кибитокъ.—уже близокъ родной аулъ. Далѣе—трогательное свиданіе, и пѣсня заканчивается миромъ. Курманбай представляетъ слѣдующихъ пѣвцовъ Ток-

жапа и Жуматая, при чемъ страшно верочають глазами, такъ-что ужасъ охватываетъ ребятишекъ и жутко становится взрослымъ. Оригинально и забавно поется «быкъ». Быкъ идетъ, поводитъ глазами. Явственно слышится ревъ разъяренного животного, сначала вялый, а потомъ—все ближе и ближе,—онъ роетъ рогами землю; слушатели улавливаютъ въ иѣннѣ шорохъ разбрасываемой земли. Раздается протяжный сильный ревъ, легкое мчашье, фырчанье... Передать «быка» пелъза, — надо видѣть и слышать эти бесконечно-разнообразные оригинальные бо-бо-бо-бе-бе-бе. Съ быкомъ сравниваются люди — упрямые и глухие. Слушатели неистово хотятъ. Интересенъ одинъ молодой человекъ — влюбленный. Онъ идетъ взглянуть на предметъ своей страсти. Тошій конь его еле передвигаетъ ноги, а онъ мечтаетъ о томъ, какъ увидитъ свою красавицу, обовьетъ руками гибкій станъ ея и бесконечно будетъ смотрѣть въ черные глубокие глаза; конь уже спотыкается, а влюбленный все мечтаетъ о свиданьи; ни хлѣба, ничего уже нѣтъ,—хочется ѣсть, а онъ все мечтаетъ... Наконецъ, становится ясно, что не дойти ему. Нашелся ключекъ бумаги, и молодой человекъ пишетъ письмо:— «Милая моя, дорогая! О, скоро-ль увижу тебя? Радость моя, ненаглядная, безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь»... Тутъ увидѣлъ онъ одну дѣвушку и, вмѣсто прежней, отдалъ ей письмо. Таковы иѣннѣ чувства у современной молодежи. Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе произвела на меня иѣннѣ дѣвушки; при выходѣ замужъ за немилаго, она до того плачетъ—разливается, что вы представляете всю картину и какъ бы видите склонившюся на руки матери эту дѣвушку и жалко вамъ ее. Представляетъ Курманбай иѣннѣ калмыка, сарта, татарина, башкира. Татары осмѣиваются, какъ замкнутыя свои иѣннѣ и напѣвы у русскихъ.

Ой, люблю, люблю косари,—
Бульно рано почали...
Ой люблю, люблю косари,—
Люблю етнн бас....

И все это подъ музыку съ разнообразными вывертами и съ самымъ добродушнымъ насмѣшкой.

А лекторовъ, А. Е.—Ничто о рубль.—«Тургайская Газета», 1896 г., № 76.

«Просвѣтлѣніе и поиски знаній не миловали и сѣверо-восточныхъ мусульманъ Россіи. Въ Казани думаютъ устроить общественную читальню, а въ Троицкѣ крѣпко заняты упорядоченіемъ преподаванія и улучшеніемъ быта учащихся. Тутъ особенно радуетъ за это дѣло Абдували Ягушевъ, ободраемый почетнымъ шейхомъ Зейнулла Эфендіемъ.

Казалось-бы, говорить авторъ, это извѣстіе, взятое изъ «Переводчикъ», должно произвести чрезвычайно пріятное впечатлѣніе; можетъ быть, на кого-нибудь оно и произвело такое впечатлѣніе, но меня, живущими русскими началами и близко знакомого съ строемъ и направленіемъ жизни мусульманъ, оно только покоробило. Не думайте, читатель, что въ Казани, въ этомъ центрѣ умственного просвѣщенія восточной Россіи, нѣтъ ни одной

общественной читальни и что мусульманамъ принадлежитъ инициатива открытія, — имъ надо свою собственную народную читальню, гдѣ получались бы татарскія газеты и имѣлись бы татарскія, турецкія и арабскія книги, гдѣ не нахло бы, такъ сказать, русскимъ духомъ. Не думайте также, чтобы чтобы въ Троицкѣ заняты были упорядоченіемъ преподаванія въ общепринятомъ смыслѣ и чтобы Абдубели Ишувъ ратовалъ за русское дѣло, за русскую школу, — ничуть не бывало! Троицкъ-городъ почти исключительно мусульманскій. Мы уже не однажды писали, продолжаетъ авторъ, что отсюда быстрыми шагами распространяется въ степи татаризація киргизовъ, а потому вся забота троицкихъ мусульманъ направлена именно въ эту сторону. т. е. къ развитію и расширенію медресъ и мектебевъ и къ привлеченію въ нихъ большого количества инородцевъ-киргизовъ и башкиръ. Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ ученики «старшаго круга», во главѣ съ мударрисами, ишанами и шейхами, расходятся по ауламъ кыргизовъ, неся проповѣдь ислама и отрицая все не мусульманское; особенно сильно ратуютъ противъ русской школы, которая завоевываетъ расположеніе тургайскихъ киргизовъ. По осени проповѣдники снова возвращаются въ Троицкъ — въ медресе и мектебы, нѣкоторые же остаются въ аулахъ въ качествѣ муллъ и вѣроучителей и живутъ въ степи, по нѣскольку лѣтъ. Борьбѣ съ зломъ, или распространяемимъ, почти невозможно: съ одной стороны, татары страшная денежная сила — и на рынкѣ, и въ думѣ, и въ банкахъ, и вездѣ, а съ другой — они слишкомъ изворотливы, чтобы понастаться. Опорнымъ пунктомъ для вліянія на киргизовъ троицкіе татары избрали г. Кустанай, этотъ русскій Чикаго. Какъ ни жестоко боролась съ ними областная администрація, они все-таки пробивались сюда и крѣпко засѣли, какъ клопы въ разбитый мочальный тюфякъ.

При чемъ же тутъ рубль? Спрашиваетъ авторъ.

— Рубль нѣсколько впереди.

Изъ Кустаная татары проникли въ Тургай и затѣли — въ Пргизъ и Карабутакъ. Всюду, гдѣ они появлялись, отрывали мектебы и учили кыргизскій народъ мусульманской вѣрѣ, проводя идеи, съ которыми русской администраціи приходится усиленно бороться. Въ одномъ Кустанай появилось около 6—7 мектебевъ. Муллы переходили изъ дома въ домъ, и трудно было опредѣлить — гдѣ собственно школа и какая. Наконецъ, въ ноябрѣ или декабрѣ 1894 года мѣстная полицейская власть услѣдила три учителя и были составлены акты о самовольномъ и незаконномъ ихъ открытіи. Ниязъ Бакій Бектемировъ, Гатаулла Абдуллатиповъ и Ягуда Хабибуллинъ привлечены были къ ответственности въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1049 ст. Ул. о Нак.

Вотъ тутъ-то мы и подходимъ къ рублю.

Съ 5 января 1895 года началась судебная волокита. Дѣло разобралось 2 ноября 1895 года, а постановленіе суда о закрытіи мектебе объявлено, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ, т. е. черезъ три мѣсяца. Ниязъ Бакій Бектемировъ, Гатаулла Абдуллатиповъ и Ягуда Хабибуллинъ признаны троицкимъ окружнымъ судомъ виновными и подвергнуты денежному взыскаію въ пользу капитала призрѣнія лицъ, пріобрѣтшихъ право на обученіе юнше-

ства въ частныхъ домахъ, въ размѣрѣ одного рубля каждый, а при несостоятельности—аресту при полиціи на одинъ день.

Судъ нельзя сказать, говоритъ авторъ, чтобы особенно былъ скорый, но милостивый исполнѣ. Мы не позволимъ себѣ, замѣчаетъ онъ, конечно, назвать такое рѣшеніе насмѣшкою надъ правосудіемъ, но что такое рубль, читатель знаетъ; это—монета по нашему времени, не имѣющая почти никакой цѣны въ родѣ стариннаго ломаннаго грѣша. Если-бы Иванъ укралъ у Сидора лошадь, у него, т. е. у Ивана, отобрали-бы ее и не зачли-бы это въ наказаніе за воровство; такъ и закрытіе незаконно открытаго мектебе не есть наказаніе открывшему,—все дѣло значить въ рублѣ! Автора встрѣтилъ татаринъ Абдулъ-Гамидъ Хамидовъ и говоритъ:

— Ай-ай, русскій судъ бульня хуроша, теперь наше дѣло малъ-жалѣ впередъ пойдетъ... Годъ-два, учимъ «ахту» (исс. актъ) составлять,—годъ-два судятъ, рублевку штрафу возмутъ, а въ 4 года плохой мулла зарабатываетъ 1000 рублей, 999 рублей, значить, въ барышахъ... Моя брата муллою пустили, свата пустили, племянника пустили и самъ мектебъ открываю... Бульня хуроша!

Алекторовъ, А. Е.—Тулегенъ. Киргизская сказка.—«Тургайская Газета», 1896 г., № 96.

Алекторовъ, А. Е.—Отрывокъ изъ дневника учителя аульной школы. «Тургайская Газета», 1897 г. № 7, 8 и 9.

Отрывокъ представляетъ собою нѣкоторый этнографическій интересъ.

Алекторовъ, А. Е.—Местъ. Разсказъ.—«Тургайская Газета», 1897 г. № 129.

Въ этомъ разсказѣ г. Алекторова яркими красками обрисовано безотрадное положеніе киргизской женщины, лишенной права свободнаго выхода замужъ (С. Гарденинъ).

Алекторовъ, А. Е.—Тургайская область. Естественныя и производныя силы области, хозяйственная дѣятельность ея населенія и народное образованіе. Статистическіе очерки.

Приложеніе къ № 2, 3 и 4 «Циркуляра по Оренбургскому учебному округу» за 1891 годъ.

Для читателей, говоритъ авторъ, не имѣвшихъ случая познакомиться съ тургайскою областью лично или изъ официальныхъ источниковъ, область эта должна представляться не иначе, какъ terra incognita, — тѣмъ болѣе, что случайно попавшія въ печать свѣдѣнія о Тургайской области заключаютъ въ себѣ часто весьма рѣзкія несообразности; такъ, напримѣръ, въ издаваемомъ Гоппе «Всеобщемъ Календарѣ» въ росписи городовъ Россійской имперіи нѣсколько лѣтъ сряду появлялся Иргизъ, населенный 2775 лицами мужскаго и женскаго пола, между тѣмъ объ этомъ же самомъ Иргизѣ въ известной брошюрѣ «Пески Кара-Кумъ по отношенію къ средне-азиатской желѣзной

дороги» утверждается, что онъ имѣетъ жителей только 123 души обоого пола. Официальные источники, хотя и ближе подошли къ истинѣ, но до послѣдняго десятилѣтія и они не могли считаться удовлетворительными, такъ какъ, по отсутствію въ области всякой статистики основывались не на точныхъ изслѣдованіяхъ, а на гадательныхъ предположеніяхъ. Только въ послѣднее время, благодаря стараніямъ центральной областной администраціи, дѣло статистики получило нѣкоторое развитіе, результатомъ сего и является настоящій трудъ, основанный, съ одной стороны, на официальныхъ данныхъ послѣдняго времени, съ другой стороны—на разсмотрѣніи печатныхъ источниковъ и рукописей и съ третьей—на личныхъ мнѣніяхъ наблюденіяхъ.

Содержаніе книги «Тургайская область» составляютъ слѣдующія главы:—Что представляетъ собою для читателя Тургайская область—На основаніи чего составлено статистическое описаніе этой области.—Границы ея.—Характеръ мѣстности, которую занимаетъ Тургайская область.—Растительное царство.—Площадь Тургайской области и административное ея раздѣленіе.—Г. Тургай.—Г. Ирғизъ.—Фортъ Карабутакскій.—Акъ-Тюбе.—Уѣздныя управленія.—Скотоводство киргизовъ.—Дѣсководство.—Соль.—Горная промышленность.—Численность кочевого населенія Тургайской области.—Численность осѣдлаго населенія.—Поселеніе Кустанай.—Величина уѣздныхъ городовъ, по количеству построекъ въ нихъ.—Подати.—Земскія повинности.—Содержаніе земскихъ трактовъ и почтового. Дѣло народнаго образованія.—Освопрививаніе.—Содержаніе джигитовъ.—Покрываютъ ли расходы киргизы Тургайской области доходами.—Организація медицинскон помощи.—Народная нравственность.—Нѣсколько словъ по поводу одной замѣтки газеты «Переводчикъ» и нѣсколько словъ по адресу «Стенной Газеты».

А лекторовъ А. Е.—Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея въ Станочномъ двухклассномъ русско-киргизскомъ училищѣ 6-го декабря 1891 года.—«Циркуляръ по Оренбургскому учебному округу», 1892 г., № 1.

Нельзя не отмѣтить здѣсь приведеннаго въ подлинникѣ письма хана Джангера къ родоправителю Чукѣ Нуралиеву о пользѣ просвѣщенія. Мы выпишемъ только послѣднія строки письма.—«Я увѣренъ, писалъ Джангеръ Нуралиеву, что вы уногребите надлежащія старанія къ вразумленію родныхъ и друзей вашихъ и всѣхъ, кого слѣдуетъ, что если и имѣи науки приносить столь великую пользу, то внукамъ нашимъ и хорошо жить безъ нихъ нельзя будетъ, что безграмотныхъ и по-русски незнающихъ вовсе не будутъ опредѣлять въ родоначальники и другія должности, что намъ весьма полезно и выгодно имѣть дѣкарей изъ киргизовъ, что всякое стараніе, всякая поддержка денежная принесутъ во сто разъ болѣе плода, если они будутъ употреблены на обученіе юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дѣло, что лучше употребить денегъ нельзя, какъ на то, чтобы приобрести знаніе закона Божьяго и правды его и чрезъ развитіе въ наукахъ благородно и честно служить Великому Государю Русскому и народу». Эти строки были написаны 10 апрѣля 1841 года, а 6 декабря того же года

въ день тезоименитства Государя Императора въ Бозѣ почившаго Николая Павловича торжественно было открыто Джангеромъ русско-киргизское училище. По смерти хана, всегда отзывчивое къ нуждамъ народа наше правительство взяло школьное дѣло подъ свое покровительство, на свое почти исключительное попеченіе. Количество образовательныхъ учреждений увеличилось въ Букевской ордѣ до девяти, и въ нихъ обучается болѣе 200 дѣтей обоего пола, большинство изъ которыхъ получаетъ казенное содержаніе.

А лекторъ вѣ, А. Е.—Отчетъ о состояніи садовъ, огородовъ и насаждъ при школахъ Тургайской области.—Циркуляръ по Оренбургскому учебному округу за 1897 г.. № 11—12.

Природа Тургайской области, за исключеніемъ Кустанайскаго уѣзда и частью Актюбинскаго, весьма бѣдна растительностью и въ этомъ отношеніи производитъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе; Кустанайскій же уѣздъ представляетъ собою счастливое исключеніе. Здѣсь—плодородная почва, хорошая растительность и всюду разбросаны дѣсныя волки. Такое положеніе Тургайской области въ отношеніи растительнаго царства обязываетъ, съ одной стороны, бережливо относиться къ дарамъ природы, а съ другой—улучшать эту природу тамъ, гдѣ она плоха и мало пользы приноситъ человѣку. Но киргизы не привыкли еще лелѣть природу, для того же, чтобы заботиться объ улучшеніи ея—они слишкомъ невзобитны; грамотность въ степи до послѣднихъ пяти-шести лѣтъ развивалась въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, русскій элементъ не всегда удачливыхъ поселенцевъ мало вносилъ знаній, администрація же не располагала средствами установить болѣе или менѣе правильное отношеніе человѣка къ природѣ, да и не входила это въ ея прямыя задачи. Чтобы поставить дѣло на твердую почву, необходимо воспитать въ любви къ природѣ молодое поколѣніе,—слѣдовательно, школа должна играть здѣсь наиболѣе видную и важную роль. За послѣднее время въ городѣ Оренбургѣ неоднократно устраивались, по инициативѣ учебно-окружнаго начальства, курсы по садоводству, на которые были вызываемы и учителя школъ Тургайской области. Это дало толчекъ къ занятію садоводствомъ и огородничествомъ при школахъ Тургайской области, но до 1895 года разводились садки только при Кустанайскомъ двухклассномъ русско-киргизскомъ и при Кустанайскомъ женскомъ также русско-киргизскомъ училищахъ; затѣмъ было приобрѣтено подъ огородъ сосѣднее усадебное мѣсто въ $\frac{1}{6}$ десятины для Джитыгаринско-Чубарской волостной школы. Садъ при Кустанайскомъ женскомъ училищѣ уничтоженъ пристроями для женской прогимназіи. Въ 1895 году отведено было г. военнымъ губернаторомъ Тургайской области 20 десятинъ земли для сельско-хозяйственныхъ занятій учителя и учениковъ Аузіекульской волостной школы, 5 десятинъ для Буртинской, $5\frac{1}{2}$ для Актюбинскаго двухкласснаго русско-киргизскаго училища, $\frac{1}{2}$ для Жуковской и $\frac{1}{2}$ для Александровской школъ. Въ то же время учителямъ школъ Тургайской области разъяснено было, чтобы каждый изъ нихъ дѣлалъ по садоводству, огородничеству и пчеловодству, что могъ, не дожидаясь особнхъ на этотъ предметъ и при томъ зна-

чительныхъ ассигнованій, такъ какъ не требуется устройство обширныхъ садовъ, питомниковъ и огородовъ, а требуется прежде всего забота о природѣ, въ какихъ бы размѣрахъ и видахъ ни проявлялась она. У кого есть большія школьныя средства, пусть сообразно съ средствами и разводитъ садъ, огородъ и насаду; у кого меньше, пусть это дѣлаетъ въ меньшемъ размѣрѣ; у кого совсѣмъ нѣтъ средствъ, пусть дѣлаетъ то, что самъ можетъ, при помощи учениковъ—устроить при школѣ насадинки, насадить древесныя породы во дворѣ, близь забора, или гдѣ явится къ тому возможность.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Справедливъ ли былъ г. Харузинъ въ Ханской Ставкѣ?—«Волжскій Вѣстникъ». 1890 г., № 217.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Очерки Внутренней киргизской орды.—«Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ II. Оренбургъ, 1893 г.

Историческій очеркъ,—хозяйственно-топографическое описаніе степи,—скотоводство,—земледѣліе,—торговля,—народное образованіе.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Письмо въ редакцію.—«Нижегородскій Листокъ», 1896 г., № 179.

Письмо касается развитія народнаго образованія въ Тургайской области и написано по поводу статьи «Аульныя школы», помѣщенной въ «Нижегородскомъ Листкѣ», 1896 г., № 175. Обновленіе и оживленіе Азии, говоритъ между прочимъ г. Алекторовъ, надо ждать съ развитіемъ женскаго образованія, такъ-какъ женщины киргизовъ и другихъ магометанскихъ народовъ являются самыми ревностными носительницами всѣхъ возможныхъ преданій, суевѣрій и предрасудковъ, укоренившихся въ народѣ съ принятіемъ магометанскаго вѣроученія, и ярымъ противниками образованія на русской почвѣ и въ русскомъ духѣ. Въ Тургайской области, при хорошей постановкѣ учебнаго дѣла, удалось побѣдить и это,—здѣсь существуетъ уже четыре женскихъ русско-киргизскихъ училища—Кустанайское, Тургайское, Карабутацкое и Актюбинское, а также Александринская, въ честь Государини Императрицы Александры Феодоровны, женская русско-киргизская прогимназія, единственная во всей Россіи на трехъ-милліонный киргизскій народъ.

А лек т о р о в ъ, А. Е.—Внутреннія извѣстія.—Кустанай, Тургайской области.—«С-Петербургскія Вѣдомости», 1896 г., № 304.

Сообщается объ открытіи Яманчаловской аульной школы въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области. Почетный киргизъ Кустанайскаго уѣзда Исмагилъ Яманчаловъ, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ рожденіе Великой Княжны Ольги Николаевны, пожертвовалъ на содержаніе этой школы 1600 руб. Киргизы, говорится въ замѣткѣ, всегда были отзывчивы къ нуждамъ народнаго образованія. Такъ, когда оренбургскій генералъ-губернаторъ въ 1865 г. возбудилъ вопросъ о постройкѣ русско-киргизскаго училища, бѣг

Чубарской волости, Николаевского (имѣ Кустанайскаго) уѣзда, Тургайской области, Джанатай Емангазиевъ построилъ для училища въ станицѣ Михайловской домъ, который обошелся ему въ 15000 рублей.

Александровъ, А. Е. — У Аральскаго моря. — С-Петербургскія Вѣдомости, 1898 г., № 302.

Странный караванъ двигался въ началѣ сентября къ берегамъ Аральскаго моря. Никто не могъ опредѣлить, что за караванъ идетъ и чѣмъ нагружены верблюды. Одна тропа пересѣкала другую, образуя безчисленное множество верблюжьихъ дорогъ, и неопытному человѣку никогда не найти бы своей дороги, а караванъ шелъ увѣреннымъ шагомъ.. Всегда любопытные, встрѣчные киргизы напрасно всматривались въ тюки — все имъ было непонятно. Верблюды нагружены были ученическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караванъ остановился на урочищѣ Талдшѣ. Здѣсь въ домѣ киргиза Касаганбергена Пирманова, въ аулѣ № 4, Тулагайской волости, Иртыскаго уѣзда, Тургайской области, предположено было открыть первую на Аральскомъ морѣ аульскую школу. Собравшіеся киргизы ощупывали руками мебель, развѣривали невѣданныя книги и покачивали головами. Школа открыта при 11 ученикахъ и 7 поступили на другой день. Учителемъ назначенъ окончившій курсъ кустанайскаго педагогическаго класса киргизъ Серапшичъ. Такъ положено начало русскому просвѣщенію въ самыхъ отдаленныхъ и, если позволено будетъ выразиться, въ самыхъ дикихъ киргизскихъ аулахъ.

Александровъ, А. Е. — Изъ Кустаная, Тургайской обл. — Русское Слово, 1897 г., № 50.

Сообщается, что на содержаніе учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1897 г. Кустанаямъ ассигновано 7842 рубля 50 коп., въ томъ числѣ 2230 руб. на Александринскую женскую русско-киргизскую прогимназію, 1432 р. 50 к., на городское двухклассное училище, 1044 р. на 1-е приходское, 1098 р. на 2-е приходское, 400 р. на третье, 968 р. на женское русское училище, 170 р. на вечернюю школу для взрослыхъ, 400 р. въ пособіе двухклассному русско-киргизскому училищу и 100 руб. обществу попеченія о начальномъ образованіи. Городскіе доходы исчислены въ суммѣ 22.976 р. 29 к.; слѣдовательно, городъ расходуетъ на нужды народнаго образованія болѣе 33% годоваго бюджета. Изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія расходуются 4.417 р. 90 к., изъ областного земскаго сбора — 3.910 р. 10 к., а все содержаніе учебныхъ заведеній г. Кустаная обходится въ 16.170 р. 50 к. Кустанайскія школы, пользуясь такими хорошими средствами, обставлены во всѣхъ отношеніяхъ выше удовлетворительнаго и вполне обеспечены какъ книгами, такъ и наглядными учебными пособіями.

Александровъ, А. Е. — Наши газеты о дѣятельности православной миссіи на русскомъ Востокѣ. — Народъ, 1897 г., № 237.

Авторъ въ началѣ своей заѣтки говоритъ, что многія изъ газетъ въ настоящее время переполнены статьями о дѣятельности нашихъ миссіоне-

ровъ среди инородцевъ Востока. Затѣмъ онъ приводитъ вкратцѣ содержаніе статей В. С-каго («Степ. Край»), г. Тихонова («Русскій Вѣстникъ») и С. Р. («Новое Время», № 7643). Находя справедливымъ высказанное г. С-кимъ, что киргизы, принявшіе христіанство, очень долго не могутъ отвыкнуть отъ привычекъ кочевой жизни и при обработкѣ земли являются совершенно безпомощными, — г. Тихоновымъ, настаивающимъ на перенесеніи мисіонерскихъ станцовъ изъ городовъ въ деревни и селенія, такъ-какъ городская жизнь, полная всевозможныхъ соблазновъ, чрезвычайно дурно вліяетъ на новокрещенныхъ киргизовъ, г. Алекторовъ останавливается на замѣткѣ С. Р., касающейся Тургайской области. Здѣсь, по мнѣнію г. Р. самая благоприятная почва для развитія мисіонерскаго дѣла. Мисіонеръ Тургайской области, — говоритъ С. Р. — сообщаетъ, что послѣ чтенія христіанскихъ книгъ, когда заходила рѣчь между киргизами, что всѣхъ киргизовъ будутъ крестить, жена одного волостного управителя вмѣстѣ съ другими женщинами такъ говорила: «мы не станемъ противиться переходу въ русскую вѣру — чѣмъ русскіе хуже насъ? А будучи русскими и мы, и дѣти наши будемъ досита ѣсть хлѣбъ». Такое устойчиво-спокойное и разумное отношеніе къ православнои мисіи даже киргизскихъ женщинъ, всегда консервативныхъ и упорно отрицающихъ всякую новизну не только въ дѣлѣ религіи, но даже въ мелочахъ семейной и общественной жизни, едва ли основательно. Далѣе г. Р. говоритъ, что наши мисіи имѣютъ прозелитовъ преимущественно бѣдняковъ, не знающихъ какъ существовать среди кочевой быта своихъ сородичей. Принимая русскую вѣру, они надѣются на большее къ себѣ сочувствіе, чѣмъ отъ своихъ родичей, отъ которыхъ они теперь уже отрѣзаны, надѣются, что новое и по вѣрѣ родное имъ общество окажетъ большую поддержку въ устроеніи самостоятельной ихъ жизни и въ заведеніи хозяйства. Въ этихъ условіяхъ каждый киргизъ видитъ единственную возможность избавиться отъ вѣчной кабалы батрака, въ которой до того времени держатъ его богатые родичи. Останавливаясь на этихъ мысляхъ г. Р., г. Алекторовъ замѣчаетъ, что здѣсь-то и кроется коренная ошибка въ дѣятельности мисіи. Развѣ люди, принимающіе христіанскую вѣру не по убѣжденію, а вслѣдствіе возможныхъ, въ будущемъ, матеріальныхъ выгодъ — истинное и желательное приобрѣтеніе для церкви?

Вообще, говоритъ Алекторовъ, крестить инородцевъ надо съ разборомъ и менѣе всего набирать новопросвѣщенныхъ христіанъ изъ околачивающихся около городовъ байгушей, а также изъ лицъ опороченныхъ, судившихся за воровство и мошенничество. Призывать къ вѣрѣ надо не загнанныхъ нуждою, полуголодныхъ работниковъ, потерявшихъ способность къ воспріятію новыхъ плодотворныхъ идей, а домохозяевъ, которые пользуются среди общества и почетомъ, и уваженіемъ. Правда, обратитъ зажиточнаго киргиза въ сотни разъ труднѣе, чѣмъ байгуша, но за-то результаты были-бы несравненно плодотворнѣе.

Алекторовъ, А. Е.—Пѣсня алашница Байтоки на смерть хана Джангера.—Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этно-

трафіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ XIV, вып. 6. Казань, 1893 г.

Этотъ памятникъ киргизской народной литературы, записанный въ одну изъ поѣздокъ по Внутренней (Букеевской) киргизской ордѣ въ Камышъ—Самарской части, заслуживаетъ вниманія, какъ по своему содержанію, такъ и по отдѣльнымъ образнымъ выраженіямъ (Н. О. Катаповъ).

Алекторовъ, А. Е. — Къ мудрости ступенька. Азбука для учениковъ начальныхъ русско-киргизскихъ школъ. Москва, 1891 г.

Въ заключеніе предисловія авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «у насъ есть Первая книжка послѣ азбуки для дѣтей туземцевъ Туркестанскаго края, съ переводомъ словъ на киргизскій и сартскій языки, Ичника; есть нѣчто въ видѣ русской грамматики, примѣненной къ обученію киргизовъ, Алтнисарина, но нѣтъ самаго главнаго, нѣтъ основнаго, — нѣтъ у насъ азбуки для обученія киргизовъ чтенію русскихъ книгъ. Вотъ почему доселѣ въ русско-киргизскихъ школахъ обученіе письму и чтенію ведется или по «Родному Слову», Ушинскаго, или по книгамъ Бунакова, Паульсона, Корфа, Тихомирова и Вольпера. Какъ удивился бы Ушинскій, если бы увидѣлъ, что его книжка «Родное Слово» примѣняется въ тѣхъ школахъ, гдѣ учащіяся чужды русской рѣчи. Въ этихъ школахъ совсѣмъ непримѣнимы учебныя книги извѣстныхъ нашихъ педагоговъ—Бунакова, Ушинскаго, Водовозова, Тихомирова и Корфа; матеріалъ ихъ обращается въ совершенно неудобоваримую пищу тамъ, гдѣ учатся дѣти киргизовъ. Хорошо владѣющіе языкомъ ихъ преподаватели кое-какъ сгваляются съ своею задачею, употребляя при обученіи чтенію, русскіе буквары, но учителямъ, незнающимъ киргизскаго языка, просто—бѣда! Трудно имъ безъ знанія этого языка, языка учениковъ своихъ, совершенно непонимающихъ русской рѣчи, распеветить и развить органы слуха и произношенія для воспріятія чуждыхъ имъ звуковъ. Чтобы облегчить задачу учителей, особенно незнающихъ или малознающихъ киргизскій языкъ, мною и составлена предлагаемая азбука—«Къ мудрости ступенька». Къ азбукѣ приложенъ киргизско-русскій словарь.

Алекторовъ, А. Е.—Киргизская хрестоматія. Сборникъ статей для переводовъ на русскій языкъ для класснаго и домашняго чтенія. Оренбургъ, 1898 г. Часть I.

1. Оку нѣрселери жана ойушуктар.—Учебныя вещи и игрушки.
2. Тосек-орун жана идис-аяак.—Мебель и посуда.
3. Тамак жана сусми.—Пища и напитки.
4. Сырт кѣим, кѣилек-кѣишек.—Платье, обувь и бѣлье.
5. Кару-курал жана ѳбзелдер.—Орудя и сбруя.
6. Журт-сарайлар, кеме-каныктар жана арба-шаналар.—Зданія, суда и экипажи.
7. Уй-кайуандары жана кѣр-кайуандары (англар).—Домашнія животныя и дикіе звѣри.

8. Түрт-айакгы кайуандар жана кустар.—Животния четвероногия и птици.
9. Шөн жейтин жана ет жейтин кайуандар.—Животния травоядния и плотоядния.
10. Балыктар, бака—шайандар, жана курт-кумурскалар.—Рыбы, гадь и насекомия.
11. Саграу-кулактар, шөптөр жана кызгалдактар.—Грибы, травы и цвѣты.
12. Астыктар, бакпада өсөтүн жапрактар, алма агаштары жана жемштер.—Растенія хлѣбния и огородния, ягоды и плоды.
13. Жемис агаштары, жай агаштар жана шоктар.—Деревья плодовая простия и кусты.
14. Металдар, кымбат тастар, жай тастар, топрактар (жерлер).—Металзы и камни, драгоценныя и простыя,—земли.
15. Адамдар, кайуандар, бсун—шыгатын нѣрселер, агаш шөптөр, тас-топрактар.—Люди, животния, растенія и минералы.
16. Таулыктын бөлүмдөрү, жумалар, жылдыг аукыттары.—Части сутокъ, дни недѣли, времена года.
17. Жаздыг, шилдеинг, күздүг, кыстыг айлары.—Мѣсяци весенне, лѣтне, осенне и зимне.
18. Уакыттын, узундуктун, аурлыктын бөлүмдөрү.—Мѣры времени, длины и тяжести.
19. Үйдүг, арба—шананыг, дөнгелектинг, агаш-шөптөрдүн, жандыктардыг бөлүмдөрү.—Части дома, экипажа, колеса, растенія, животного.
20. Кесинг депесинг, кол-айагынын бөлүмдөрү.—Части человеческого тѣла, руки, ноги.
21. Бастынг, бетинг, аяктынг, колдунг бастарынын бөлүмдөрү.—Части головы, лица, ступни, кисти.
22. Көздүг, мурунынг, аuzдыг бөлүмдөрү.—Части глаза, носа, рта.
23. Туускан жана тумалас.—Родство и свойство.
24. Түрлү жасгы, кесинги адамдар.—Люди по возрастамъ и занятіямъ.
25. Орустардыг аттары.—Русскія (христианскія) имена.
26. Калалар жана бзендер.—Города и рѣки.
27. Орундук.—Стулъ.
28. Шкап.—Шкафъ.
29. Стакан мен кбршөк.—Горшокъ и стаканъ.
30. Бүтилке.—Бутылка.
31. Вшак.—Пожъ.
32. Сагат.—Часы.
33. Өлшөүдөр.—Вѣсы.
34. Вирге туруга тар, жалыз туруга кана (кыны).—Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно.
35. Бизинг үйдүг иши.—Наша семья.
36. Баланыг тагертени.—Утро мальчика.
37. Школ.—Школа.
38. Оку нѣрселери.—Учебныя вещи.

39. Клас—абзелн.—Класная мебель.
40. Жалкау жана искер.—Лѣтний и прилежный.
41. Бала-менен кѣкек.—Мальчикъ и кукушка.
42. Сагат-мен бала.—Мальчикъ и часи.
43. Нуржан бйдин окудагы баласина жазган кат.—Письмо бія Нур-жана къ снну о пользѣ ученія.
44. Торт глек.—Четире желанія.
45. Уй кайуандари.—Домашнія животныя.
46. Жылкы —Лошадь.
47. Сыйыр.—Корова.
48. Кой.—Баранъ.
49. Кырккан сарыкка Кудай жылкы жиберди.—На стриженую овечку Богъ теплою пахнулъ.
50. Мысык.—Кошка.
51. Ит.—Собака.
52. Ер ит.—Храбрая собака.
53. Бала-мен ит.—Мальчикъ и собака.
54. Шал-мен ит.—Старикъ и собака.
55. Айтис.—Споръ.
56. Буги.—Олень.
57. Ат жана бгүз.—Конь и быкъ.
58. Орман-мен тогай.—Лѣсъ и лугъ.
59. Ешки жана каскыр.—Коза и волкъ.
60. Каскыр мен малшы.—Пастухъ и волкъ.
61. Шандагы каскыр.—Волкъ въ пыли.
62. Каскыр-мен тұлкѣ.—Волкъ и лисица.
63. Тұлкѣ айласы.—Хитрость лисицы.
64. Карга-мен тұлкѣ.—Ворона и лисица.
65. Тұлкѣ-менен армстан.—Лисица и левъ.
66. Армстан, тұлкѣ жана киж.—Левъ, лиса и серна.
67. Тұлкѣ-мен кумырша.—Лиса и кувшинъ.
68. Тыбын мен каскыр.—Бѣлка и волкъ.
69. Койанныг зары.—Жалобы зайца.
70. Камшат.—Вобрь.
71. Билъ.—Слонъ.
72. Кит.—Китъ.
73. Маймылдар.—Обезьяны.
74. Страус (түйѣ-кус).—Страусъ.
75. Кеп.—Человѣкъ.
76. Сырткы бес сезип блетин карудар.—Пять чувствъ.
77. Көздөр.—Глаза.
78. Кулактар.—Уши.
79. Мурун.—Носъ.
80. Ауз.—Ротъ.
81. Сыйпаи блу.—Осызание.
82. Колдар жана аяктар.—Руки и ноги.

83. Байлык — Богатство.
84. Шал жана олуң.—Старикъ и смерть.
85. Кала.—Городъ.
86. Ундордү калаи салады.—Какъ строить дома.
87. Етыкши.—Сапожникъ.
88. Тигинши.—Портной.
89. Уста.—Бузнецъ.
90. Нанши.—Булочникъ.
91. Шана астык.—Новый хлѣбъ.
92. Меррам.—Праздникъ.
93. Школдаги балардыг окумантын кундору.—Праздники.
94. Езги кыз Марія.—Святая Дѣва Марія.
95. Езги кыз Марія берстениг жакын (кумышты) кабар айтуу.—Благовѣщеніе св. Дѣвы Маріи.
96. Исусъ Христостыг туум. Оган малшилар келин бас уруу. Рождество Христово. Поклощеніе пастуховъ.
97. Кудай Исусты карманб алуу.—Срѣщеніе Господне.
98. Исусъ Христосты шомылдыруу.—Крещеніе Господне.
99. Исусъ Христосты жарыктануу.—Прображеніе Господне.
100. Исусъ Христостыг Иерусалимге кирүү.—Входъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ.
101. Исусъ Христосты крестен алып каберге салуу (кѣмүү).—Снятіе со креста тѣла Иисуса Христа и положеніе его во гробъ.
102. Христостыг тирилди туруу.—Воскресеніе Христа.
103. Исусъ Христостыг аспапта шигуу.—Вознесеніе Иисуса Христа на небо.
104. Апостолдарга Святый Тин түсүү.—Сшествіе Святаго Духа на Апостоловъ.
105. Кудайдыг іәдирли кресни тургузуу.—Воздвиженіе креста Господня.

Алтынсаринъ, П. ¹⁾—Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ, похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства. — Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. I. Казань, 1870 г.

Статьи г. Алтынсарина — о свадьбѣ и о похоронахъ до настоящаго времени имѣютъ несомнѣнный интересъ, и по обилію подробностей, характеризующихъ бытовую особенность киргизской жизни, составляетъ богатый матеріалъ для этнографіи этого народа.

¹⁾ См. Ильминскій, Н.—Воспоминанія объ П. А. Алтынсариѣ. Казань, 1891 г.

Алтынсаринъ, И.—Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку. Оренбургъ, 1879 г.

Руководство составлено для киргизовъ, поступающихъ въ русскія школы и незнающихъ по-русски. Оно содержитъ этимологию и сличаетъ и образцы для переводовъ.

Алтынсаринъ, И.—«Киргизская хрестоматія». Оренбургъ, 1879 г.

Въ хрестоматіи помѣщены басни и національные рассказы, извлеченія изъ пѣсенъ и стиховъ лучшихъ киргизскихъ пѣвцовъ, а также пословицы и поговорки.

Альбрандтъ, Я.—Буевская киргизская орда. «Вокругъ Свѣта», 1896 г. № 47—50.

Альджановъ, О.—Легенда о богатомъ Карунбаѣ. — «Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 17. (срав. Коранъ XXVIII, 76—81).

Рассказывается, какъ богатого, но скупого Карунбая постепенно проглатываетъ земля, оставивъ на своей поверхности только его голову.

Альджановъ, О.—Собаченка и кошка. Киргизская басня. — «Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 18.

Альджановъ, О.—Печальное положеніе современной киргизской женщины. — «Киргизская Степная Газета». 1894 г., № 33, 34 и 35.

На разрѣшеніе различныхъ учреждений степныхъ областей, начиная съ суда бѣвъ и кончая высшею правительственною властью въ краѣ, поступаетъ большое количество брачныхъ киргизскихъ дѣлъ. Самая многочисленность подобныхъ дѣлъ свидѣтельствуетъ уже объ известной ненормальности семейныхъ отношеній киргизовъ. Болѣе же близкое знакомство съ жалобами и просьбами этого рода обнаруживаетъ печальную картину грубаго произвола и деспотизма, тяготящихся надъ киргизскою семьей. Едва-ли даже будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что почти любая киргизская семья обязана своимъ происхожденіемъ акту произвола, дѣйствию чужой воли, помимо всякаго желанія лицъ, которымъ приходится вступать между собою въ бракъ. Можно себѣ представить, какая создается почва для всякаго рода семейныхъ неурядицъ, при дѣйствіи такихъ условій брачнаго права. Но вся тяжесть несчастныхъ послѣдствій, неизбѣжно вытекающихъ изъ подобнаго рода отношеній, прежде всего и больше всего падаетъ, разумеется, на киргизскую женщину, какъ существо слабѣйшее и потому, какъ у всѣхъ некультурныхъ народовъ, безгласное и безправное.

Киргизы усвоили себѣ воззрѣніе на своихъ женщинъ не какъ на существа разумная, одаренныя тоже, какъ мужчинами, тѣломъ и душою, въ груди которыхъ тоже бьется человѣческое сердце, а какъ на существа низшія, сотворенныя Аллахомъ для удовлетворенія известнымъ потребностей. Но понятіямъ киргизовъ, женщины живутъ исключительно для размноженія

человѣческаго рода. Поэтому тѣ изъ нихъ, которыя побольше рожаютъ дѣтей, заслуживаютъ и болѣе ласковаго обращенія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ не рождаются дѣти; послѣднія же презираются и имъ приходится оплакивать свою злую судьбу и просить Аллаха, чтобы онъ далъ имъ дѣтей. Въ общемъ, возрѣніе киргиза на женщину проникнуто крайнимъ недовѣріемъ къ женскому разуму. «Не вѣрь дома женѣ, а въ полѣ коню»—гласитъ киргизская поговорка. Пренебреженіе киргиза къ человѣческому достоинству женщины низводитъ ее на степень вещи.

Альджановъ, О.—Полезныя книги для Киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 39.

Инспекторомъ ииородческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, г. Катаринскимъ, при участіи учителей—киргизовъ, составленъ и частію изданъ цѣлый рядъ книжекъ для чтенія и элементарныхъ учебниковъ для изученія киргизами русской грамоты и русскаго языка. Встрѣчая съ глубокимъ сочувствіемъ этотъ добрый починъ въ дѣлѣ распространенія въ киргизской степи русскаго просвѣщенія, авторъ считаетъ долгомъ, хотя вкратцѣ, познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ изданій, въ виду того, что они могутъ принести существенную пользу не только киргизамъ при изученіи ими русскаго языка, но также и русскимъ, желающимъ научиться киргизскому языку. Важною особенностью въ нихъ русскихъ буквами является то, что киргизскій текстъ напечатанъ въ нихъ русскими буквами. Этимъ достигается та выгода, что для учащагося киргиза до невѣроятности облегчается возможность научиться читать на родномъ языкѣ, если киргизскія слова изображены русскими буквами. Это потому, что русская азбука гораздо лучше и точнѣе передаетъ звуки киргизскаго языка, чѣмъ арабская, и при томъ одна и та же арабская буква имѣетъ нѣсколько начертаній, что представляетъ главное неудобство арабскаго алфавита.

Альджановъ, О.—Руза-гаидъ въ степи.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 12.

Описываются праздничныя игры киргизовъ.

Альджановъ, О.—О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизовъ во время эпизоотій.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 48.

У киргиза Чирубай-Нуринской волости, Акмолинскаго уѣзда, Саткожа Бійбытова, на овцахъ появилась повальная болѣзнь—«топаланъ». Между киргизами издревле существуетъ повѣріе, что можно остановить такую болѣзнь,—стоитъ только достать черепъ какого-нибудь покойника, будь онъ родственникъ или чужой. Добытый черепъ слѣдуетъ закопать въ навозъ въ овчарнѣ. Послѣ этого будто-бы болѣзнь совсѣмъ прекратится. Саткожу Бійбытову напомнили объ этомъ повѣрціи и онъ, не долго думая, рѣшился достать человѣчій черепъ. Бійбытовъ досталъ черепъ, принадлежащій Кошкару, отцу своихъ односельцевъ киргизовъ—Кошпеса и Тайжана Кашкаровыхъ. Черепъ былъ зарытъ куда слѣдуетъ. Существуютъ въ степи и другія повѣрья, которыя нерѣдко влекутъ за собою еще большее распростране-

и́е повальной болѣзни. Такъ, при появленіи чумы на рогахомъ скотѣ, «топалама» на овцахъ, язвы на лошадяхъ, киргизы весь скотъ на ночь угоняютъ на кладбище, гдѣ находится могила нѣмъ чинаго киргиза, чело-вѣка извѣстнаго своею набожностью, справедливостью. Около его могилы разводятъ большой костеръ, куда бросаютъ овчины и кости навшихъ отъ болѣзни животныхъ. Загорѣвшіеся шкуры привязываютъ къ шестамъ и нѣмъ пугаютъ животныхъ, гоня ихъ по нѣскольکو разъ вокругъ кладбища и костра. Иногда кусокъ сырого мяса навшаго отъ болѣзни барана съ семью круглыми маленькими камешками завертываютъ въ тряпку. Эту узелокъ подбрасываютъ въ котанъ (мѣсто столки аула) одного изъ сосѣднихъ ауловъ. Если «топалама» появится весной, то изъ стада выбираютъ только-что ро-дившаго черного ягненка, котораго по нѣскольکو разъ водятъ вокругъ ста-да, обмазываютъ слюной болѣзныхъ овецъ и оставляютъ его у какого-нибудь «зерка или рѣчки, куда другіе киргизы гоняютъ на водоной своихъ бара-новъ. При появленіи сибирской язвы на лошадяхъ киргизы на «желе» (мѣ-сто, гдѣ привязываютъ жеребятъ и доятъ матокъ) сосѣднихъ ауловъ под-брасываютъ уздечки и потники. Много есть и другихъ подобныхъ суевѣр-ныхъ обрядовъ.

А л ѣ ж а н о в ѣ, О.—Еще шагъ къ просвѣщенію.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 3.

Сообщается объ открытіи въ селеніи Аккульско-Кызылагачскомъ школы грамоты для дѣтей татаръ и киргизовъ, съ преподаваніемъ русскаго языка.

А л ѣ ж а н о в ѣ, О.—Эрже (постановленіе) одного чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 48, 49 и 50.

I. Если высатанную невѣсту, къ которой на свиданіе ѣздилъ ея же-нихъ, отдадутъ замужъ за другого, то родители невѣсты пусть возвратятъ жениху весь полученный отъ него калмыъ и кромя того пусть заплатятъ ему штрафъ: одну лошадь съ кафтаномъ и верблюда.

II. Если невѣста, къ которой ѣздилъ на свиданіе ея женихъ, умереть, то жениху пусть будетъ возвращена половина уплаченнаго имъ калмыа.

III. Если умереть женихъ, а невѣста еще живетъ у своихъ родителей и если она не пожелаетъ выйти за кого-нибудь изъ его родственниковъ, то пусть весь уплаченный женихомъ калмыъ будетъ возвращенъ его родите-лямъ.

IV. Если невѣста умереть послѣ того, какъ ее увезетъ къ себѣ женихъ, и если послѣ себя она не оставитъ дѣтей, то ея приданое дѣлится на двѣ части.—одну часть пусть получаетъ ея отецъ, а другую—ея мужъ.

V. Вдова пусть по своей волѣ выходитъ замужъ.

VI. Послѣ смерти мужа (не оставившаго сыновей) пусть вдова выдастъ третью часть его имущества братьямъ мужа; если же у вдовы останется дочь отъ умершаго мужа, то, по выходѣ ея (дочери) замужъ, пусть имуще-ства ея отца идетъ въ пользу его родственниковъ.

VII. Достаточно уличенный въ воровствѣ пусть возвратитъ покраденное и, кромѣ того, пусть уплатитъ въ пользу потерѣвшаго штрафъ — «привязанное къ шеѣ и къ хвосту» (разумѣется уплата двухъ лошадей).

VIII. Дѣла (исковья), возникшія за 15 лѣтъ, оставляются безъ разсмотрѣнія, а иски, которымъ прошло больше 10 лѣтъ, удовлетворяются въ размѣрѣ «тая»: претензіи, возникновенію которыхъ менѣе 10 лѣтъ, удовлетворяются въ доказанномъ размѣрѣ, прочія же дѣла, возникшія съ 1894 г. по 1895 г., подлежатъ удовлетворенію со штрафомъ.

IX. Исковья требованія скотомъ удовлетворяются по денежной стоимости: верблюды стоятъ 30 рублей, корова — 12 рублей, баранъ — 2 р., лошадь двухлѣтняя — 4 р., корова двухлѣтняя — 4 р., бѣгунецъ и иноходецъ отъ 30 до 100 рублей.

Альжановъ, О.—Преданія объ Алаша-ханѣ и объ его сынѣ Джачи-ханѣ.—«Киргизская Стенная Газета», 1897 г., № 13, 14 и 18.

Преданія записаны въ Атбасарскомъ уѣздѣ у киргизовъ рода «Баганалм».

Альджановъ, О.—Бесѣды о воспитаніи киргизскихъ дѣтей. «Киргизская Стенная Газета», 1893 г., № 13.

Альджановъ, О.—Причины объединенія киргизовъ. — Киргизская Стенная Газета», 1893 г., № 19, 20, 22 и 24.

Альджановъ, О.—Танабай и Батыръ, рассказъ изъ киргизскаго быта.—«Киргизская Стенная Газета», 1898 г. № 41, 43, и 45.

Андріевичъ, В. К. ¹⁾ Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть I. С.—Петербургъ, 1889 г.

Въ VII главѣ книги Андріевича есть указаніе на развитіе сношеній нашихъ съ киргизами и на попытки привить у нихъ земледѣліе.

Андре, Карль ²⁾.—Направленіе торговыхъ путей въ Средней Азій.—«Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1859 г., № 12.

Анзимировъ ³⁾.—Петрографическій очеркъ восточной части Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области. Омскъ, 1897 г.

¹⁾ Владиміръ Калистратовичъ Андріевичъ, генераль-маіоръ, писатель по исторіи Сибири, родился въ 1838 году, окончилъ курсъ Академіи генеральнаго штаба, съ Сибирью познакомился въ 1881 году, когда назначенъ былъ начальникомъ штаба войскъ Забайкальской области (Энци. сл.).

²⁾ Карль-Теодоръ Андре—извѣстный географъ и публицистъ, родился въ 1808 г., умеръ въ 1875 г.

³⁾ Григорій Григорьевичъ Анзимировъ горный инженеръ, окончилъ курсъ въ Горномъ корпусѣ въ 1860 г.

Образование въ киргизской степи горныхъ породъ: простыиъ, кристаллическихъ, массивныхъ, жильныхъ, вулканическихъ, сланцевыхъ и полуобломочныхъ.—Къ книгѣ приложены фотографіи: видъ сонки близъ озера Караганлы; видъ кварцевъ, гранита, порфира и проч. (всего 20 видовъ).

Аничковъ, А.—По поводу образования киргизскихъ женщинъ въ Тургайской области.—«Тургайская Газета» 1895 г. № 46.

Привѣтствуя увеличеніе школъ въ Тургайской области и созданіе женской прогимназіи въ г. Кустанаѣ, отъ души желая развитія и процвѣтанія этому доброму дѣлу, авторъ отиъчаетъ и обратную сторону медали; въ рѣчи, говоритъ онъ, тургайская администрація, давая починъ въ важныхъ дѣлахъ образованія и очевидно сочувствуя ему, обратитъ вниманіе на положеніе дѣвочки, окончившей курсъ въ создаваемыхъ ею школахъ и это будетъ первымъ шагомъ къ улучшенію и къ раскрѣпощенію киргизской женщины, которая, на глазахъ русскихъ властей часто служитъ игрушкой въ рукахъ своихъ родичей и имѣетъ мало шансовъ выйти изъ своего раскатаго состоянія.

Аничковъ, П.—Женскій вопросъ въ киргизской степи.—«Православный благовѣстникъ», 1894 г. № 23.

Среди степного кочевого племени, лучше сказать, въ настоящее время полукочевого киргизскаго народа женщина, постановленная въ условіи самостоятельной хозяйки, на рукахъ которой лежатъ заботы о дѣтяхъ, скотѣ, пищѣ, приготовленіи одежды для разнаго времени года, поставкѣ юрты и прочее, не могла, конечно, быть настолько лишена относительной свободы и независимости, какъ у другихъ народовъ тюркскаго происхожденія, исповѣдующихъ исламъ. Кому извѣстны условія жизни киргиза, для того очевидно, что безъ извѣстной самостоятельности, предоставляемой женщинѣ, не могъ бы перекочевать, ни даже просуществовать ни одинъ киргизскій аулъ. Повсюду киргизка, являясь красугольнымъ камнемъ благосостоянія аула, создала себѣ положеніе самостоятельности хозяйки, безъ совѣта которой мужъ или родовичъ никогда не предпринимаетъ какого либо рѣшительнаго шага. Поэтому въ экономическомъ отношеніи, положеніе киргизской женщины достаточно упрочено и вліяніе ея безусловно велико. Казалось, этого было бы достаточно, чтобы и въ социальномъ отношеніи она заняла подобающее ей положеніе; но тутъ то и является воздѣйствіе тѣхъ условій, которые сплетаются при выдачѣ замужъ киргизской дѣвушки; они парализуютъ то независимое положеніе, которое создаетъ киргизкѣ экономической бытъ. Въ социальномъ отношеніи женщина, пріобрѣтенная за извѣстное количество калмы, выплываемаго съ дѣтства, частью семьей мужа, частью ближайшими родовичами, составляетъ принадлежность рода, въ котораго она не имѣетъ никакого положенія; выхода ей нѣтъ, потому что она представляетъ собой цѣнность во столько-то головъ скота, которая должна быть возмѣщена, если предметъ ея стоимости переходитъ въ другія руки, помимо того круга родовичей, которые были заинтересованы въ уплатѣ за женщину калмы. До сихъ поръ калмы у киргизовъ такъ велики, что въ-

и-мъ является заинтересованной довольно большая группа людей и наблюдается склонность къ пониженію его до того уровня, когда онъ переходитъ уже въ простой подарокъ или кладку на приданое дѣвницы. Но пока калымъ не вылился въ эту форму сдѣлки, доступной отдѣльной личности, женщины, за которую вылачивается столько, что цѣнность ея можетъ подчасъ составлять состояніе цѣлой кибитки, всегда будетъ въ положеніи предмета купли и продажи, каковымъ она и является въ настоящее время, пока не надѣла «джаулыкъ». Цѣлый разрядъ дѣлъ, которыя составляютъ главный предметъ столь развитого у киргизовъ сутяжничества—это дѣло о калымѣ и послѣдствіяхъ его—въ той или другой формѣ. При этомъ однако отъ внимательныхъ наблюдателей киргизской жизни не можетъ ускользнуть то явленіе, что со стороны женщинъ является уже извѣстный протестъ противъ такого закрѣпощенія, выражающійся въ частыхъ случаяхъ побѣговъ отъ мужа, увозѣ дѣвницъ, невѣрности своему господину и т. п. Къ сожалѣнію, русское законодательство совершенно игнорируетъ этотъ предметъ и предоставляетъ исполнѣн тченію времени и обстоятельствъ разрѣшеніе этого важнаго вопроса. Но на что русскій законъ закрылъ глаза, то мусульманскій шаріатъ бдительно наблюдаетъ; онъ незамѣтно проникаетъ въ киргизскій бытъ, котораго «адать» подѣ влияніемъ шаріата все болѣе и болѣе принимаетъ мрачный и узкій колоритъ мусульманства. Подѣ воздействием торговцевъ татаръ или сартовъ, ишановъ, суфій, а также доморощенныхъ муллъ, мусульманская точка зрѣнія все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду киргизскихъ массъ. Старожилы, имѣвшіе возможность наблюдать киргизскую жизнь въ теченіе 15 лѣтъ, одинъ на границѣ Семирѣченской, а другой Тургайской областей, единогласно увѣряютъ, что отчужденіе женской половины отъ мужской и обряды совершенія молитвъ—намазовъ значительно прогрессировали на ихъ глазахъ. Мусульманская точка зрѣнія на женщину извѣстна, а потому законодатели модъ и вкусовъ въ степи—татары и сарты весьма легко, при поощрѣн муллъ, передаютъ свое міровоззрѣніе воспринимчивымъ и частью зависящимъ отъ нихъ степнякамъ, а взгляды этихъ пропагандистовъ таковы, что подчиненіе, замкнутость и отчужденіе женщины исполнѣн ими санкціон ируются и поощряются. Въ Туркестанѣ, напр., сплошь и рядомъ встрѣчается покупка, подѣ видомъ калыма, главнымъ образомъ сартами киргизскихъ дѣвушекъ, послѣдствіемъ чего появился даже особенный типъ туземцевъ «чала-казакъ», которые уже, конечно, плотно прикнули къ мусульманской культурѣ.

Аничковъ, Н. В.—Киргизскій батыръ Джанходжа Пурмухаммедовъ.—Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 1894 г., томъ XII, вын. 3.

Оканчивая статью, авторъ говоритъ: мы можемъ смѣло причислить Джанходжу къ другимъ извѣстнымъ киргизскимъ батырямъ и степнякамъ

героямъ, въ-родѣ Кемисары, Исета Кутебарова и Саддыка, послѣднимъ борцамъ за свободу и самостоятельность тюркскихъ племенъ въ Средней Азій, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ степи и, не смотря на явную несостоятельность своихъ замысловъ, старались при всякой возможности противодѣйствовать русскому владчеству: при этомъ невольно бросается въ глаза, что почти всѣ эти послѣдніе герои среднеазиатскихъ войнъ и возмущеній или киргизы, какъ Кемисары, Джанходжа, Исета, Саддыкъ, или кичаки (не тоже ли киргизы?), какъ Мулла-Аликуль, храбрый защитникъ Ташкента, убитый во главѣ своей конницы, которую повелъ въ атаку 9-го мая 1865 года въ дѣлѣ при Шоръ-Тюбе, или Абдурахманъ Автобачи, энергичный противникъ русскихъ въ ферганской войнѣ 1876 года, а не сарты или таджики; объяснить это, говоритъ Амичковъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью большимъ развитіемъ національнаго чувства у киргизовъ, чѣмъ у другихъ народовъ Средней Азій, у которыхъ оно вытравлено мусульманствомъ. При всемъ этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Джанходжа не былъ бѣлой кости (ак суйбѣк), онъ былъ простой киргизъ, выдѣлнвшійся своими личными подвигами и всю жизнь положившій на защиту своихъ сородичей и на борьбу съ ихъ врагами: то онъ гонитъ кара-калпаковъ съ Яны-Дарыи, то нападаетъ на аулы киргизовъ родовъ Киччакъ и Армыиъ, то воюетъ съ кокандцами и мститъ жестоко хивинцамъ за насилія, то вступаетъ въ неравную борьбу съ русскими и платится своею жизнью. Насколько онъ пользовался уваженіемъ среди киргизовъ, можетъ служить лучшимъ примѣромъ слѣдующій случай, который съ точки зрѣнія киргизскаго «адата» наиболее рельефно характеризуетъ его престижъ: какъ-то батыръ Джанходжа встрѣтился съ султаномъ-правителемъ одной части Малой Орды полковникомъ русской службы Джанъ-Арнстаномъ; не смотря на то, что послѣдній былъ султанскаго рода, бѣлой кости (ак суйбѣк) и имѣлъ такой замѣтный чинъ, онъ, увидя батыря, слѣзъ съ лошади и сдѣлалъ ему «селямъ» первый. Что касается наружности батыря, то, по рассказамъ видѣвшихъ его и знавшихъ, онъ не былъ, какъ Исета Кутебаровъ, большого роста и внушительной наружности,—напротивъ—имѣлъ небольшой ростъ, и не отличался видною наружностью. Джанходжа никогда не разставался съ своимъ оружіемъ: кинжаломъ, пашкой и айбалтой, которые всегда лежали около него, даже когда сидѣлъ онъ или лежалъ въ кибиткѣ.

А м и ч к о в ъ, Н. В.—Поездка на киргизскія помники въ 1892 году.—«Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», 1897 г., том. XIV, вып. 2-й.—«Православ. Благов.» 1897 г., № 16 и 17.

Помники у всѣхъ киргизовъ играютъ большую роль; такъ-какъ дѣлаются обыкновенно въ память какого-нибудь родовитаго человѣка и служатъ мѣстомъ сборища людей разныхъ родовъ, гдѣ разрѣшаются иногда давніе споры, родовые счеты и разныя тяжбы. Помники эти устраиваются при помощи родни и рода покойнаго; этииъ сильно поддерживается до сихъ поръ родовая солидарность между киргизами. Г. Амичковимъ описываются

помики, бывшія на Куванъ-Даръ, по весьма богатому и уважаемому киргизу рода Чумекей. Кари-баю; онѣ назывались «Карибайскимъ асомъ»; это были самыя большія и наиболѣе характерныя помики. Не смотря на помощь родствениковъ, ближайшая родня умершаго, главнымъ образомъ его сыновья, построи въ мазарку и устрои въ «астъ», раззорились и долго послѣ этого не могли поправиться; но за то ихъ личное тщеславіе и родовая гордость сородичей были удовлетворены: они прославили память своего отца, собственную щедрость, а также силу и вліятельность рода, на всю степь.

Амининъ, П.—Сводъ главнѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Часть II, С.-Петербургъ, 1879 г.

Положеніе объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской 21 октября 1868 г. (выдержки).—О передачѣ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ.—Объ учрежденіи должности инспектора школъ Внутренней Букевской орды.

Анновъ, О.—Легенды о горахъ Тологаѣ и Борь-Тастаганѣ, —«Киргизская Степная Газета», 1894 г. № 29.

Аноповъ, П. А.—Опытъ систематическаго обзорѣнія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи, С.-Петербургъ, 1889 г.

Есть нѣсколько свѣдѣній о Тургайскомъ Яковлевскомъ ремесленномъ училищѣ. Училище находится въ г. Тургаѣ, —открыто въ 1883 году, по ходатайству инспектора киргизскихъ школъ Тургайской области и содержится на средства, въ количествѣ 1715 рублей, собираемныя съ киргизовъ. Въ училище поступаютъ молодые люди въ возрастѣ 14—20 лѣтъ, безъ всякихъ познаній, и обучаются русскому языку и арифметикѣ (въ предѣлѣ программы однокласснаго сельскаго училища) и, кромѣ того, черченію; на классныя занятія, какъ въ младшемъ, такъ и въ старшемъ отдѣленіяхъ назначено по 12 часовъ въ недѣлю; остальное время учащіеся посвящаютъ ремесленнымъ занятіямъ по столярно-токарному дѣлу. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ всякія занятія прекращаются.

Въ настоящее время въ училищѣ 20 интерновъ и содержаніе обходится въ 3017 рублей. Кромѣ столярно-токарнаго и портняжнаго ремесла, преподается кузнечно-слесарное.

Аноровъ, П.—Замѣчаніе о степяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерній.—«Синъ Отечества», 1839 г., т. VII.

Въ статьѣ содержится краткое описаніе характера почвы Оренбургской киргизской степи, говорится объ обработкѣ земли и о сильномъ истребленіи лѣсовъ (А. Н. Харузинъ).

А—изъ.—Коннозаводство въ Туркестанскомъ краѣ.—«Коннозаводство и Кожеводство», 1890 г., № 51.

Описывая ежегодно устраиваемыя скаковыя состязанія, г. А—изъ говоритъ, что скачки устраиваются безъ всякой строго обдуманной идеи и, по мнѣнію туземцевъ, составляютъ имъ болѣе ни мѣнѣе, какъ томашу (развлечение) Затѣмъ авторъ статьи сильно стѣдуетъ на то, что въ Туркестанскомъ краѣ не принимается никакихъ мѣръ къ сохраненію вырождающейся породы карабаировъ и улучшенію киргизской лошади, изъ года въ годъ мельчающей.

А—овъ, О.—Баксы и дуаны.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 36.

Званіе баксовъ переходитъ болѣею частью наследственно, затѣмъ вступаютъ въ ряды баксовъ люди, расположенные къ нервнымъ заболѣваніямъ, а иногда изъ матеріальныхъ выгодъ люди, совершенно здоровые. Цѣлое поколѣніе обыкновенно занимается профессіей баксовъ, преимущественно мужская линія. Отъ отца баксылукъ (профессія баксы) переходитъ къ кому-нибудь изъ сыновей, отъ послѣдняго къ внуку, отъ внука къ правнуку и т. д. Бываютъ случаи, что баксылукъ переходитъ отъ отца къ двумъ или болѣе сыновьямъ, но такіе случаи бываютъ рѣдко. Признаками склонности челоуѣка къ баксылуку служатъ нервное разстройство, припадки, угрюмость, которые повторяются въ ненастную погоду. Въ ненастные дни такіе субъекты часто раздражаются или впадаютъ въ меланхолію. Достаточно малѣйшей причинны, чтобы вывести ихъ изъ себя и заставить пѣть заунывные и безсмысленныя пѣсни, въ которыхъ они обращаются главнымъ образомъ къ Богу, а потомъ и къ добрымъ духамъ, чтобы они не тревожили и не мучили ихъ. Послѣ продолжительнаго пѣнія болѣзненные субъекты съ пѣною у рта впадаютъ въ безпамятство, произнося безсвязныя слова.

Въ настоящее время число баксовъ постепенно уменьшается и киргизы теперь имъ мало вѣрятъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ смотрятъ съ презрѣніемъ. Прежде названіе «бакса» было почетнымъ, а теперь оно скорѣе оскорбительное,—такъ напр., вѣтренныхъ и слабохарактерныхъ людей и болтуновъ киргизы называютъ баксами, чтобы выразить, что они не прилично ведутъ себя. Недалеко то время, когда о баксахъ останутся въ устахъ народа только одни горькія воспоминанія.

Въ тѣсной связи съ профессіей баксовъ находится дѣятельность дуановъ. Первоначальная дѣятельность дуановъ была направлена на благо ближняго. Они шествовали съ духовной цѣлью и помогали словомъ и дѣломъ бѣднымъ и сиротамъ. Основателемъ ордена дуановъ считается Шайхи-Бурхи, который по мнѣнію, киргизовъ жилъ до Магомета. Онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ за бѣдныхъ и сиротъ; его мнѣшніе дуаны считаютъ своимъ покровителемъ. Поэтому каждый изъ нихъ считаетъ своей обязанностью часто восклицать «О, Шайхи-Бурхи, покровительствующій намъ дуанамъ!» Дуаны путешествуютъ не пѣшкомъ, какъ Шайхи-Бурхи, а верхомъ и при этомъ съ корыстной цѣлью. Они надѣваютъ на голову лебединую шапку, берутъ

въ руки посохъ, поютъ безтолковыя пѣсня, каждая изъ которыхъ начинается двустяшіемъ:

Дуаны входятъ въ дверь,

А шайтаны выходятъ изъ дыръ (юрты)..

Подъѣжая къ какому-нибудь аулу, они нараспѣвъ сообщаютъ, что жителямъ аула грозятъ опасности, отъ которыхъ очень трудно спастись. Суевѣрные киргизы даютъ имъ что-нибудь, чтобы они молились за безопасность ихъ, а несуевѣрные смѣются надъ ними.

Аппасовъ, А.—О ростовщикахъ.—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 5.

Въ газетахъ, читаль я, говоритъ авторъ, что ростовщики берутъ за домъ обыкновенно имущество и деньги, а у насъ (т. е. киргизовъ) берутъ людей. Нѣкто, сартъ по происхожденію и по имени С, взялъ за бездѣнокъ двухъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, выбирая изъ цѣлаго общаго пого его же милости рода; нѣкто чала-казакъ Д. взялъ себѣ также красивую дѣвушку, есть и много другихъ примѣровъ.

Аппасовъ, С.—Корреспонденція.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 45.

О новостяхъ какъ особомъ предметѣ киргизовъ.

Аппасовъ, Султанъ.—О необходимости образованія для киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г., № 35.

Аппасовъ, Султанъ.—Встрѣча на базарѣ. Изъ дорожныхъ наблюденій.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г., № 22.

Рассказывается исторія одного киргиза. Киргизъ этотъ когда-то былъ довольно состоятельнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Но вотъ настали выборы, честолюбіе заговорило въ немъ—захотѣлъ онъ сдѣлаться волостнымъ управителемъ. По для этого нужно было не мало денегъ, а откуда ихъ достать, кромѣ ростовщиковъ. На его несчастье попался ему сартъ, который далъ ему 700 руб. съ условіемъ уплатить къ осени 1200 руб. Выборы прошли неудачно,—пятидесятники обманули. Киргизъ потерялъ не только 700 руб., но половину всего своего состоянія. Онъ по прежнему дружилъ съ сартомъ, который посоветовалъ ему обратиться къ адвокату-татарину, если онъ хочетъ отомстить своему счастливому сопернику, на что киргизъ согласился съ радостью. Татаринъ этотъ выдумалъ на вновь избраннаго управителя массу небывалыхъ преступленій, выставилъ ложныхъ свидѣтелей и отправилъ прошеніе съ этими обвиненіями къ прокурору. Произошло, конечно, слѣдствіе, которое продолжалось цѣлый годъ. За то время оба судившіеся киргиза растрапились ужасно, а киргизъ, знакомый Аппасова, потерялъ почти все свое состояніе, которое перешло въ карманы сарта и татарина.

Арандаренко, Г.—Значеніе власти аксакаловъ въ отдаленныхъ кншлагахъ.—«Туркестанскія Вѣдомости», 1874 г., № 25.

Арандаренко, Г. Между туземцами степного уезда.—Туркестанскія Вѣдомства, 1880 г., № 2, 3 и 5.

Арандаренко, Г.—Досуги въ Туркестанѣ. С.-Петербургъ, 1889 г.

Книга представляет сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ въ разное время и посвященныхъ преимущественно сельско-хозяйственному, экономическому и административному положенію страны. Этнографическія свѣдѣнія, пѣлющія отношенія къ киргизамъ, можно найти въ первой главѣ—«Между туземцами степного уезда»: судъ, присяга, гостепрѣимство, характеръ,—въ VII главѣ—«Народный Судъ» и X главѣ—«О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ» (А. П. Харузинъ).

Арасанскій, Л.—Причины волненій въ Киргизскихъ степяхъ.—«Дѣятельность». 1869 г. № 94. — «Современная Лѣтопись», 1869 г., № 22.

Находимъ краткій очеркъ быта азиатскихъ киргизовъ.—Авторъ описываетъ административное устройство степи въ разное время, говоритъ о преимуществѣ административнаго устройства, установленнаго Чернишевскимъ, и о недостаткахъ «Положенія» 1867 г., которое имѣло слѣдствіемъ волненія въ степи. Волненія, по мнѣнію г. Арасанскаго, поддерживались султанами, утратившими свою власть; другая причина волненій—повышеніе подати съ 1 руб. 50 коп. съ кибитки на 7 рублей (А. П. Харузинъ).

Аргнѣбаевъ. Турдыбекъ —Корреспонденція изъ Устькаменогорска.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Вѣдомостямъ», 1889 г. № 25.

Въ этой корреспонденціи говорится о воровской дѣятельности киргизъ.

Аристовъ, П.—Паманганскій округъ Кокандскаго ханства.—«Вжегодникъ Туркестанскаго края», в. и. 2-й

Аристовъ, П.—Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ—казиковъ Большой орды и кара-киргизовъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ дайнныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій.—«Живая старина», 1894 г. в. III—IV.

Тюркскія племена, говоритъ по поводу книги г. Аристова А. П. Харузинъ, мало создали оригинальнаго, но уже издревле играли громадную роль въ жизни другихъ племенъ, въ ихъ территориальномъ распредѣленіи, въ образованіи цѣлыхъ государствъ и складѣ ихъ политической жизни. Если тюрки и не были исключительно разрушающимъ элементомъ, то и не представляли собою въ жизни народовъ Европейско-Азиатскаго континента элементъ созидающій. Быть можетъ, именно эти качества содѣйствовали нашему смутному предстанію объ исторіи ихъ, происхожденіи, бытѣ, физическомъ типѣ. Для изученія древняго быта тюркскихъ племенъ пре-

имущественно содѣйствуетъ изученіе тѣхъ современныхъ тюркскихъ группъ, которыя по своему образу жизни всего болѣе приближаются къ своимъ предкамъ,—изученіе тюрковъ—кочевниковъ. Киргизы, эти тюрки, кочующіе на громадномъ пространствѣ средне-азиатскихъ степей, отчасти по сію сторону Урала, хранящіе въ своихъ обычаяхъ, обрядахъ, воззрѣніяхъ много стѣдой старины, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди тѣхъ тюркскихъ племенъ, изученіе коихъ не только интересно, но и полно глубокаго научнаго значенія. Киргизы уже давно занимаютъ въ нашей литературѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ многіе другіе широдцы нашего отечества. Знакомясь съ исторією развитія литературы о киргизахъ, мы видимъ, что изученіе этого народа началось въ концѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе чѣмъ въ другихъ областяхъ, завоевали себѣ видное имя и здѣсь извѣстные изслѣдователи нашихъ окраинъ: Налласть, Георги, Рычковъ, Лепехинъ. Съ начала текущаго столѣтія литература о киргизахъ не переставала прогрессивно развиваться. Своеобразный вишній бытъ—вотъ что привлекло громадное большинство лицъ, писавшихъ о киргизахъ, вплоть до 20-хъ годовъ. Извѣстное сочиненіе А. Левшина: «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», сдѣлавъ эпоху въ изученіи интереснаго народа, подвинуло весьма значительно наше знакомство съ киргизами. Тридцатыя, сороковыя и отчасти пятидесятые годы давшіе массу интересныхъ статей и сочиненій о киргизахъ, часто повторяя уже ранѣе въ литературѣ извѣстное, вдаются въ разсмотрѣніе бытчанья, обрядовъ, религіозныхъ воззрѣній киргизовъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и обогащаютъ наше знаніе интересными фактами. Дальнѣйшія два десятилѣтія, богатая военными событіями, даютъ новое направленіе литературѣ о киргизахъ: вынуждаютъ изучать наше политическое отношеніе къ киргизамъ, ихъ исторію, политическій и соціальный строй. Литература семидесятыхъ годовъ, продолжая прогрессировать на пути этнографическихъ изслѣдованій киргизовъ, выдвигаетъ на первый планъ вопросы экономическіе. Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе характеризуется въ литературѣ о киргизахъ первыми попытками антропологическихъ изслѣдованій этого народа. Хотя литература о киргизскомъ народѣ, насчитывающая нынѣ свыше 1500 статей и сочиненій, и бѣдна по сіе время трудами, исчерпывающими всесторонне тотъ или иной вопросъ, но зато отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, преимущественно изъ области этнографіи,—фактовъ, ожидающихъ своего обобщенія и освѣщенія, накопилось, безъ преувеличенія, громадная масса. Текущее десятилѣтіе и характеризуется именно попытками нѣкоторыхъ авторовъ связать фактическія данныя въ извѣстную систему и представить читателю нѣчто стройное, цѣлое, освѣщающее данный вопросъ. Сочиненіе Н. Арстова, нѣсколько длинное заглавіе котораго, продолжаетъ г. Харузинъ, мы не повторяемъ здѣсь, слѣдуетъ отнести къ разряду трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые не ограничиваются перечнемъ фактовъ, а группируютъ факты въ подтвержденіе руководящей мысли. Н. Арстовъ останавливается исключительно на родовомъ устройствѣ киргизовъ Большой орды и каракиргизовъ. Родовое устройство названныхъ племенъ не составляетъ у автора собственно поле его изслѣдованія; но факты, добытые имъ отчасти оригинальными изысканіями, отчасти почерпнутые имъ изъ лите-

ратурных источниковъ, онъ старается эксплуатировать для выводовъ объ этническомъ составѣ поминутыхъ народностей. На помощь недоговаривающимъ фактамъ по родовому устройству авторомъ берутся данныя историческія и народныя преданія. Преслѣдуя весьма сложную и трудно-разрѣшимую задачу детальнаго выясненія этническаго состава киргизовъ Большой орды и кара-киргизовъ, авторъ, какъ оно понятно, не исчерпываетъ предмета, но раскрываетъ—и этого нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удареніемъ—много новаго и въ высшей степени интереснаго. Трудъ Н. Аристова состоитъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей: «этническій составъ Большой орды» и «роды и кости кара-киргизовъ». Къ послѣдней статьѣ примыкаетъ особая глава «типы кара-киргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія». Говоря объ этническомъ составѣ Большой орды, авторъ останавливается на генеалогическихъ преданіяхъ киргизовъ и приводитъ легендарную родословную больше-ордынцевъ. Одинадцать именъ этой родословной не что иное, какъ имена современныхъ одинадцати поколѣній Большой орды. Указавъ на численность отдѣльныхъ поколѣній и на мѣста ихъ современнаго жительства, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ извѣстіямъ о поколѣніяхъ Большой орды. Къ сожалѣнію эта глава не имѣетъ достаточной полноты, въ чемъ, впрочемъ, упрекнуть автора было бы не справедливо. Говоря собственно о четырехъ поколѣніяхъ—бузаты, кангалы, сары-уйеузы, джалаиръ,—авторъ знакомитъ читателя съ древнею исторіею этихъ поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда самостоятельными племенами. За симъ авторъ переходитъ къ интересному, но мало разработанному вопросу объ уранахъ, т. е. боевыхъ крикахъ, и о тамгахъ киргизовъ. На основаніи находившихся въ распоряженіи автора данныхъ, онъ старается опредѣлить родовой и племенной составъ Большой орды. Многочисленныя киргизскія тамги, свойственныя каждому киргизскому роду, сводятся по мнѣнію Н. Аристова на шесть основныхъ типовъ: а) прямая черта и ея удвоеніе, б) кругъ и его удвоеніе, в) полукругъ, г) сочетаніе двухъ прямыхъ, образующихъ уголъ или крестъ, е) соединеніе подъ углами трехъ прямыхъ и ф) соединеніе четырехъ прямыхъ подъ углами. Седьмой типъ, приводимый Н. Аристовымъ, «соединеніе круга или полукруга съ одной, двумя и тремя прямыми», по мнѣнію г. Харузина, представляетъ сочетаніе первыхъ двухъ типовъ съ послѣдующими тремя. Н. Аристовъ придаетъ тамгамъ киргизовъ громадное значеніе. Это есть знакъ родовой, неизмѣнный, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени; но есть ли возможность даже при наличности достаточнаго матеріала возстановить родственную связь отдѣльныхъ родовыхъ группъ киргизовъ, какъ между собой, такъ и съ родовыми группами другихъ тюркскихъ племенъ,—по сіе время остается вопросомъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, изысканія Н. Аристова именно на этомъ пути представляются новыми, въ высшей степени интересными и освѣщающими многія темныя мѣста, не только въ происхожденіи элементовъ, составившихъ киргизскую народность, но и во взаимномъ родствѣ ихъ съ кара-киргизами. Болѣе подробно, чѣмъ Большую орду киргизовъ, авторъ разсматриваетъ кара-киргизскую народность. Останавливаясь на народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи кара-киргизовъ, Н. Аристовъ переходитъ къ

историческимъ даннымъ. И тѣ и другія убѣждаютъ автора въ древнемъ происхожденіи «киргизовъ» (т. е. кара-киргизовъ) и въ примѣси къ этому народу иноплеменниковъ, преимущественно въ лицѣ наймановъ, катаевъ и кичаковъ,—племень, имѣвшихъ въ свою очередь древнюю исторію. Далѣе авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе таигъ и родовыхъ именъ кара-киргизовъ и, на основаніи ихъ, выводитъ свои заключенія относительно болѣе или менѣе близкаго генеалогическаго родства кара-киргизовъ съ другими племенами и, въ частности, съ киргизами. Эти изысканія и служатъ И. Арнестову главнѣйшей задачей его труда. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что, просматривая имена родовъ разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ-то: киргизовъ, кара-киргизовъ, башкиръ, узбековъ, туркменъ, алтайскихъ тюрковъ и др., нельзя не видѣть общность многихъ родовыхъ именъ, встрѣчающихся то у тѣхъ, то у другихъ народностей. Иѣкоторыя изъ такихъ именъ болѣе распространены, иные менѣе. Есть авторы, которые склонны видѣть въ этомъ повтореніи родовыхъ именъ у разныхъ племенъ извѣстную случайность. Такой взглядъ ничѣмъ не мотивированъ и никоимъ образомъ не можетъ считаться правильнымъ. Сознавая это, другіе авторы въ своихъ трудахъ уже неоднократно отмѣчали повторяемость именъ отдѣльныхъ родовъ, но не давали этому явленію никакого объясненія, исключая тѣ случаи, когда объясненіе, какъ сказать, навязывалось само собою. И. Арнестовъ, пользуясь извѣстными ему списками поколѣній и родовъ, пользуясь данными историческими, которыя, къ слову будь сказано, вообще крайне скудны, прибѣгая къ изображеніямъ тамъ, пытается возстановить генеалогическую связь, съ одной стороны, между кара-киргизами и киргизами Большой орды, съ другой же стороны между отдѣльными родами поколѣній. Задача эта крайне трудна: во-первыхъ, многіе рода новаго происхожденія, между тѣмъ время ихъ возникновенія не извѣстно; во-вторыхъ, сліяніе иѣкоторыхъ родовъ произошло уже давно, существованіе родовъ и поколѣній, фигурировавшихъ иѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ племенъ, относится нерѣдко къ весьма отдаленнымъ отъ современныхъ дней временамъ, восходя до начала (и даже ранѣе) нашей эры. Наконецъ, расселеніе разныхъ племенъ, встрѣчаемыхъ нами въ лицѣ поколѣній и родовъ тюркскихъ племенъ, въ свою очередь, проходило нерѣдко очень давно, при томъ крайне разновремено и въ большинствѣ случаевъ и никѣмъ не датировано. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вѣрно и точно возстановить, такъ сказать, контуры генеалогіи современныхъ тюркскихъ племенъ, надо быть хорошо вооруженнымъ и знаниемъ языковъ, и историческими данными, и обильнымъ, вѣрными и проверенными современными матеріалами. Всѣ эти условія необходимы, а между тѣмъ обладаніе ими не всегда зависитъ отъ автора самого: вотъ почему мы далеки, говорить г. Харузинъ, отъ мысли упрекать И. Арнестова въ шаржированіи, если можно такъ выразиться, своего, но существу совершенно правильнаго метода. Вотъ почему мы не останавливаемся на деталяхъ добытыхъ имъ результатовъ. Нельзя не усмотрѣть, однако, заслуги И. Арнестова въ томъ, что имъ сдѣланъ починъ въ совершенно новой—въ изученіи тюркскихъ племенъ—области, которую мы могли бы назвать рациональной генеалогіей. Всякому понятно, что генеалогія народа лишь до

известной степени способна раскрыть истинный состав данного племени: генеалогія даетъ качественный анализъ его, оставляя вопросъ о количественномъ составѣ до известной степени открытымъ; но, съ другой стороны, генеалогія племенъ служитъ могучимъ подспорьемъ для изученія ихъ исторіи и связанныхъ съ нею, дробленія и расселенія племенъ, для изученія бытовыхъ явленій и, наконецъ, физическаго типа. Кромя того генеалогія современныхъ племенъ служитъ подспорьемъ для изученія исторіи, этнографіи и антропологіи уже исчезнувшихъ, часто загадочныхъ для насъ, народовъ, почитающихся подъ частъ вымершими и исчезнувшими безслѣдно, между тѣмъ продолжающими существовать въ лицѣ поколѣній или родовъ современныхъ, но несущихъ совершенно инныя наименованія народностей. Изучая на основаніи генеалогическихъ данныхъ, связанныхъ съ родовыми именами, составъ современныхъ тюрковъ, намъ представляется возможнымъ, такъ сказать, воскресить давно забытыя исторію племена, какъ наймановъ, кангловъ, китаевъ, кичаковъ, дулатовъ, кирсеевъ, усюней, динлиновъ и др. И Аристову удается на основаніи своихъ изысканій установить известную связь между некоторыми инми исчезнувшими племенами и ихъ отношенія къ современнымъ кара-киргизамъ и киргизамъ Большой орды. Резюмируя наиболее осязательные результаты труда названнаго автора, ухитримся помѣстить ихъ здѣсь, какъ представляющіе новый и выдающійся интересъ. Кара-киргизовъ Н. Аристовъ считаетъ генеалогически прямыми потоками древнихъ усюней. По усюнской народъ, занявшій за два вѣка до Р. X. западный Тяньшань, уже тогда не являлся цѣльнымъ, а представлялъ союзъ изъ тюркскихъ родовъ и киргизовъ; во главѣ этого союза стоялъ усюнский отдѣлъ киргизовъ. У усюней и киргизовъ (давшихъ современнымъ кара-киргизамъ свое имя) были общіе предки—древніе киргизы, происшедшіе, въ свою очередь, изъ смѣшенія тюрковъ съ длинноголовою и свѣтлоокрашеною расою динлиновъ. Большая орда киргизовъ образовалась преимущественно изъ исчезнувшихъ инми кангловъ и дулатовъ съ присоединившимися къ нимъ кара-киргизами (киргизами), которые составили поколѣніе сары-уфусовъ Большой орды. Присоединившіеся къ «киргизамъ» турки были родственные дулатамъ; сами же дулаты суть такъ-же, какъ и канглы, два особыхъ тюркскихъ племенъ, отличныя отъ кара-киргизовъ; въ составъ дулатовъ вошла незначительная часть динлинскаго племенъ. Вызванная по достоинству добытые Н. Аристовымъ результаты его научныхъ изысканій, оцѣнивая весь кропотливый трудъ, потраченный имъ при его работѣ, тщательность литературныхъ источниковъ и сотни сгруппированныхъ интереснейшихъ фактовъ, касающихся преимущественно родового устройства киргизовъ Большой орды и кара-киргизовъ, мы не можемъ, заканчивая статью свою г. Харузинъ, не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ интереснаго «опыта выясненія этническаго состава» названныхъ племенъ, не можемъ не пожелать почтенному автору успѣха въ его дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Аристовъ, Н.—Печенѣги, половцы и турки до мажествія татаръ. Кіевъ, 1894 г.

Арсеньевъ ¹⁾.—Статистическіе очерки Россіи. С.-Петербургъ. 1848 г.

Артеменко, Ст.—Объ искусственомъ облѣсеніи степей.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 4.

Наиболѣе желательно подвергнуть облѣсенію ту часть Акмолинской области, въ которой слабо выражается естественное произрастаніе лѣса. Такими мѣстностями слѣдуетъ считать уѣзды Атбасарскій и Акмолинскій, гдѣ недостатокъ лѣса, въ особенности въ чернолѣ изъ названныхъ уѣздовъ, такъ великъ, что киргизы вынуждены пріобрѣтать таковой даже для своихъ необходимыхъ домашнихъ подѣлокъ изъ чрезвычайно стѣленныхъ мѣстъ, лежащихъ нерѣдко въ другихъ уѣздахъ и областяхъ; но разведеніи же лѣса они сверхъ естественныхъ удобствъ, доставляемыхъ таковымъ, будутъ имѣть еще даровое топливо. Въ особенности нуждаются въ облѣсеніи тѣ волости Атбасарскаго уѣзда, которыя расположены по побережьямъ рѣкъ Ишима, Терсакана и Каракеитира, а также на мѣстности Каркаралаи и въ окрестностяхъ Улутава, а въ Акмолинскомъ уѣздѣ—волости: Акмолинская, Ишимская, Еременская, Коржункульская и Кызыл-Топракская.

Артеменко, Ст.—О наследственномъ землепользованіи у киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 38, 39 и 40.

Основной принципъ русскаго законодательства о киргизскомъ землепользованіи сводится къ тому, что все пространство земель, занятыхъ кочевьями, всегда должно составлять государственную собственность, предоставленную временно въ пользованіе киргизскихъ обществъ, а не отдѣльныхъ кочевниковъ; въ видахъ же поощренія осѣдлаго образа жизни киргизовъ и занятія ихъ земледѣльческою культурою, законъ не возбраняетъ обществамъ раздѣлить свою землю между отдѣльными членами, при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которые серьезно занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и садоводствомъ, предоставлено право передавать обрабатываемые участки по наследству. Равнымъ образомъ, не запрещается передавать по наследству и участки, на которыхъ возведены постройки, указывающія на склонность владѣльца къ переходу къ осѣдлой жизни. Однако, во избѣжаніе изворотливости и обхода требованій закона недобросовѣстными киргизами, поставлено условіе, что право на наследственное пользованіе землею предо-

¹⁾ Константинъ Ивановичъ Арсеневъ—статистикъ, историкъ и географъ, родился въ 1789 году въ семьѣ священника села Мирханова, Костромской губерніи, образованіе получилъ въ духовной семинаріи и Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1810 году. Въ 1817 году Арсеневъ получилъ мѣсто адъюнкта-проф. въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1824 году былъ назначенъ редакторомъ комиссіи составленія законовъ и занималъ эту должность до 1828 года, когда на долю его выпала высокая честь стать преподавателемъ Наслѣдника престола. Съ 1832 года Арсеневъ былъ членомъ совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1835 по 1853 г. завѣдывалъ работами статистическаго комитета, умеръ въ 1865 году.

ставляется владѣльцамъ до тѣхъ лишь поръ, пока отведенныя имъ участки обрабатываются или заняты жилыми дѣйствующими хозяйственными постройками. Въ противномъ случаѣ, такіе участки переходятъ въ распоряженіе обществъ и могутъ быть отданы другимъ лицамъ. Права же на наследственное пользование землями, пожалованными въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ качествѣ частной собственности, точно опредѣлены въ ч. 1 т. X Закон. Гражд. и киргизы, владѣющіе такими землями, распоряжаются ими на общихъ основаніяхъ съ другими россійскими подданными, имѣющими частную земельную собственность.

Артемько, Ст.—О правѣ киргизовъ на бесплатное пользованіе казенными лѣсами.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 41.

Артемько, С. К.—О порядкѣ развѣдокъ и разработки ископаемыхъ на казенныхъ земляхъ степныхъ областей.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г., №№ 11, 12, 13 и 14.

Артемько, С. К.—Волкъ въ овечьей шкурѣ.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г., №№ 17, 18, 19, 20 и 21.

Когда наши восточныя границы не были установлены прочно, этимъ пользовались предводители разныхъ мелкихъ шаекъ, составленныхъ изъ буйныхъ барантачей-киргизовъ, не пожелавшихъ принять подданство покорившей ихъ Россіи. Совершая на русскую сторону набѣги и производя грабежи, шапки доставляли не мало хлопотъ вновь утвердившейся русской власти, не располагавшей въ первое время достаточнымъ количествомъ войскъ, для прекращенія подобнаго нежелательнаго явленія. Русскихъ консульствъ по ту сторону границъ еще не существовало и договоры съ соседними государствами объ обязательной поимкѣ и выдачѣ грабителей еще не были заключены. Появляясь внезапно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, барантачи наводили ужасъ на мирное кочевое населеніе, нарушая обычное теченіе его незатѣйливой жизни. Предусмотрѣть появленіе шаекъ и принять противъ нихъ своевременныя мѣры было рѣшительно невозможно, такъ-какъ, въ, во-первыхъ, было слишкомъ много, во-вторыхъ—они избирали для своей работы мѣстности наиболѣе удаленныя отъ расположенія русскихъ войскъ и, въ-третьихъ, войска, занятая другими неоконченными военными операціями, не могли до окончанія этихъ операцій выдѣлить изъ своего состава необходимыя части для усмиренія буяновъ. Первое время населеніе старалось отбиваться отъ барантачей собственными силами. Въ аулахъ имѣлись ружья, пикъ и сабли, которыми молодежь и киргизы средняго возраста владѣли въ тѣ смутныя времена довольно умѣло. Происходили ожесточенныя схватки съ барантачами и, хотя послѣдніе рѣдко брали верхъ, тѣмъ не менѣе частыя набѣги ихъ причиняли постоянныя безпокойства и заставляли мирныхъ киргизовъ жить, такъ сказать, на военномъ положеніи. Г. Артемько рассказываетъ о предводителѣ одной изъ грабительскихъ шаекъ Кереметѣ, человекѣ смѣломъ и безпощадномъ. Укрываясь по ту сторону границы, шапка его оставалась долгое время безнаказанною,

пока не насладила укряншему еѣ государству, которое въ концѣ концовъ рѣшилось уничтожить еѣ. Кереметь былъ пойманъ и заключенъ подъ стражу. Его присудили къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Однако, пока дѣйствія власти были заняты поимкою его шайки, самому Керемету удалось бѣжать на русскую границу, и здѣсь онъ, какъ полкъ въ овечьей шкурѣ, проживалъ между киргизами въ качествѣ благочестиваго ходжи. Онъ былъ однако пойманъ и отправленъ въ вѣчную ссылку.

Артемьевъ, А.¹⁾—Нѣсколько замѣтокъ о киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства.—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1859 г., ч. XXXVIII, кн. X, отд. III.

Излагается исторія нашихъ сношеній съ киргизами, описываются границы Малой орды, пространство и почва ея, климатъ, народонаселеніе, скотоводство, хлебопашество, земледѣльство и торговля. Здѣсь же находится очеркъ Букеевской орды: исторія возникновенія ея, границы, пространство, почва, управление, населеніе и скотоводство (А. Н. Харузинъ).

Артемьевъ, А.—Астраханская губернія.—Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1861 г.

Киргизамъ посвящается глава VI; свѣдѣній мало и тѣ всѣ устарѣли; въ этой же главѣ перепечатанъ изъ статьи Я. В. Ханькова—«Очеркъ состоянія Внутренней киргизской орды» (Зап. Императорск. Геогр. Общ., кн. II) списокъ урочищъ, при которыхъ кочуютъ букеевскіе киргизы.

Арткбаевъ, Сарсекей.—Изъ Павлодарскаго уѣзда.—Особое прибавленіе къ «Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 26.

«Архивъ Государственнаго Совѣта 1869 г.», С.-Петербургъ, т. I, ч. II.

Заключаетъ законоположенія, относящіяся до Астраханскаго края.

Асаниовъ, Джабенъ.—Корреспонденція изъ Каркаралнска.—Особое прибавленіе къ «Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 16.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Артемьевъ, историкъ, археологъ, этнографъ и статистикъ, родился 24 окт. 1820 г., умеръ 29 сент. 1874 г., воспитывался въ Казанскомъ университетѣ. Съ 1844 по 1852 г. Артемьевъ былъ редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ 1850 году избранъ членомъ корреспондентомъ Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, а также членомъ Русскаго Географическаго Общества, съ 1852 г. служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работая по статистикѣ Россіи. Какъ хорошій знатокъ русской географіи и статистикъ, Артемьевъ участвовалъ въ составленіи «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи» (Казанской, Ярославской, Астраханской и др. губерній)

Асапъ—Кангы.—Корреспонденція (изъ Вѣрнаго).—«Киргизская Степная Газета», 1896 г., № 4.

Объ устроенномъ киргизами Жиембаевыми тоѣ по случаю обрѣзанія сыновей. Для гостей было заколото 50 лошадей, 100 барановъ и много израсходовано муки, чаю, рису и фруктовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1890 г., № 233.—Хитрость ребенка, киргизская побасенка.

Не смотря на свое киргизское происхождение, побасенка эта сильно напоминаетъ извѣстное дѣтямъ нашимъ повѣствованіе о мужикѣ и волкѣ, подъ заглавіемъ—«Старая хлѣбъ-соль забывается».

«Астраханскій Вѣстникъ», 1890 г., № 391.—Къ вопросу о миссіонерствѣ въ киргизской степи.

Говорится о томъ, что въ последнее время вниманіе нашего правительства обращено на религіозную жизнь киргизовъ, въ огромномъ числѣ кочующихъ въ степяхъ Азіатской Россіи, и что Св. Синодъ предполагаетъ основательно заняться дѣломъ распространенія среди кочевниковъ христіанскаго ученія—съ цѣлью ослабить, а въ послѣдствіи, при благопріятныхъ условіяхъ, и вовсе искоренить магометанство въ народѣ киргизскомъ. «Астраханскій Вѣстникъ» сомнѣвается, однако, въ успѣхъ этого дѣла, указывая въ примѣръ безуспѣшности на киргизское отдѣленіе основанной Макаріемъ Алтайской миссіи. Судя по этому, говоритъ «Астраханскій Вѣстникъ», надо думать, что букеевскіе киргизы окажутъ миссіонерамъ сопротивленіе, такъ какъ, находясь съ давнихъ поръ подъ вліяніемъ татаръ, успѣли настолько войти во вкусъ Магометова ученія, что въ данное время трудно встрѣтить въ Букеевской ордѣ семью, которая въ точности, съ самою отъявленной предантчиностью, не исполняла бы всего, что требуется отъ каждаго «добраго мусульманина».

Въ заключеніе газета говоритъ, что необходимо учредить какъ можно больше школъ съ преподаваніемъ дѣтямъ киргизовъ русскаго языка, причемъ учителями должны быть лица, хорошо владѣющія киргизскимъ языкомъ и получившія спеціально-педагогическое образованіе.—при такихъ только условіяхъ можно разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ, сильно тормозящимъ просвѣщеніе киргизовъ и держащимъ ихъ на степеніи полудикости.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 632.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника», въ замѣткѣ «Сѣвѣрное сообщеніе» читаемъ слѣдующее:—«Въ послѣднемъ № «Справочнаго Листка» сообщалось, что предсѣдатель временнаго совѣта по управленію Внутреннею киргизскою ордой В. М. Лазаревскій, озабочиваясь обезпеченіемъ киргизской ордѣ запа-

¹⁾ «Астраханскій Вѣстникъ» издается съ 1889 г.. Основанъ Н. А. Зеленскимъ. Въ 1894 г. изданіе перешло къ Н. Евф. Алекторовой. Редакторъ—издатель Н. А. Длинбергъ.

сами хлѣба и сѣна въ предстоящую зиму, между прочимъ, сдѣлалъ уже распоряженіе о запрещеніи киргизамъ, впредь до особаго распоряженія, продажи и вывоза сѣна изъ киргизской степи за ея предѣлы. Къ этому сообщенію «Листокъ» прибавилъ даже, что мѣра вызвана особой предосторожностью, въ виду плохихъ урожаевъ сѣна въ настоящемъ году». Свидѣнія, говоритъ «Астраханскій Вѣстникъ», нами были провѣрены путемъ справки въ компетентномъ учрежденіи и оказались невѣрными: г. Лазаревскій до сихъ поръ еще не вступалъ въ должность председателя совѣта киргизской орды, почему и не могъ дѣлать никакихъ распоряженій по обезпеченію киргизскаго населенія ни хлѣбомъ, ни сѣномъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1891 г., № 732. — Ханская Ставка. Говорится о томъ, что въ Ханской Ставкѣ 6 декабря происходило скромное празднованіе 50-ти лѣтняго существованія мужского двухкласснаго училища, основаннаго ханомъ Джангеромъ. Послѣ литургіи въ церкви, въ школѣ было открыто молебствіе въ присутствіи учебнаго персонала, членовъ совѣта и родственниковъ учащихся. Затѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ Внутренней орды А. Е. Алекторовъ прочиталъ письмо покойнаго хана къ дядѣ своему Чукъ Пураліеву о пользѣ для киргизовъ образованія въ русскомъ духѣ и въ сѣломъ очеркѣ познакомилъ присутствовавшихъ съ состояніемъ школы за минувшіе полѣтѣ; между прочимъ указалъ на возрастающее среди киргизовъ стремленіе къ обученію въ русскихъ школахъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1892 г., № 901.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная хроника» сообщается, что, въ виду существованія холерной эпидеміи въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Внутренней киргизской ордѣ, въ Таловскомъ поселкѣ этой орды, августовская ярмарка въ 1892 г. отменяется.

«Астраханскій Вѣстникъ» 1895 г., № 1155. — Русско-киргизская школа ремесленныхъ учениковъ.

Сообщается, что 13 ноября, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія въ Государственный Совѣтъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи съ 1-го іюля 1896 г. Уральскаго русско-киргизскаго училища въ школу ремесленныхъ учениковъ, по штату 20 декабря 1893 г., съ начальнымъ при ней училищемъ и общежитіемъ на 35 киргизскихъ мальчиковъ. На содержаніе школы изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано въ 1896 г. 2732 р. 50 к., а начиная съ 1897 г. — по 5465 руб. въ годъ; кромѣ того, одновременно изъ казны отпущено на постройку двухъ флигелей для слесарной и сапожно-шорной мастерскихъ — 8600 руб.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1202 — Военно-конская перенесъ.

Уже за Оренбургомъ встрѣчаются кибитки киргизовъ, а верстахъ въ двадцати въ глубь степей начинаютъ попадаться табуны, которые отсюда на сотни верстъ, безъ перерыва, пасутся на безграничномъ пространствѣ средне-азиатскихъ равнинъ. Ближе къ Оренбургу, по приуральскимъ степямъ

въ Плецкомъ уѣздѣ, ходять табуны Малой и Средней орды. Здѣсь коневодство по преимуществу мелкое: рѣдко когда попадаются табуны въ 100 и болѣе головъ. Далѣе въ Николаевскомъ уѣздѣ, въ Большой ордѣ, коневодство до послѣдняго года было гораздо обширнѣе, и коневоды, владѣвшіе табунами въ 1000 и болѣе головъ, встрѣчались довольно часто, но въ настоящее время произведенная перепись указала, что численный составъ табуновъ сократился. Только по р. Ую, близъ г. Троицка, вокругъ озера Сары-Камышъ, кое-гдѣ по р. Тоболу и р. Карабутаку, Аргалѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ попадаются еще табуны головъ по 400—500. Причиной такого сильнаго и повсемѣстнаго сокращенія численности табуновъ послужилъ падежъ лошадей въ зиму 1891—1892 года и въ весну 1892 года, когда отъ недостатка корма, послѣ сухого и знойнаго лѣта, гололедница и частыхъ бурановъ погубило въ Плецкомъ уѣздѣ около 82000, а въ Николаевскомъ—свыше 137000 головъ лошадей. Падежъ скота (джутъ) въ киргизскихъ степяхъ бываетъ периодически, черезъ 10—12 лѣтъ. Однако, мѣстная киргизская лошадь не перевелась, и благодаря удивительной стойкости, крѣпости и необыкновенной выносливости, продержала, наоборотъ, рѣдкую способность, по минованіи неблагополучія, быстро возрождаться, давая обильный приростъ. Вслѣдствіе этого Тургайская область имѣетъ и долго еще будетъ имѣть всѣ основанія къ сохраненію обширнаго степнаго коневодства, хотя въ массѣ и мелкрослого (около 1 арш. 15 верш.), но крѣпкаго вполне опредѣленнаго и устойчиваго типа, весьма къ тому же пригоднаго для военнаго вѣдомства. Прекрасныя качества киргизскихъ лошадей, въ связи съ обильными земельными угодьями и съ широко развитымъ вообще коневодческимъ промысломъ дали основанія государственному коннозаводству учредить въ Тургайской области три степныхъ конюшни съ штатомъ въ 1500 жеребцовъ съ цѣлью получить среди киргизскихъ лошадей запасъ хорошихъ ремонтныхъ лошадей. Государственное коннозаводство роздало также киргизамъ въ косяки, для постояннаго пользованія, до 600 производителей верхового сорта, рожденныхъ въ степяхъ и вполне подходящихъ къ быту и характеру мѣстнаго киргизскаго коневодства. Сравнивая неулучшенную киргизскую лошадь съ остальными нашими табунными лошадьми, донскими, кавказскими, калмыцкими, нагайскими, туркменскими, нельзя не придти къ заключенію, что она большинству изъ нихъ уступаетъ во многомъ; но за то киргизскія лошади превосходятъ всѣ породы нашихъ табунныхъ лошадей своею численностью, что, при замѣченной способности киргизской лошади давать быстро хорошій приплодъ отъ улучшенныхъ производителей, придаетъ коневодству киргизовъ первостепенное значеніе. При цѣлесообразности мѣропріятій, обширныя табуны киргизовъ дѣйствительно могутъ не только въ значительной степени пополнить наши войсковыя потребности въ коневыхъ средствахъ, но и доставить хорошій запасъ вообще прекрасныхъ и недорогихъ лошадей для населенія. Статья напечатана со словъ «Русскаго Инвалида».

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1255.—Интересное явленіе въ жизни киргизовъ.

Въ Царевское уѣздное по воинской повинности присутствіе 15 октября явился киргизъ Внутренней—Букеевской орды, Тургайской части, Погаевского рода, Бекбулатъ Мулдалиевъ и заявилъ желаніе поступить въ военную службу. На другой день онъ подалъ прошеніе воинскому начальнику, въ которомъ просилъ принять участіе въ выдачѣ ему со стороны отпа письменнаго вида, который необходимъ ему для принятія православія и для поступленія въ военную службу.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1261.— Убіеніе ловца.

Между прочимъ сообщается, что на взморѣ, въ запретной полосѣ, противъ поселка Васильева и острова Кирсанова объѣздки замѣтили нѣсколько лодокъ обловщиковъ. Объѣздки (до восьмидесяти человекъ) на двадцати косныхъ пустились въ догонку за обловщиками, видирая по пути сѣтки. Когда нѣсколько ловцовъ были настигнуты и у нихъ начали отбирать рыболовные орудія и рыбу—киргизы стали сопротивляться и завязалась драка. Киргизы были побиты веслами, при чѣмъ нѣкоторыхъ въ лодкахъ забуксировали и доставили на промыселъ; здѣсь многихъ высадили на берегъ и продержали до поздняго вечера.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1271.

Въ отдѣлѣ—«Общая Хроника» высказывается сожалѣніе о перемѣщеніи инспектора Оренбургской киргизской учительской школы, А. И. Тарнавскаго, на должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи. А. И. Тарнавскій былъ весьма полезенъ для просвѣщенія киргизовъ дѣятель.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1277.

Сообщается, что киргизы 2-го приморскаго округа Внутренней—Букеевской орды пожертвовали въ пользу двухкласснаго училища въ Большомъ Ганюшкиномъ ветхое школьное зданіе, за которое покупатели предлагаютъ отъ 400 до 450 рублей.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1893 г., № 1279.— Киргизскіе табуны.

По даннымъ военно-конской переписи въ Николаевскомъ и Плецкомъ уѣздахъ, Тургайской области, и въ Букеевской ордѣ, Астр. губ., среди кочующихъ киргизовъ оказалось около 400.000 лошадей. Лошади не крупнаго роста, но вообще крѣпкаго сложенія, очень выносливы и не прихотливы на кормъ. Цѣна на киргизскихъ лошадей не велика, платятъ отъ 20 до 25 и отъ 40 до 50 рублей за лошадь хорошей рабочей силы и не стараго возраста.

Общее количество скота у киргизовъ 3.043 665 головъ, стоимостью около 60 мил. рублей; доходность отъ посѣвовъ исчисляется около 2 мил. рублей.

Въ этомъ же номерѣ сообщается, что лѣсохранительный комитетъ обратилъ серьезное вниманіе на разведеніе лѣсовъ въ Астраханской губерніи. Строго стали наблюдаться, чтобы лѣса не уничтожались населеніемъ; особенно зорко слѣдятъ за кочевниками, которые въ недавнемъ прошломъ

уничтожали леса самым варварским образом. Самыми лучшими лесными плантациями в настоящее время считаются Тенгушинская и Янгульская; на пути к развитию и Нарынская плантация. Лесничество в Нарынской части киргизской степи учреждено недавно, но уже результаты получаются удовлетворительные. Однако, достижение этих результатов сопряжено с большими хлопотами; особенно много хлопот было лесному надзору в первое время учреждения лесничества. Киргизы, хищники по природе, привыкшие издавна распоряжаться всем, что есть в степи, безконтрольно, безнаказанно, — представляли много затруднений для нарынской лесной стражи в деле охранения как оставшихся от прежних времен лесов, так и молодых. Старые деревня киргизы рубили, молодёжь травил скотом, продолжая делать это до тех пор, пока не уразумели, что лесной надзор не намерен с ними шутки шутить. Приняты были самые строгие меры к искоренению хищничества; штрафы за порубку, за выпас скота на местах, отведенных под разведение лесов, штрафы немалые, заставили, наконец, киргизов одуматься, и в настоящее время случаи нарушения лесного устава встречаются сравнительно реже, хотя все-таки довольно еще часты. Взимание штрафов производится без послаблений, иначе еще труднее было бы бороться с киргизским хищничеством, которое повинно в том, что существовавшие здесь 50 тому назад в Нарынской части богатые леса, совершенно уничтожены, и местность бывшая когда-то роскошную растительность, превратилась в сыпучие пески... Лесничество в киргизской степи существует не более четырех лет, но уже и в такой короткий период времени сделано много в деле укрощения песков. В будущем, когда совершится поземельное устройство киргизского населения, площадь для разведения лесов должна будет увеличиться, равным образом и число лесничеств; теперь же дело пока ограничивается небольшим сравнительно пространством. В Калмыцкой степи лесоразведение идет гораздо успешнее, чему не мало способствует и то обстоятельство, что калмыки менее хищнически, чем киргизы, относятся к расгущим в степи деревьям, но все-таки далеко то время, когда Астраханская губерния, особенно ее обширные степи, превратятся в покрытое растительностью пространство. Надо много сил и средств для этого; необходима самая энергичная борьба с летучими песками, площадь которых так велика, что составляет чуть ли не две трети губернии.

«Астраханский Вестникъ», 1893 г. № 1297. — Къ юбилею Оренбургской классической гимназии.

На устройство этой гимназии зауральские киргизы пожертвовали более 40000 рублей и букеевские 30000 рублей. В настоящее время из букеевских киргизов в гимназии воспитывается не более 4—5 мальчиков.

«Астраханский Вестникъ», 1894 г. № 1311. — Миссія въ Тургайской области.

«Астраханский Вестникъ», 1894 г. № 1346. — Русская колонизация въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сиръ-Дарьинской области.

Всѣхъ селеній въ названномъ уѣздѣ имѣется 15, при 4880 жителей обою пола. Хотя большая часть селеній, говорится въ статьѣ, существуетъ не болѣе двухъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время крестьяне уже владѣютъ 6195 гол. скота. Но главное пріобрѣтеніе мѣстныхъ селеній представляютъ сельскія школы. Въ шести поселкахъ 6 прекрасно устроенныхъ школъ, а въ остальныхъ обученіе дѣтей грамотѣ производится въ крестьянскихъ домахъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1453. — За коня. Изъ киргизскихъ сказаній.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1373.—Соляной промыселъ на Баскунчакѣ.

Солепромышленники часто злоупотребляютъ трудомъ рабочихъ киргизовъ: принимая отъ киргизовъ соль мѣшками, они считаютъ каждый мѣшокъ по 3 пуд.; въ дѣйствительности же онъ вѣситъ до 7 пудовъ. Киргизъ не протестуетъ... Трудъ его каторжный. Цѣлый день онъ въ озерѣ подъ палачими лучами солнца, погруженный по грудь въ развѣдающую рану, и вечеромъ выходитъ на отдыхъ весь въ кровоточивыхъ язвахъ. На озерѣ ежедневно копошится до 2000 рабочихъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1376. — Сельско-хозяйственные курсы на пользу кочевниковъ.

Говорится о курсахъ садоводства, огородничества, пчеловодства и ручнаго труда, открытыхъ лѣтомъ 1894 г. въ г. Оренбургѣ для учителей народныхъ училищъ Оренбургской и Уфимской губерній и киргизскихъ школъ Уральской и Тургайской областей. Значительная доля статьи посвящается киргизамъ Внутренней Букеевской орды, весьма туго поддающимся культурѣ. На стѣнѣ этой орды, говоритъ авторъ, много мѣстъ, годныхъ для хлѣбопашества, но киргизы считаютъ болѣе выгоднымъ для себя сдавать эти мѣста въ аренду крестьянамъ, а сами хлѣбопашествомъ не занимаются. Въ 1889 г. напр., въ ордѣ всего на всего было посеяно 10083 пуд. пшеницы и ржи и собрано 80191 пуд. Къ занятію огородничествомъ киргизъ тоже почти никогда не обращается, а садоводство считаетъ мало прибыльнымъ, а потому не заслуживающимъ вниманія. Чтобы изъ массы населенія Букеевской орды хотя извѣстная часть начала переживать вѣчно безпокойный образъ жизни на болѣе культурный, нужно сильное стороннее вліяніе—и это вліяніе можетъ быть оказано лишь наукой, распространеніемъ между кочевниками полезныхъ знаній тѣмъ или инымъ путемъ. Нужно доказать подрастающему населенію орды, что счастье и будущность этого народа не только въ томъ образѣ жизни, который до сихъ поръ онъ считаетъ единственно для себя возможнымъ, но что есть и другіе пути къ достиженію благосостоянія. Изъ Букеевской орды были командированы на курсы два народныхъ учителя.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1497. — Ханская Ставка. Корреспонденція.

№. III-16317.

793 а)
1901

18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ с. Кавани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочневъ. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Караманской библиотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Трошанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилкахъ у Михетъ, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Каванской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и ея Библиотекѣ. Составилъ И. Э. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) Оземлѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Арестова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. Э. Описание одного metallического зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со сниккомъ). Цѣна 15 коп.

29) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Каванскомъ Университетѣ. Томъ I. 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп., вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб. — 3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI, вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и 3-й вып. XIII т. «Извѣстій». Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1899 годы по 75 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Каванъ, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Нового Времени» (Москва, Неглинный проѣздъ, д. Дебре), г) Н. Киммедъ въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Каванъ, Университетъ) пользуются 30% устуки и безплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.

Всесоюзный 344900р

Въ 1901 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ серединѣ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азій и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, о экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: проф. Д. В. Айназовъ, проф. А. И. Александровъ, А. Е. Алекторовъ (Кустанай), И. В. Аничковъ (Ташкентъ), проф. А. С. Архангельскій, о. Н. А. Архангельскій, Г. Ахмаровъ, проф. В. А. Богородицкій, В. Л. Борисовъ, проф. Е. О. Буаде, Д. В. Васильевъ, В. Н. Витевскій, А. А. Диваевъ (Ташкентъ), И. А. Износковъ, проф. Н. О. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, о. Е. А. Маловъ, проф. О. Г. Мищенко, В. А. Мошковъ (Варшава), А. Д. Нестеровъ (Казалинскъ), епископъ Никаноръ (Орелъ), Н. Н. Новокрещенныхъ (Пермь), Н. П. Остроумовъ (Ташкентъ), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ, Г. Н. Потанинъ (С-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ, проф. Н. Н. Эвросовъ и др.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, рѣзкимъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣръ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за переоплату не платятъ.

Цѣна этого выпуска 2 рубля.

3 2044 022 473 318

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

